

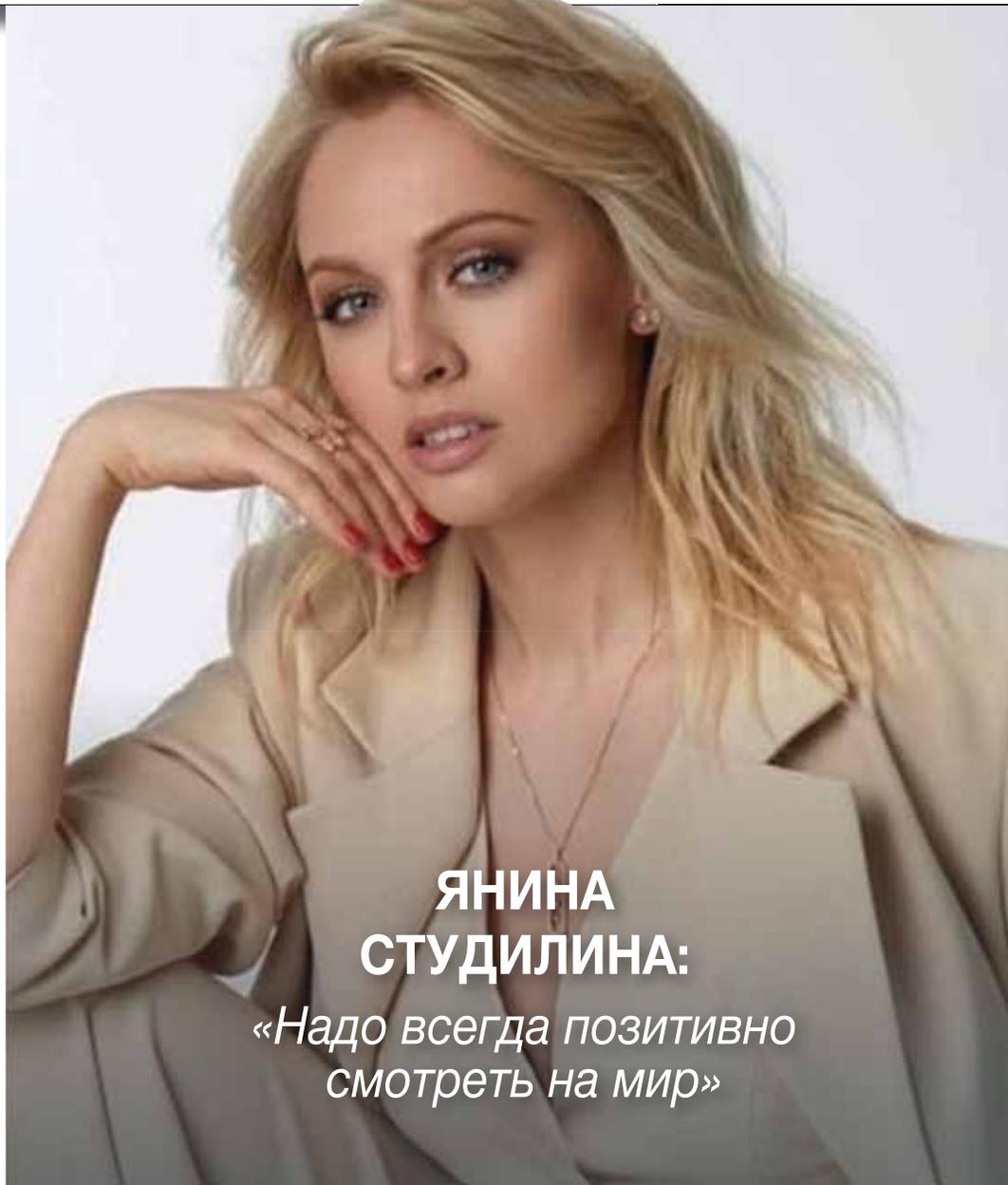
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСКУССТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2023

ЯНИНА СТУДИЛИНА:

*«Надо всегда позитивно
смотреть на мир»*

*О жизни и творчестве художницы Юдит Лейстер
читайте на стр. 48*

Это интересно

<i>Александр Ралот</i>	Секретная агентесса Его Высочества4
<i>Юрий Прокопчук</i>	Москва в жизни и творчестве Льва Толстого 15

Судьбы

<i>Светлана Марлинская</i>	Жизнь в тени вождя23
----------------------------	-----------------------------------

Рассказ

<i>Варвара Клюева</i>	Страсти по ЕГЭ30
-----------------------	-------------------------------

Молодые таланты

<i>Дмитрий Соколов</i>	Полина Ашихмина: «Джазовые композиции — это необъятный мир красоты»42
------------------------	--

Судьба художника

<i>Ирина Олимах</i>	Юдит Лейстер. «Малая голландка»48
---------------------	--

Неизвестное об известном

<i>Георгий Кричевский</i>	Бернардо Бертолуччи: «В поисках загадки»57
---------------------------	---

Уголки России

<i>Дмитрий Зелов</i>	На недельку, до второго, я уеду в Комарово72
----------------------	---

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Янина Студилина: «Театр такое место, где не работают, а служат...»76
-------------------------	---

Братья наши меньшие

<i>Юрий Шурчков</i>	Живи, брат!82
---------------------	----------------------------

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Василий Качалов. Актер МХАТа и Стива Облонский в семейной жизни92
--------------------------	--

Посмеемся вместе

<i>Татьяна Окоменюк</i>	Любовь Маньяка Петровича100
-------------------------	--

Поэзия

<i>Игорь Витюк</i>	Стихи107
--------------------	-----------------------

Легенды советского футбола

<i>Денис Логинов</i>	Вратарь со своим стилем110
----------------------	---

Житейские истории

<i>Елена Лактионова</i>	Объявление119
-------------------------	----------------------------

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Смерть за добрые дела126
--------------------------------	---------------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра и кино
Янина Студилина
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smema-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.08.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«Он писал нежные стихи о любовной страсти и бесстрашно сражался в конном строю с мюратовскими эскадронами. Его любили дети и женщины, им восторгался Пушкин. А сам он больше всего боялся сойти с ума, но, увы, не избежал печальной семейной участи и прожил в «сумеречном состоянии души» долгих 22 года... Жизненная трагедия Батюшкова лишней раз напоминает о превратностях судьбы, но нисколько не умаляет взлета его творчества, оставившего немеркнущий след в истории русской литературы.

Юрий **Осипов**. «Батюшков: "Живи, как пишешь, и пиши, как живешь"»

«В 2023 году исполнилось 120 лет со дня рождения прославленного полководца Михаила Николаевича Тухачевского. Его необычный жизненный путь и стремительная военная карьера — в 42 года он стал самым молодым маршалом Советского Союза — представляют для историков и мемуаристов весьма трудную задачу дать однозначную оценку этому амбициозному и честолюбивому человеку. Одни считают его талантливым полководцем, другие — жестоким палачом. Как это часто бывает, правы, видимо, и те, и другие. Однако все сходится в одном — Тухачевский оставил яркий след в истории нашей страны.

Владимир **Братченко** «Вторая страсть маршала Тухачевского»

«В 1917 году, получая из рук Николая II манифест об его отречении, один из лидеров «октябристов» А.И. Гучков и монархист В.В. Шульгин добились того, что последний император России поручил формирование нового правительства князю Г.Е. Львову, правда, сказал об этом с какой-то особой интонацией. Он хорошо знал Георгия Евгеньевича, да и вдовствующая императрица Мария Федоровна относилась к нему весьма благосклонно. Но, давая свое согласие, Николай, видимо, вспомнил письмо своей жены Александры Федоровны, написанное в 1916 году венценосному супругу, где она, по сути, приказывала: «Распусти Думу сейчас же. Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь...»

Виктор **Елисеев** «Премьер-министр, не любивший политику»

«Фамилия этой смолянки сохранилась в истории благодаря ее матери и бес- смертным строкам великого поэта. О том, что «наше все» отзывался об Анне Керн весьма негативно, мало кто знает, а вот строки из его стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» известны всем. Как сложилась судьба этой неординарной, начитанной, обаятельной женщины и ее дочери Катеньки Керн и как мать и дочь обессмертили себя благодаря двум гениям земли русской, мы и расскажем.

Александр **Ралот** «Дочки-матери»

««Детектив Георгия **Ланского** «Ловушка для одинокого мужчины»

ОТ РЕДАКЦИИ: нам пришло много отзывов на материал, опубликованный в 8-м номере этого года о жизни смолянок. Действительно, слова «Смольный институт благородных девиц» на слуху у многих, но о том, кто они были, как сложилась их судьба, знают далеко не все, о чем говорят ваши письма. Поэтому мы решили по вашей просьбе продолжить тему и рассказать о судьбе еще одной смолянки — Дарьи Бенкердоф-Ливен, а также продолжить рассказ о смолянках в следующих номерах.

Александр Ралот

Секретная агентесса Его Высочества

*Дарья
Бенкердоф-Ливен*

1797 год. Санкт-Петербург

Супруга императора Павла I Мария Федоровна отложила в сторону письмо, достала изящный платочек голландской работы и вытерла им слезы. Ей хотелось удалиться в опочивальню и порыдаться по-бабьи, вдоволь. Но то, что позволено простолюдинам, невозможно для особ высшего общества. Государь вечером давал бал, и присутствие на нем императрицы с припухшими глазами было со-

вершенно недопустимым. Тяжело вздохнув, Мария Федоровна кликнула прислугу:

— Велите запрягать, еду в Смольный! Графиня Безбородько будет меня сопровождать.

Спустя пять минут в кабинет вбежала запыхавшаяся фрейлина. Исполнив полагающийся реверанс, она поинтересовалась:

— Государыня, к чему такая спешка? Я и ваши придворные дамы еще затемно начали готовиться к сегодняшнему торжеству.

— Дело ведь предстоит нештучное. Нельзя же перед зваными гостями опозориться, Любовь Ильинична, — бесцеремонно перебила фрейлину Мария Федоровна. — Мне нынче не до веселья. Извольте переодеться в походное и не заставляйте ждать свою госпожу. Карету вот-вот подадут.

— Да что случилось? — Фрейлина, наконец, рассмотрела покрасневшие глаза императрицы и не на шутку встревожилась.

— Графиня, ступайте же скорей! По дороге расскажу...

Директриса Смольного института благородных девиц нисколько не удивилась внезапному визиту высочайшей особы — подобное случилось не раз. Но вид крайне расстроенной Марии Федоровны ее сильно удручил.

— Вы должны подготовить отдельные комнаты для двух новых смолянок. Девочки скоро придут в Петербург. Они уже несколько вышли из возраста, в котором воспитанниц принимают в заведение, ну да это ничего, ведь не существует правил без исключений.

Директриса молчала, не зная, как возразить высокогородной просительнице, но потом все же решилась и ответила:

— Устав института утвержден вашей свекровью, Екатериной Великой. В нем черным по белому начертано, что никто из смолянок не имеет привилегий, ни в части про-

живания, ни в части приема. Прошу меня простить, но...

— Никаких «но» быть не может. Несколько дней назад скончалась их мать, Анна-Юлиана Бенкердоф. Мы с ней были дружны с малых лет, поэтому я обязана заботиться о сиротках. Буду навещать их каждую неделю и экзаменовать по всем предметам. Высочайший рескрипт о зачислении, ввиду исключительных обстоятельств, доставят сюда в ближайшие дни.

«Двенадцать лет — это не шесть! — ворчала про себя директриса, наблюдая, как прислуга готовит комнаты для каждой из девочек. — Мои воспитанницы уже два курса обучения освоили, а эти... Научить четырех языкам! Да еще в совершенстве! Танцам и всевозможной музыке! Для чего же их готовят? Уж не для тайных ли дел? — Но она тут же прогнала подобную мысль: — Это никак не женское!»

Опасения директрисы были напрасными, так как девочки имели прекрасную домашнюю подготовку. Хорошо усваивали предметы, более того, Дарью Бенкердоф за год до окончания обучения уже пожаловали во фрейлины ее высочества.

Кисейных барышень, то есть будущих выпускниц института благородных девиц, пригласили во дворец, на смотрины. Называли их так вовсе не потому, что девушек воспитывали неженками, а исключительно из-за ткани, из которой ши-

лись платья, предназначенные для выпускного бала.

Мария Федоровна советовала своей юной фрейлине обратить внимание на графа Алексея Аракчеева.

На глазах барышни мгновенно проступили предательские слезинки.

— Вижу, что не люб. Жаль. Даже очень. Ну что же, неволить не стану. Девичьему сердцу виднее. — Императрица взяла подопечную под руку и повела в другой зал, тихо ворча при этом: — Дожила. Нынешним смолянкам и сиятельные графы уже

еще и генерал-адъютант. Подходящая партия. Ступай. Припудри носик. А я выберу момент, пошепчусь с государем. Надеюсь, он мне в «такой мелочи» не откажет...

В феврале 1800-го года молодые обвенчались. И новоиспеченную госпожу Ливен окружила беспечная дворцовая жизнь. Сопровождать повсюду свою благодетельницу было не в тягость. Супруг же делал карьеру по военному ведомству.

Теперь страной правил новый император Александр I. Он посчитал, что любимчика отца надобно спровадить куда подальше, и вскорости Ливен получил высочайший указ незамедлительно отбыть к новому месту службы. В малоперспективный Берлин. Глухомань Европы того времени. Но, как говорят, худа без добра не бывает. В этом городишке супруга российского посла обнаружила в себе пристрастие к политике...

не по нраву. Кого же тебе потребно? Герцога, принца?

Дарья не ответила — она не слышала того, что говорила императрица. Ее взгляд был обращен на игральный стол, за которым сидел Павел со своим любимцем Ливеном.

Мудрая Мария Федоровна проследила за взглядом Дарьи и все сразу поняла.

— Надеюсь, ты не на моего супруга пялишься? — с иронией в голосе произнесла она. — Будь по-твоему. Кстати, он тоже граф, да к тому же

1801 год. Санкт-Петербург

Теперь страной правил новый император Александр I. Он посчитал, что любимчика его отца надобно спровадить куда подальше, и вскорости Ливен получил высочайший указ: «незамедлительно отбыть к новому месту службы». В малоперспективный Берлин. Глухомань Европы того времени.

Но, как говорят, худа без добра не бывает. В этом городишке супруга российского посла обнару-

жила в себе пристрастие к внешней политике...

1812 год. Кабинет императора Александра I

— Ливен, я отправляю вас в Лондон. Россия ведет жесточайшую войну. Англичане — наши верные союзники. Однако не все так просто! — Хозяин кабинета на минуту замолчал. Потом не спеша подошел к окну и, не отрывая взгляда от людей, снующих внизу по площади, продолжил: — Надеюсь, что очаровательная супруга не оставит вас в трудный час и поедет на остров. Было бы замечательно, если бы она стала вашей надежной помощницей!

По своему разумению или по чьей-то указке, Дарья Ливен открыла в Лондоне шикарный светский салон. Сделала так, чтобы там как можно чаще стали бывать представители верхних слоев британского общества. Поговаривали, что именно в ее салоне чопорные англичане увидели, как надо танцевать вальс. Не раз Дарья с благодарностью вспоминала педагогов Смольного института, заставляющих до изнеможения учить языки, музицировать и танцевать. Развлекая гостей, вслушиваясь в беседы, хозяйка салона собирала ценнейшую информацию. Никогда ранее женщине, да еще иностранке, не удавалось получать нужные сведения, к тому же из самых надежных источников. Ночью в далекую Россию спешно отправлялись зашифрованные депеши.

Император с нетерпением ждал вестей из Британии. Требовал, чтобы бумаги оттуда несли сразу ему. А он уже решит, когда их переслать министру иностранных дел Карлу Нессельроде.

*Христофор
Андреевич Ливен*

1814 год. Вена

Император Александр на правах победителя создал «Тройственный союз» с Австрией и Пруссией. Он был уверен, что его держава будет играть партию «первой скрипки» в оркестре под названием Европа. Однако канцлер Клеменс фон Мет-

терних считал иначе. Российские дипломаты пытались его подкупить, предлагали выплачивать пожизненный весомый пансион — разумеется, строго секретно. Канцлер от денег не отказывался, но продолжал вести собственную политику.

*Министр иностранных дел
России Карл Нессельроде*

Перед началом Венского конгресса стран-победителей госпоже Ливен вручили личное задание от его императорского величества. В нем всего одна строчка: «Завоевать доверие Меттерниха! Любым способом!» Слово «любым» было подчеркнуто.

Графу Нессельроде поручалось обеспечить их личное знакомство.

Австрийский канцлер был весьма охоч до женского пола. Как и полагалось по законам того времени, имел, как минимум, двух любовниц: сбегавшую от знаменитого супруга княгиню Багратион и внучку не менее именитого Бирона, герцогиню Саган. Соперницы Дарьи более чем достойные, но в споре за сердце этого мужчины она победила вчистую. Ловелас-канцлер напрочь потерял голову.

Единственно, что мешало этой парочке, — расстояние: жена дипломата обитала в туманном Лондоне, Меттерних — в солнечной Вене. В интересах государства Александру I не раз приходилось разрабатывать операции под названием «Встреча влюбленных»: Дарью Харитоновну российское министерство иностранных дел срочно вызвало на континент для личного присутствия на заседаниях «Священного союза», ну а участие канцлера в них было обязательным.

Дождавшись ночи, меняя кучеров и кареты, разными маршрутами они направлялись к отдаленному отелю или гостевому домику, чтобы уединиться хоть на несколько часов...

В дни разлуки Дарья писала австрийскому канцлеру нежные послания. Запечатывала их как минимум в четыре конверта: первый адресовался секретарю австрийского посольства в Лондоне, остальные, кроме последнего, предназначались курьерам-конspirаторам. Для этой

переписки Дарья освоила написание буквиц левой рукой и использование симпатических чернил!

Меттерних наивно считал, что влюбленная женщина станет снабжать его информацией из российского посольства. Бедняжка даже не догадывался, что в этой любовной интрижке негласно присутствует третий, вернее, первый. Александр!

«Милостивый государь, — писала Дарья в Санкт-Петербург, — мне стало доподлинно известно, что австрийское правительство предпринимает шаги по сближению с лондонским королевским двором. Это делается без уведомления союзнической России!»

— Нессельроде, — государь вплотную приблизился к министру иностранных дел, — если думаете, что за вас буду работать я, то это не так. К сожалению, прямо сейчас не представляется возможным отправить вас в отставку и назначить министром графиню Ливен, но лишь по одной причине: дама носит юбки! Уверяю, наши потомки это недоразумение обязательно устроят. Почему, я вас спрашиваю, почему у меня на столе до сих пор нет доклада о сближении Австрийской империи с Англией?! Читайте! — и Александр швырнул Нессельроде депешу, полученную от Дарьи.

Министр стоял по стойке смирно, не зная, что ответить. Наконец сообразил, что молчать больше нельзя, набрал полные легкие воз-

духа, но император остановил его, указывая на стул, стоящий подле массивного стола, и сказал:

— Пишите! Отныне наша страна делает в политике резкий разворот! Нам надлежит опередить этих заносчивых австрийцев и первыми за-

*Австрийский канцлер
Клеменс фон Меттерних*

ключить обоюдовыгодные договора с англичанами. Установим с островитянами стратегические отношения. Понятна мысль, разьяснять не требуется? И еще вот что. Вызовите из Лондона чету Ливен. Графиню представить к награждению орденом

Святой великомученицы Екатерины. Указ подпишу без промедления!

1816 год. Санкт-Петербург

— Понимаю, что это не просто. Вы столько лет... — император замешкался, подыскивая подходящее слово, — были дружны с Меттернихом... Но с ним надо срочно пре-

крестный отец вашего сына. Ходят слухи, что мальчик имеет с ним даже некоторые общие черты. Впрочем, это не мое дело, я подобных слухов не комментирую и не одобряю.

— И все потому, что монарх соизволил повесить в опочивальне мой портрет? Короли имеют право на такие поступки, не так ли?

*Министр иностранных дел Англии
Джордж Каннинг*

рвать все отношения. Отныне мы начинаем сближение с англичанами!

— Государь! — ни один мускул не дрогнул на лице Дарьи и не выдал ее волнение. — Я уже наладила достаточно тесные отношения с королем Англии.

— Да, я в курсе. Если память не изменяет, Георг Четвертый —

*Премьер-министр Франции
Франсуа Гизо*

Александр кивнул в знак согласия и продолжил:

— Тамшний монарх, к сожалению, не принимает судьбоносных решений.

— Вы правы, государь, главный противник Меттерниха в Англии не король, а министр иностранных дел Джордж Каннинг.

— Прекрасно! Вот вам очередное задание. Сделайте так, чтобы он стал нашим верным союзником.

— Любыми методами? — уточнила Дарья и впервые с начала беседы улыбнулась...

Лондон. Тихая улочка городка Брайтон

— Доротея, дорогая, что ты делаешь в таком захолустье? — Любовница Байрона леди Каролина Лэм с

А госпожа Ливен поспешила на встречу с доверенным человеком, неся в изящной сумочке два письма. Одно — для австрийского канцлера, с дезинформацией, подготовленной в соответствующем российском ведомстве, второе — на родину, с подробным изложением недавней беседы с правителем Великобритании...

Увы, «служебный роман» с Джорджем Каннингом неожиданно закон-

В очередные поклонники пятидесятилетняя дама избрала премьер-министра Франции, и эта дружба длилась несколько лет. А в Россию тем временем шли письма и депеши — Дарья предупреждала, что определенные круги не прочь развязать войну в союзе с Англией и Турцией. Но император Николай отличался от своего старшего брата — подобной информации не доверял, о возможной Крымской войне имел собственное мнение и никого слушать не желал

нескрываемым любопытством разглядывала свою лондонскую знакомую, супругу российского посла.

— Не кричи так! — бесцеремонно оборвала ее Дарья. — Неужели тебе надо объяснять азы конспирации? Могла бы сразу догадаться, что я здесь не из-за красот местности. Не в столице же встречаться с... неким мужчиной.

Каролина понимающе кивнула и прошла мимо, довольная тем, что случайно узнала тайну владелицы популярнейшего светского салона.

чился: британский премьер скончался. А графиня Ливен вдруг, в одночасье, стала княгиней. Представители высшего света туманного Альбиона в день ее отъезда на родину преподнесли Дарье браслет, усыпанный драгоценными камнями. Знали бы, кому дарят столь щедрый подарок!

Санкт-Петербург

После Александра I править страной стал новый император — Николай! Дарье удалось добиться ауди-

енции с ним. Она низко поклонилась, а потом, выпрямившись, слегка улыбнулась и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

— Ваше высочество, несмотря на смерть моего... м... английского друга, я могла бы принести еще много пользы, пребывая в Великобритании. Ведь у нас был салон, всегдашняя которого сообщали...

Николай бесцеремонно перебил даму:

— Стало известно, что на острове вам грозила опасность от чрезмерно любопытных сотрудников... как эта служба у них называется?..

— Государь, вы о том конфликте? Так я и мой муж тут ни при чем!

— Не понял! Извольте пояснить, о чем вы? — Произнося эти слова, император смотрел не на стоявшую перед ним женщину, а на министра иностранных дел Нессельроде.

Опытный царедворец побелел от страха, по спине побежали струйки холодного пота. «Да как она смеет так разговаривать с императором! Он ее сейчас, прямо здесь, на моих глазах...»

А Дарья, между тем, спокойно продолжала:

— Ваше высочество, вы изволили вызвать крайне негативную реакцию в Лондоне, отклонив кандидатуру посла Великобритании в России Стратфорда Каннинга. Я так понимаю, она, прежде всего, не устроила наше министерство иностранных дел, — кивнула она в сторону Карла Васильевича.

— Что вы та-кое го-во-ри-те, — заикаясь, робко возразил Нессельроде. — У нас с британцами возникли некоторые противоречия по ряду совершенно иных вопросов...

— Теперь это уже неважно! — Николай протянул Дарье какой-то документ и добавил: — Я принял решение назначить Христофора Андреевича Ливена на должность члена Государственного совета и попечителя наследника престола великого князя Александра Николаевича. Согласитесь, это высокая честь и ответственность!

— А как же я?!

— Обратите свой опытный взгляд на Францию. Что-то там такое намечается. Ох уж эти революционеры! Хватит с нас одного тамошнего Наполеона! Ступайте. Необходимые материалы в полном объеме вам будут предоставлены. Изучайте. Возможно, наступит время, когда России понадобятся услуги такого... э... опытного дипломата, как вы. Я распорядился выделить чете Ливен казенное помещение в Царскосельском дворце. Мне докладывали, что собственного жилья у вас в России не имеется...

Пять лет спустя

Спокойный и размеренный Петербург Дарью угнетал. За долгие годы бывшая смолянка привыкла к европейскому образу жизни. Здесь не было салонов, подобных тому, который она содержала в Англии. Не получалось наладить отношения с быв-

шими подругами по институту. Общалась только с графом Нессельроде, и то все больше по служебным делам.

Супруг денно и ночью пропадал во дворце. Дарья он с собой не звал, а напрашиваться она считала ниже своего достоинства. Иногда приходили мысли о самоубийстве, но Дарья гнала их. Тем временем судьба все решила по-своему...

Роскошная карета везла графиню Ливен снова на аудиенцию к императору. Она в сотый раз повторяла в голове слова, которые скажет при встрече с самодержцем: «Ваше высочество, недавно я овдовела, кроме того, ушли в мир иной оба сына. Да и мое здоровье становится хуже день ото дня. Сделайте милость, дозвоьте покинуть Россию и обосноваться в Европе. Там я смогу еще некоторое время приносить пользу империи и... ее правителю»...

— С графом вы это уже обсудили? — буркнул государь, когда Дарья озвучила свои слова.

— Карл Васильевич сам мне предложил.

Дарья Ливен

Николай потер виски, пытаюсь что-то вспомнить, и сказал:

— Дарья Харитоновна, кажется я советовал вам изучить французские дела?

Княгиня кивнула в знак согласия.

— Поезжайте в Париж. Обустройвайтесь, открывайте салон. Опыта в этом деле вам не занимать. — Он хотел еще что-то добавить, но в кабинет робко заглянул секретарь, и Николай недовольно бросил: — Не маячьте в дверях! Я помню, что на это время у меня назначена встреча. Княгиня уже уходит. И покидает нас. — Хотел, было, добавить «навсегда», но решил вслух этого не произносить, ибо, согласно действующего закона Российской империи, эмиграция приравнивалась к особо тяжким пре-

ступлениям и наказывалась ссылкой с полной конфискацией имущества. Государю также было известно, что чета Ливен давным-давно разместила немалые финансовые активы за пределами его владений, дабы защитить их от подобных указов.

Франция. Предместье Парижа

— Я покупаю имение! Что это бывшее пристанище министра иностранных дел Франции Талейрана, мне ведомо, как и цена. И еще, не сочтите за труд, дайте объявление в газетах, что отныне по этому адресу будет располагаться салон русской княгини Ливен. И подыщите мне хорошего литературного агента — собираюсь засесть за мемуары...

В очередные поклонники пятидесятилетняя дама избрала премьер-министра Франции, и эта дружба длилась несколько лет. А в Россию шли письма и депеши. Дарья предупреждала о том, что определенные круги не прочь развязать войну в союзе с Англией и Турцией, а также ведут переговоры о привлечении в военную кампанию Швеции и Испании.

Бывшая смолянка сделала для России все, что смогла. Император Николай отличался от своего старшего брата — подобной информации не доверял. О возможной Крымской войне он имел собственное мнение и никого слушать не желал.

Зная об этом, граф Карл Нессельроде в докладах императору сведения, полученные от Дарьи, не упоминал. Тем не менее, информация княгини даром не пропала. Добытые ею сведения о противоречиях между Англией и Францией дали возможность российской делегации на мирной конференции подписать выгодные условия выхода из войны.

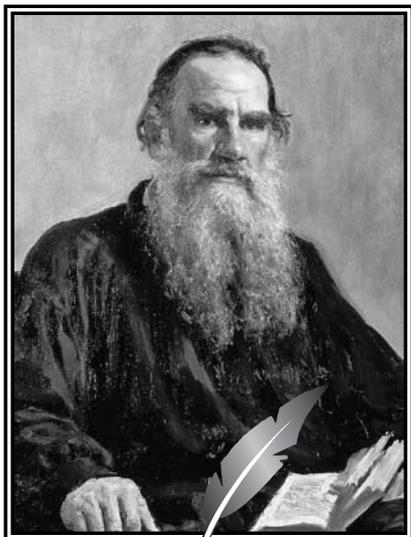
Бывшая смолянка принялась за мемуары. Работала много, даже очень. Ее книги шли нарасхват. В них Дарья Ливен описывала любовные отношения, интриги политиков крупнейших стран Европы. Но не было в них ни строчки об иной, закулисной жизни ее самой. Появились проблемы со зрением, но Дарья не сдавалась. Нашла оригинальный выход — писать на зеленой бумаге. Такие записи стали ее «фирменным знаком» и обрели многочисленных подражателей...

— Госпожа! Доставили свежую газету. Наконец-то напечатали результаты Парижской мирной конференции. — Служанка протянула Ливен увесистую пачку газет.

— Читай вслух, мне сие уже не по силам. — Старая женщина зашла в кашле, тяжелая форма бронхита не давала дышать.

— Мо-ло-цы на-ши. Про-с-то мо-ло-д... Гор-жу-сь...

Той же ночью княгиня Дарья Ливен скончалась на руках премьера Франции господина Гизо... □

МОСКВА

В ЖИЗНИ
и творчестве

Льва Толстого

Лев Николаевич Толстой родился и провел большую часть жизни в Тульской губернии, где находилось его имение Ясная Поляна. Но довольно часто он посещал Москву. По подсчетам исследователей, в Москву и Подмоскowie Толстой за свою жизнь приезжал около 150 раз. Поскольку ехал он с южного направления, так получилось, что именно юго-западные и южные районы города чаще других привлекали внимание Толстого и его родных.

Районы арбатских переулков, Хамовников, писатель знал очень хорошо. Он часто здесь жил и останавливался. Первый толстовский адрес в Москве — улица Плющиха, там семья писателя проживала в 1837–1838 годах. В 1850–1851-м Толстой снимал дом в переулке Сивцев Вражек. В 1860-е, описывая в «Войне и мире» события Отечественной войны 1812 года, он упоминал и Девичье поле, и Храм Николая Чудотворца в Хамовниках, который сейчас находится на пересечении улицы Льва Толстого (ранее — Долгохамовнический переулок) и Комсомольского проспекта.

В начале 1880-х годов дети Толстого подросли. Старший сын Сергей поступил в Московский университет, дочь Татьяну надо было «вывозить в свет», чтобы подыскать для нее подходящую партию, поэтому было решено переехать из Ясной Поляны, где Толстой почти постоянно жил в 1860-е–1870-е годы, в Москву. Небольшой дом в Денежном переулке, который снял писатель, не устраивал семью, поэтому автор «Войны и мира» решился на покупку усадьбы, чем-то напомнившую ему родную Ясную Поляну.

ДОМ С ГУСТО ЗАРОСШИМ САДОМ

В ноябре 2021 года исполнилось 100 лет со дня открытия Толстовского музея в Хамовниках. Ныне эта усадьба — зеленый оазис почти в центре города, а раньше, в конце XIX века, когда здесь жил Толстой, Хамовники считались фабричной, заводской окраиной Москвы. Ткацкая, парфюмерная фабрики, пиво-медоваренный завод окружали тогда усадьбу, купленную писателем Львом Толстым у коллежского секретаря И.А. Арнаутова за 27 тысяч рублей. Произошло это летом 1882 года, почти через год после переезда семьи писателя в Мо-

скову. Любопытно то, что дом Толстого был в некотором роде «ровесником» событий, описанных в первых томах романа-эпопеи: он пережил пожар Москвы 1812 года, хотя известно, что очень многие деревянные строения в городе тогда сгорели.

Усадьба, купленная Толстым, вполне подходила для проживания большой семьи. Густо заросший сад площадью свыше гектара, колодец, больше дюжины плодовых деревьев и кустарников, насыпная горка, приусадебные постройки... — все это произвело на писателя самое благоприятное впечатление. В путеводителе по музею-усадьбе Л.Н. Толстого мы можем прочитать: «Сад, его тени

Музей-усадьба в Хамовниках — Государственный музей Л.Н. Толстого

и краски, шорох листьев и гомон птиц Толстой полюбил <...>. Любила сад и Софья Андреевна. «Когда я увидела кленовые листья, березы, мох кругом деревьев, то точно я опять в Ясной, так стало хорошо, напомнило мне мои последние прогулки. Дети бегали, играли, гуляли», — писала она Толстому, уехавшему в Ясную Поляну. Лев Николаевич пригласил архитектора, который заново спроектировал второй этаж, надстроив три большие комнаты, и в октябре 1882 года Толстые переехали в новый дом.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЗИМ

Жили в Хамовниках Толстые «зимами» — примерно с сентября по май,

когда дети писателя посещали университеты, училища, гимназии и лицеи. Лето по-прежнему проводили в Ясной Поляне. В период с 1882-го по 1901 год Толстой написал в Хамовниках свыше ста произведений. Среди них роман «Воскресение», повесть «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Отец Сергей», народные рассказы 1880-х годов, многие религиозно-философские трактаты и публицистические статьи.

Дом Толстого стал центром культурной жизни Москвы, привлекавшим внимание писателей, ученых, артистов. Трудно перечислить имена всех известных личностей, бывавших здесь. Композитор и пианист Антон Рубинштейн приезжал

Кабинет Л.Н. Толстого в хамовническом доме

специально, чтобы поиграть для Толстого. Скульптор Паоло Трубецкой лепил здесь бюст писателя. С Владимиром Соловьевым Толстой обсуждал в этом доме религиозно-философские вопросы. В Хамовниках часто бывали художники Илья Ефимович Репин и Николай Николаевич Ге, сюда приходили театральные деятели Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. Посетителем хамовнической усадьбы в молодые годы был поэт Андрей Белый, учившийся в гимназии Поливанова вместе с сыном Толстого Михаилом.

В этом доме, в зале на втором этаже, впервые увидел «великого писателя русской земли» будущий нобелевский лауреат по литературе Иван Бунин, в молодости разделявший основы нравственного учения Толстого: «Едва вхожу, как <...> тотчас же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка, и из-за нее быстро, с неуклюжей ловкостью выдергивает ноги, выныривает, — ибо за этой дверкой было две-три ступеньки в коридор, — кто-то большой, седобородый, слегка как будто кривоногий, в широкой, мешковато сшитой блузе из серой бумазеи, в таких же штанах, больше похожих на шаровары, и в тупоносых башмаках. Быстрый, легкий, страшный, остроглазый, с насупленными бровями. И быстро идет прямо на меня, — меж тем как я все-таки успеваю заметить, что в его поход-

ке, вообще во всей посадке есть какое-то сходство с моим отцом, — быстро (и немного приседая) подходит ко мне, протягивает, вернее, ладонью вверх бросает большую руку, забирает в нее всю мою, мягко жмет и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то, вместе с тем, горестной, даже как бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькие серо-голубые глаза вовсе не страшные и не острые, а только по-звериному зоркие».

Музыкальные вечера, театральные спектакли, соперничество в шахматы, чтение вслух художественных произведений... — все это помнят стены старого хамовнического дома.

ДУХОВНОЕ РОЖДЕНИЕ

В 1880-е годы в жизни писателя многое изменилось. Перелом в мировоззрении он сам называл своим вторым, духовным рождением. Толстой пишет в те годы трактаты «Исповедь», «В чем моя вера?», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий». Он ищет смысл жизни — такой смысл, который не уничтожался бы смертью. И приходит к выводу о всесиилии любви к ближнему, представлений о братстве и равенстве всех людей, отвергает насилие над личностью, критикует церковное учение, считая, что догматика, мистика не отражают сущность воззрений Иисуса Христа,

и особое внимание обращает на идеал полного ненасилия, на слова о непротивлении злу.

Толстой всегда пытался в повседневной жизни соответствовать тому, о чем писал в своих публицистических произведениях. Он сам убирал свой кабинет, рубил и колол дрова, топил печи, возил воду, овладел сапожным ремеслом, так как считал обязанностью каждого человека уметь что-то делать своими руками. А еще отказался от курения и употребления алкоголя. Мало кто знает, что Толстой в 1887 году основал общество трезвости под названием «Согласие против пьянства». Тогда же, в 1880-е годы, Толстой стал вегетарианцем, отказавшись по этическим соображениям от мяса и рыбы — продуктов, связанных с уничтожением жизни животных. В прошлом страстный охотник, замечательно описавший охоту в «Войне и мире» и «Анне Карениной», сам он отказался от этой «злой забавы».

Весной 1901 года Толстой покинул Москву почти навсегда. С 1902 года он постоянно жил в Ясной Поляне. В Москве побывал дважды проездом в сентябре 1909 года, когда направлялся в Подмосковье, в Крекшино, где жил его друг и единомышленник Владимир Григорьевич Чертков. Сохранились кадры старой кинохроники, на которых можно увидеть, как Толстой садится в пролетку в Хамовниках и направляется на Курский вокзал, чтобы уехать в Ясную Поляну. На вокзале —

огромная толпа народа, все хотели увидеть Толстого. Именно так москвичи провожали великого писателя, к голосу которого тогда прислушивались не только в России, но и во всем мире.

ДОМ ЛОПУХИНЫХ

В октябре 1911 года, без малого чем через год после смерти писателя, открылась толстовская выставка в Историческом музее, а потом появилась идея создания Толстовского музея, который функционировал бы на постоянной основе. На протяжении нескольких лет музей размещался в восьмикомнатной квартире на Поварской, 18 — в доходном доме графа Хрептовича-Бутенева, построенном в начале XX века. Энтузиасты в течение нескольких лет хранили наследие писателя. Уже после революции, когда музей получил государственный статус, и его фонды непрерывно пополнялись, было решено подыскать более просторное помещение. Выбор создателей музея остановился на особняке Лопухиных, который располагался на улице Пречистенка и был построен по проекту архитектора А. Григорьева в 1817–1822 годах. Хотя Толстые и Лопухины и имели родственные связи, сам писатель никогда здесь не бывал. С 1920 года в этом доме располагается литературная экспозиция, посвященная жизни и творчеству великого писателя. Фонды Государственного

музея Л.Н. Толстого насчитывают около 0,5 млн единиц хранения. Здесь можно увидеть предметы живописи, графики, скульптуры, фотографии, первые издания толстовских произведений.

Особое место в фондах музея занимает отдел рукописей. Творческий процесс создания произведений писателя протекал весьма напряженно. Известно, что в 1863-1864 годах, работая над «Войной и миром», Толстой создал 15 вариантов начала произведения. В рукописном архиве музея хранятся толстовские дневники, которые в Полном собрании сочинений Толстого занимают 13 томов, письма Толстого (а известно, что за всю свою жизнь он написал около 10 тысяч писем), материалы, связанные с деятельностью родных, близких писателя, участников толстовского движения.

Работы у специалистов рукописного отдела всегда много. Дело в том, что почерк Толстого разобрать очень непросто. Часто возникают сомнения, как правильно прочитать то или иное слово в рукописи, а от этого зачастую зависит очень многое — речь идет о текстах выдающихся произведений русской литературы. Может возникнуть вопрос: а почему Лев Толстой так неразборчиво писал? Ответ весьма тривиальный: причина заключается в травме руки. В 1864 году Толстой неудачно упал с лошади, травмировав правую руку. После медицинской помощи, оказанной хирургами в Туле и в Москве, Лев Николаевич пошел на поправку, но почерк писателя стал менее разборчивым, причем с каждым десятилетием он становился все хуже.

Фондовые коллекции постоянно демонстрируются во время выставок

*«Дом Лопухиных», Пречистенка, II —
Государственный музей Л.Н. Толстого*

Толстовский центр на Пятницкой

в залах музея. Портреты Л.Н. Толстого работы кисти И.Н. Крамского и В.Н. Мешкова, многочисленные фотографии, начиная с первого дагерротипа Толстого работы В. Шенфельдта 1849 года и кончая снимками 1910-го года, уникальные книжные издания: дореволюционные собрания сочинений писателя, литература о Толстом... — все это можно увидеть на выставках музея.

ТОЛСТОВСКИЙ ЦЕНТР НА ПЯТНИЦКОЙ, 12

В Москве есть еще одно мемориальное здание, где находится филиал музея писателя. В 1857–1858 годах Толстой жил на Пятницкой улице,

снял вместе со своими родственниками дом купца Варгина. Любопытно то, что специалисты до сих пор не установили, какой именно дом Варгина на Пятницкой (их у домовладельца было несколько) снял тогда Толстой — № 12, 14 или 16 (по нынешней нумерации домов). В советские годы было решено открыть филиал Государственного музея Л.Н. Толстого на Пятницкой улице в доме №12. Небольшое двухэтажное здание, в котором с 1985 года демонстрируются музейные выставки, находится сейчас рядом со станцией метро «Новокузнецкая».

На Пятницкой Толстой общался с представителями московских литературных и научных кругов — с Афа-

насием Афанасьевичем Фетом, Александром Николаевичем Островским, Борисом Николаевичем Чичериным; работал над произведениями «Альберт», «Казачи», «Три смерти»; посещал гимнастический зал на Большой Дмитровке, театральные спектакли.

ГОРОД ИЛИ ДЕРЕВНЯ?

Может возникнуть вопрос, любил ли Толстой Москву? Ответить на него весьма непросто. С одной стороны, Толстой родился и вырос в деревне и деревенскую жизнь всегда любил больше, чем городскую. Даже когда вся семья проживала в Москве, он нередко уезжал в Ясную Поляну или в имения друзей, чтобы поработать над своими произведениями.

Конечно, Толстой любил старую, патриархальную Москву. Он прекрасно изобразил ее в романе «Война и мир». Москву капиталистическую, фабричную, заводскую, Москву с ужасным контрастом роскоши и нищеты Лев Николаевич не любил. В 1909 году, побывав последний раз в Москве, побродив по улицам, пообщавшись с людьми, писатель отметил в москвичах новых поколений черту, которой раньше не было: какая-то странная отчужденность, холодность присутствовала в отношениях между жителями города. Эта черта была прямым следствием тех социально-экономических изменений, которые происходили в жизни мегаполиса.

Любопытный факт: Толстой очень часто ходил по Москве пешком, не пользовался услугами извозчика. Благо, что в то время город был намного меньше, чем сейчас. Но он застал появление на улицах города первых трамваев, успел воспользоваться этим видом транспорта. Впоследствии писатель вспоминал: «В Москве едут в трамваях с таким настроением, как если бы провожали покойника. Я раз пробовал нарушить тишину, обратился к соседу. «А вам что за дело?» — ответил он». Конечно, писатель, прекрасно развивший в своих произведениях эмоциональное ощущение единства людей, был удивлен такому настроению.

Но в любом случае Москва оставила значительный след в творчестве Льва Толстого, свидетельством чего являются его многие художественные и публицистические произведения.

P.S. Многие герои Льва Толстого чем-то напоминают автора произведений. Наряду с Николенькой Иртеньевым, Дмитрием Нехлюдовым, Константином Левиным, вспоминается в связи с этим также Дмитрий Оленин — герой повести «Казачи». Он решил разорвать путы городской жизни — со светскими развлечениями, ресторанами, карточными играми — и уехать на Кавказ, чтобы жить совсем в других условиях. Именно так весной 1851 года поступил и сам Лев Николаевич Толстой. □

Светлана Марлинская

ЖИЗНЬ В ТЕНИ ВОЖДЯ

В пантеоне российских революционеров она всегда занимала очень скромное место, хотя, по сути, была «первой леди» новых хозяев

Она родилась 26 февраля 1869 года в Санкт-Петербурге в обедневшей дворянской семье. Педагогический класс гимназии Наденька окончила с золотой медалью и поступила на Высшие женские курсы, но проучилась там всего лишь год. Впрочем, каких-либо архивных данных о том,

жизни. К тому же в молодости была очень хороша собой и умна, но все равно оставалась даже не на вторых ролях, а как бы персонажем без особого статуса. Жена Ленина — и только. Сталин даже этого положения за ней не признавал: порой грозился «назначить вдовой Ленина» кого-нибудь другого.

Конечно, не назначил — охотник как-то не находилось. Так и умерла Надежда Константиновна Крупская неизменной спутницей Ленина, его тенью.

А ведь была незаурядной личностью. И сделала для революции немало. Но практически все это осталось незамеченным и неоцененным.

Судьба или характер? Пожалуй, и то, и другое.

что Надежда окончила гимназию с отличием, нет. Да и саму ее золотую медаль никто никогда не видел. И не стремился видеть — никому не было дела до юной девушки, вынужденной с утра до вечера давать частные уроки в разных концах огромного города.

После смерти отца в 1883 году и без того скромное положение семьи стало почти бедственным. Пенсии за отца едва хватало на самое необходимое. Даже жильцов Крупские не могли держать — квартира была крохотная, из прислуги — одна кухарка.

Помимо уроков Надежда преподавала в Петербургской воскресной вечерней школе для взрослых за Невской заставой. Большинство учеников в ней были старше своей учительницы, но ее это не смущало. Может быть, потому, что для преподавания в других учебных заведениях нужен был настоящий диплом, а не свидетельство об окончании гимназии. Конечно, в сельской школе можно было преподавать и без диплома, но уехать в глушь у Надежды не было ни малейшего желания. К тому же отец Нади был близок с участниками движения народолюбцев, и девушка с юности заразилась левыми идеями, из-за чего очень быстро оказалась в списках «неблагонадежных». Хотя явных действий против режима за ней не числилось. Не считать же таковыми бесконечные диспуты с единомышленниками — молодыми, пламенными революционерами. Тогда это было даже модно, во всяком случае, вполне заменяло пошлые вечера с танцами.

Кстати, танцевать Надежда так и не научилась. Да и не любила. Как не любила и традиционно женские занятия — рукоделие, стряпню, домашнее хозяйство. Мать, Елизавета Васильевна, только вздыхала: дочь бесприданница, дочь-белоручка, с

ее точки зрения, была обречена остаться в старых девах.

Но Елизавета Васильевна ошибалась.

С 1890 года Надежда Крупская являлась членом марксистского кружка. В 1894 году в кружке она и познакомилась со «Стариком» — такую партийную кличку носил молодой и энергичный социалист Владимир Ульянов. Острый ум, блестящее чувство юмора, великолепное ораторское мастерство — в Ульянова влюблялись многие революционно настроенные барышни.

Правда, в тот день будущий Ленин, а тогда умный и энергичный юноша 24-х лет, обратил на себя внимание отнюдь не Надежды, а ее более обаятельной подруги, Аполлинии Якубовой. Они встречались некоторое время, пока Ульянова не посадили в тюрьму. Но почему-то он доверился не Якубовой, а скромной Наденьке Крупской. Принято считать, что будущего вождя революции привлекла в ней не женская красота, а исключительно идейная близость. Это не совсем так. Безусловно, главным объединяющим началом для Крупской и Ульянова стала политическая борьба. Однако правда и то, что влекла Владимира к Наде и ее привлекательность. В юности она могла считаться даже красивой. Об этом говорят многочисленные фотоснимки, где запечатлена стройная девушка с симметричными чертами лица и немного пухлыми губами. Сама она называла себя «дамой с петербургской внешностью»: блед-

ное лицо с серо-зелеными глазами, длинная русая коса, нежно-розовый румянец.

Она действительно была очень привлекательна в молодые годы, но эту красоту у нее отняло страшное аутоиммунное заболевание — базедова болезнь, одним из самых ярких проявлений которой были выпученные глаза. Надежде заболевание досталось по наследству и уже в юности проявлялось в вялости и регулярных недомоганиях. В конце XIX — начале XX века эффективных способов борьбы с этим заболеванием еще не было, и оно искалечило Надежде всю жизнь.

В 1896 году Надежда Крупская оказалась в тюрьме как активистка созданного Ульяновым «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сам лидер «Союза» к тому времени уже сидел в камере, откуда и попросил руки Надежды. Она согласилась, но ее собственный арест и ссылка на три года отложили свадьбу. Но Ленину нужна была жена: его благонадежность и так

находилась под большим сомнением у властей, поэтому из Шушенского он написал Надежде письмо с вторичным предложением руки и сердца, и она ответила согласием.

По законам Российской империи без брака мужчина и женщина не могли жить под одной крышей, тем более политзаключенные. Но к тому, чтобы узаконить отношения заключенных, относились лояльно и всегда шли навстречу таким бракам. Считалось, что так люди остепенятся и станут думать о семье, а не о революции. Но, как показало время, не в случае с Крупской и Лениным.

Поженились они в Сибири, в Шушенском, в июле 1898 года.

Историки уверены, что брак этот должен был быть фиктивным, так как изначально Владимир должен был связать себя узами брака с некой Еленой Лениной. Но она наотрез отказалась ехать в Сибирь к будущему мужу, поэтому Крупская стала единственной из возможных

вариантов. На момент регистрации ей было 29 лет, Ленин был на год младше.

Кольца, отлитые из медного пя-така, потертый коричневый костюм новобранного — образец скромного бракосочетания революционеро-

вым. Владимир Ильич, впрочем, на редкость индифферентно относился к попыткам сестры прояснить эту двусмысленную ситуацию:

«Не время, Аннушка, заниматься всякими сплетнями. Перед нами сей-час стоят грандиозные задачи рево-

Соратники отмечали фантастическую работоспособность Надежды — все годы рядом с Владимиром Ильичом она обрабатывала огромный объем корреспонденции, материалов, вникая в совершенно различную проблематику, и при этом умудрялась писать и собственные статьи. Впрочем, какие бы нюансы ни украшали быт революционной четы, брак Ульянова и Крупской следует признать удачным идеологическим союзом

атеистов, зарегистрировавших офици-альный брак «для бумажки».

О том, что женитьба была во мно-гом формальной, косвенно свиде-тельствует известный биографам Крупской эпизод — скандал, случив-шийся непосредственно во время медового месяца в Шушенском. Се-стра Ленина Анна Ильинична, кото-рой новая родственница категориче-ски не нравилась, не оставляла без внимания слухи о том, что Надежда якобы «таскается с товарищами». Судачили о том, что неподалеку от Шушенского на сахарном заводе работает красавец-ссылный Вик-тор Константинович Курнатовский, который-де влюбился в Надежду Константиновну, и его чувство, со-гласно «расследованиям» Анны Ильиничны, не осталось безответ-

люционного характера, а ты ко мне с какими-то бабскими разговорами...»

Надежда Константиновна во всех документах после замужества пи-салась Ульяновой, но подписыва-лась везде как Крупская. А среди революционеров ее вообще знали под кличками: «Онегина», «Минога», «Рыба»... Это помогало ей сохра-нить дистанцию от своего мужа, как бы «вести свою жизнь».

Через 20 лет после свадьбы она стала вновь Крупской. Это случи-лось после революции, когда она поменяла паспорт.

Соратники отмечали фантасти-ческую работоспособность Надеж-ды — все годы рядом с Владимиром Ильичом она обрабатывала огром-ный объем корреспонденции, мате-риалов, вникая в совершенно раз-

личную проблематику, успевала не только обрабатывать все письма, но умудрялась писать и собственные статьи.

Впрочем, какие бы нюансы ни украшали быт революционной четы, брак Ульянова и Крупской следует признать удачным идеологическим союзом. Адреналина хватало: в качестве семейного хобби они учились уходить от «хвоста» и вписывать в книги между строк информацию невидимыми чернилами.

Организаторские таланты Крупской и муж, и товарищи ценили особо: уже в 1894–1895 годах хранение архива организации доверили именно ей.

А в эмиграции она поддерживала переписку с 3 тысячами (!) корреспондентов, вписывая в невинные

послания и на книжные страницы бесконечные строки шифровок, изводя литры симпатических чернил. Всю последующую жизнь Крупская исполняла роль целого секретариата: вела переписку с соотечественниками, готовила и проводила съезды и конференции, редактировала печатные издания, исполняла обязанности переводчика и личного референта мужа.

Спустя годы известный революционер и публицист Михаил Ольминский писал о ней: «Она всю работу, так сказать, черновую, исполняла, она оставляла ему самую чистую работу, а все конспиративные сношения, шифровки, транспорт, сношения с Россией, все вела сама. И поэтому когда мы говорим — Ленин великий организатор, то я до-

одной соратницей по борьбе, Инессой Арманд. Эти отношения продолжались и после того, как в 1917 году политэмигрант Владимир Ульянов превратился в лидера Советского государства Владимира Ленина. У них были общие революционные интересы, и поэтому многие приписывали им роман. Крупская знала об этом, но, вопреки надеждам сплетников, относилась спокойно к времяпровождению мужа и Инессы. Объяснялось это просто: отношения были платоническими, что доказывало единственное письмо Инессы, где она упоминает о «поцелуях, без которых могла бы и обойтись».

История о том, что Крупская будто бы ненавидела соперницу и всю ее семью, является вымыслом. Надежда все понимала и неоднократно предлагала мужу свободу, даже готова была сама уйти, видя его колебания. Но Владимир Ильич, делая для себя непростой жизненный выбор, остался с женой.

Это трудно понять с точки зрения простых бытовых отношений, но

бавляю, что Ленин с помощью Надежды Константиновны — великий организатор».

Многие называют Ленина не столько революционером, сколько организатором. Только в таком случае нужно говорить «Ленин», а Крупскую держать в уме. Именно она занималась шифровкой, организовывала транспортное сообщение, налаживала контакты в России, то есть делала то, что отнимает куда больше сил и времени, но не сулит народного признания.

Пока было кому выполнять всю эту «грязную» работу, Ленин вполне мог вести отстраненные диспуты с такими же возвышенными революционерами, как и он сам. Мог выступать с трибун, заложив руку в пальто, а второй закладывая в историю легендарный жест «правильной дорогой идете, товарищи!»

Надежда отдавала себе отчет, что Владимир может увлечься другими женщинами. Так и случилось — у него вспыхнул роман с еще

Инесса и Надежда оставались в хороших отношениях. Их политическая борьба стояла выше личного счастья.

Инесса Арманд умерла от холеры в 1920 году. А в следующем году тяжёлая болезнь сразу самого Ленина. Частично парализованного мужа Надежда возвращала к жизни, используя весь своей педагогический талант, заново обучая говорить, читать и писать. Ей удалось почти невозможное — вновь вернуть Ленина к активной деятельности. Но новый инсульт свел все усилия на «нет», сделал состояние Владимира Ильича практически безнадежным.

После смерти мужа в январе 1924 года работа стала единственным смыслом жизни Надежды Константиновны. Она много сделала для развития в СССР пионерской организации, женского движения, журналистики и литературы. Но беда была в том, что ее, талантливого, умного и самодостаточного человека, в СССР многие воспринимали исключительно как «жену Ленина». Этот статус, с одной стороны, вызывал всеобщее уважение, а с другой — подчас пренебрежение к личной политической позиции Крупской.

«Партия любит Надежду Константиновну не за то, что она великий человек, а потому, что она близкий человек великого нашего Ленина», — эта однажды сказанная с высокой трибуны фраза очень точно определила положение Крупской в СССР 1930-х годов.

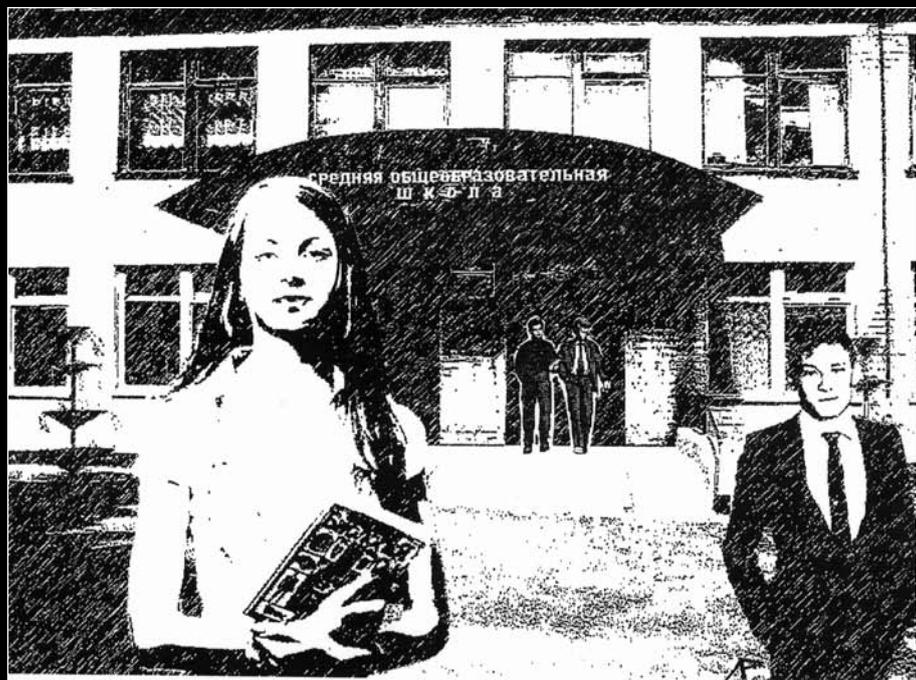
Последние годы жизни Крупской были даже не печальны — трагичны. У нее не только изъяли, до последнего клочка, весь архив Ленина, она была лишена даже могилы мужа — каждое посещение Мавзолея, куда ее загоняли буквально силой, оборачивалось тяжелым ударом по психике, а просьбы «похоронить мужа по человечески» кремлевский горец высокомерно игнорировал, угрожая «подобрать вождю другую вдову».

26 февраля 1939 года Надежда Константиновна Крупская отпраздновала свое 70-летие. На торжество к ней собрались старые большевики. Сталин прислал в подарок торт — всем было известно, что соратница Ленина любила сладкое.

Через несколько часов после торжества Крупской стало плохо. У нее диагностировали острый аппендицит, который вскоре перешел в перитонит. Надежду Константиновну доставили в больницу, однако спасти не смогли...

Публицистическое и историческое наследие, которое она оставила после себя, — огромно. Письма, речи, статьи — все это имеет историческую ценность. Но большинство в ней видит только женщину неприятной внешности, то и дело восклицая, мол, как дедушка Ленин мог вообще на ней жениться? Только сам Владимир Ильич прекрасно знал, что без поддержки этой женщины у него бы ничего не получилось.

Местом упокоения Надежды Константиновны Крупской стала ниша Кремлевской стены. □

Страсти по ЕГЭ

Вы знаете, что хвастаться нехорошо? Я тоже об этом слышала, но значения не придавала. Впрочем, покажите мне девицу, которая удержалась бы от похвальбы под восхищенным взглядом симпатичного попутчика в новеньком лейтенантском мундире! Особенно, если у девицы есть основания для довольства жизнью и собой. А у меня они были. Во-первых, я досрочно сдала сессию. Во-вторых, заработала повышенную стипендию. В-третьих, успела ухватить билет на последний день мая, когда еще действует студенческая скидка, и по такому случаю катила в родное Ставрополье в роскоши купейного вагона фирменного поезда.

Не мудрено, что эйфория вскружила мне голову, и я предалась безудержному самовосхвалению, забыв про второго попутчика — маленького пузатого джигита, который через час после отправления поезда совершил героическое восхождение на свою верхнюю полку, отвернулся к стенке и заснул. И откуда мне было знать, что при нем ни в коем случае нельзя произносить роковые слова «экзамен по математике»?

Итак, я беспечно флиртовала с лейтенантиком и, между прочим, воспевала свой выдающийся интеллект. И учусь-то «на отлично», и две публикации в математических журналах имею, и даже подрабатываю, сдавая экзамены за трепетных дев-гуманитариев, которым для поступления на специальности вроде философии или структурной лингвистики нужно набрать запредельные баллы по математике.

Как можно сдать экзамен за другого человека? Легко! Простенький набор примера, немного художественных способностей, и ни один охранник на входе не заподозрит, что фотка в паспорте не твоя. Тем более что на лица обычно никто не смотрит, больше шарят глазами по одежке, «контрабанду» высматривают...

Перед Орлом, в котором расписание сулило длительную стоянку, я направилась в туалет. А на выходе была атакована пузатеньким джигитом

из родного купе. Его макушка сверкала лысиной где-то на уровне моего носа, но глаза горели такой неукротимой страстью, что я испуганно пискнула и отпрыгнула назад, за спасительную дверь туалета. Однако закрыть мне не дали.

— Тебя послал мне Аллах! — возвестил горец, стиснув мое запястье. Акцент и фанатичная убежденность его тона подсказали мне, что протестовать бессмысленно. — Я слышал ваш разговор. Ты сдашь ЕГЭ по математике за моего сына Гери. Я заплачу. Много.

К моему облегчению (похоже, изнасилование или гарем мне все-таки не грозят) примешалась изрядная растерянность. Дядя явный псих. Как он надеется провести меня на экзамен вместо сына? Охранники на входе в пункты сдачи ЕГЭ, конечно, не вглядываются в лица, но не слепцы же они, чтобы принять русскую девушку за кавказского юношу!

Джигит принял мою растерянность за колебания и принялся горячо меня убеждать:

— Мой мальчик очень, очень умный! Золотую медаль должен был получить. Аслан-бандит не дал, наслал подлую проверку. Своего щенка проталкивает, моего Гери топит...

Мысленно продираясь через незнакомые слова с обилием гортанных согласных и всепобеждающей гласной «ы» (судя по эмоциональной окраске, это были эпитеты в адрес нехорошего человека Аслана), я кое-как сумела извлечь из сбивчивой речи горца связную историю.

Аслан и Сафар родились в одном городе (назовем его... ну, скажем, Тындым) и с детства соперничали между собой. До поры до времени здоровая конкуренция шла им на пользу: оба хорошо учились, брали призы на соревнованиях, поступили в институты, женились на красавицах, ретиво карабкались по карьерной лестнице и выбились в большие люди. Сафар стал заместителем мэра Тындыма по хозяйственной части, Аслан — начальником тындымского управления образования.

А потом «большие люди» начали меряться успехами детей, и здоровье у их конкуренции резко пошло на убыль. Сын Сафара уродился более одаренным, но Аслан, командующий «судьями», обеспечил своему щенку гандикап. В результате щенок получит медаль, а сын Сафара — кукиш. Одно только и утешало Сафара: сын, оценки которого заработаны талантом и трудовым потом, поступает на экономический факультет университета, а Асланов щенок со своей «липовой» медалью может рассчитывать разве что на педагогический.

Однако за три месяца до экзаменов выяснилось, что для поступления на экономический факультет престижного вуза знаний на школьную «пятерку» по математике недостаточно. Нужно уметь решать олимпиадные

задачи, а людей, которые могли бы научить этому Гери, среди местных преподавателей не обнаружилось. Сафар пытался найти репетиторов в других городах, но кто же из уважающих себя специалистов согласится бросить работу на три месяца?

Несчастный отец потерял сон и покой, но, в конце концов, придумал, как помочь сыну.

В день проведения экзаменов на пункты сдачи ЕГЭ допускаются не только ученики, организаторы и надзиратели от управления образования, но и общественные наблюдатели. Заместителю мэра несложно внедрить в ряды последних своего человека. Хозяйственнику, который курирует состояние зданий, принадлежащих госучреждениям, ничего не стоит запустить в школы города соответствующую инспекцию и по результатам проверки потребовать, чтобы кое-где провели небольшой, но срочный ремонт. Для хорошего начальника не составит труда найти толковых исполнителей, которые за скромную премию установят в некоторых туалетах перегородки с секретом и будут об этом помалкивать. Наконец, влиятельный чиновник всегда найдет подход к сотруднику вневедомственной охраны, который может спрятать мирного интеллектуала в охраняемом здании и не попасть при этом в объективы камер слежения.

После того как все приготовления были завершены, Сафар лично отправился в столицу, чтобы нанять и привезти специалиста по решению сложных задач. В успехе он не сомневался, ведь теперь умельца достаточно было залучить в Тындым только на пятое июня (день экзамена по математике), а скупиться любящий отец не собирался. Он не учел одного: начало июня — не только время выпускных экзаменов, но и разгар летней сессии. Самая горячая пора для преподавателей и студентов. Так что отыскать человека, способного решить экзаменационные задачи из части С и готового отправиться на пару дней в далекий Тындым, Сафару, который из опасений огласки вел поиски осторожно, не посчастливилось. Зато ему повезло взять обратный билет в одно купе с болтушкой, которая за двадцать лет так и не усвоила, что хвастовство до добра не доводит.

Вот таким образом я и вляпалась в криминал.

Из соображений конспирации в Тындым мы с Сафаром приехали порознь и не общались даже по телефону. В гостинице меня приняли, как особу королевских кровей, но предлагаемые там развлечения наскучили мне в первый же день, а до экзамена нужно было прожить три. Поэтому я большей частью развлекалась, гуляя по городу и окрестностям.

Тындым — городок небольшой, достопримечательностей здесь немного. Глазеть на местных джигитов опасно — не так поймут, да и не слишком-то они радуют взор, честно говоря: не выйдя ростом, здешние

мачо добирают солидности за счет жировых отложений в районе пояса. Зато на горожанок я тарашилась с открытым ртом. И не потому, что жительницы Тындыма сплошь красавицы (хотя красавиц там много), а потому что буквально каждая — независимо от внешности, возраста и телосложения — Женщина с Большой Буквы. Походка, осанка, платья, обувь, прически, украшения... Никогда не подумаешь, что эти дивы идут с работы или вышли прогуляться до ближайшей булочной! В наших палестинах в таком виде посещают официальные посольские приемы или церемонию вручения престижных наград.

Но главное, на что стоит полюбоваться в Тындыме, это, конечно, горы. Вот где красота вызывает одно восхищение, без тени горечи по поводу собственного несовершенства. Там я и провела весь третий день. А потом наступил день экзамена.

Школу, в которой его проводили, я отыскала еще накануне, а пятого июня, как и было договорено, пришла туда к половине девятого, за полтора часа до начала. Охранник, поджидавший у задних ворот, через которые вывозят мусор, отвел меня в двухэтажную пристройку. По дороге он объяснил, что в этой части здания только мастерские, столовая и спортивный зал, а потому там не стали монтировать камеры, которыми утыкан весь главный корпус. Но мне все равно не стоит выходить из мастерской — чтобы не попадаться на глаза учителям и наблюдателям, для которых в столовой накроют шведский стол. Поесть мне принесет буфетчица Наида, ее предупредили. Туалет — в раздевалке на втором этаже, туда лучше бы наведаться заранее. А если понадобится потом, то хорошо бы сначала убедиться, что в пределах видимости никого нет.

Я заверила охранника, что не подведу его, расположилась за учительским столом в кабинете домоводства и включила предусмотрительно прихваченную с собой «читалку». Ждать мне предстояло около двух часов. Пока начнется экзамен, пока Сафаров сын перепишет для меня задание, пока доберется до туалета и спрячет листок с заданием в тайнике... А потом еще наш «связной» из общественных наблюдателей должен этот листок извлечь и донести до меня. Пожалуй, и два с половиной часа набегит.

«Связной» явился почти в половине двенадцатого. К тому времени я уже четверть часа нервно бегала перед дверью кабинета, предвкушая провал: в час дня решенное задание должно лежать в тайнике, иначе парень просто не успеет его переписать. И сколько времени, спрашивается, остается мне на решение?

Боюсь, я напрочь испортила себе репутацию, продемонстрировав полное отсутствие воспитания. Не поздоровавшись и даже не поглядев толком на своего сообщника (отметила только мельком, что он тоже невысок), я требовательно протянула руку и зашипела:

— Скорее же! Скорее!

А как только листок оказался у меня, молча бросилась к столу и выключилась из реальности.

Разумеется, решить шестую задачу я не успела. Не успела бы и пятую, если бы не шальное везение. Уравнение шестой степени с параметром выглядит устрашающе, но решить его можно едва ли не единственным способом, который наш учитель называл «видишь бяку — обозначь». А «бяка» в данном случае просто бросалась в глаза, и после ее обозначения функция в левой части свелась к милому кубическому многочлену, который легко разложился на множители. Будь у меня еще хотя бы минут двадцать... Но когда я записала ответ на предпоследнюю задачу, на часах было пять минут второго. А экзамен заканчивается без пяти два... Минуточку! А где же мой «связной»?

Я заметалась, выглянула за дверь, никого не обнаружила и поняла, что придется задействовать план «Б»: бежать к дворнику — запасному агенту Сафара, завербованному на случай какого-нибудь сбоя в плане «А». В принципе, дворнику не полагается находиться в помещении школы в день экзамена, но кому совесть позволит не пустить рабочего человека в туалет?

Еще раз выглянув за дверь и убедившись, что в холле и переходе пусто, я скинула босоножки, чтобы не стучать каблуками по плитке (акустика в холле была такая, что мое цоканье разнеслось бы по всей школе), и метнулась в столовую. Дружелюбная буфетчица выпустила меня через подсобку, задняя дверь которой вела на площадку для мусорных баков.

Минут пять у меня ушло на то, чтобы высмотреть дворника и привлечь его внимание. Еще пару минут заняли переговоры, передача «секретных документов» и дискуссия на тему, можно ли разглядеть их под светлой футболкой. Потом я немного постояла, бессильно привалившись к стволу бука и утирая холодный пот. Возвращаться в «подполье» не хотелось, но нужно было забрать свою электронную книжку и предупредить «связного» — если он все-таки до меня доберется.

Первым, что меня насторожило, когда я нырнула в коридорчик, ведущий в мастерские, была приоткрытая дверь кабинета домоводства. Приблизившись к щели, я увидела подошву мужской туфли, курчавую поросль на фрагменте ноги и задрывшуюся брючину. Уже понимая, что меня ждет, толкнула дверь и ухватилась за косяк. Затылок представлял из себя кошмарное месиво из черных волос и темной крови. Волокнистая лужица наполнялась и опала, когда очередная порция крови прокладывала себе дорожку вниз — по ложбинке на шее к воротнику рубашки — прежде белому, а теперь алому.

Чувствуя, что сейчас позорно упаду в обморок, я поспешно отвела глаза и тут же наткнулась взглядом на огнетушитель, валяющийся почти

у моих ног. На краю сознания мелькнула мысль: «Так вот чем его приласкали». Тут меня подбросило. На человека напали, он истекает кровью, какого же черта я стою столбом?

Рывок к столовой и три фразы, брошенные перепуганной буфетчице, окончательно исчерпали мои ресурсы. Я не помню, как добралась до подсобки, сколько времени просидела одна, прежде чем Наида вернулась. Чем она меня поила? Водой? Валерьянкой? Я не ощущала ни вкуса, ни температуры, не слышала ее слов, хотя видела, как шевелятся губы. Похоже, из всех органов восприятия мне не изменило одно зрение.

Вот перед глазами возникла согнутая спина в серо-голубой форменной рубашке, потом — покрасневшее от натуги лицо давешнего дворника. Дворник держит безвольное тело раненого за колени, ему неудобно: ноги жертвы болтаются, мешают идти. Охраннику и того хуже: он несет пострадавшего за плечи, пятится мелкими шажками, придерживая забинтованную голову жертвы. Наида спешит мужчинам на помощь, теперь много-страдальную голову бережно поддерживают ее руки.

На некоторое время подсобка опустела, потом снова появились Наида и охранник, который привел меня в себя нехитрым, но действенным способом — взял за плечи и энергично встряхнул.

— Ты как, дойти до ворот сможешь? Я остановлю машину и попрошу, чтобы тебя довезли до поликлиники.

— Не нужно, — покачала я головой. — Посижу немного, само пройдет. Что с раненым? Он выживет?

— При мне его не осматривали, — пожал плечами охранник. — Сунули в «скорую» и умчались. Теймыр, дворник, поехал с ними, вернется — узнаем. Ты, случайно, не в курсе, кто твоего курьера приложил?

— Нет. Я его не дождалась, ушла искать Теймыра. Вернулась через четверть часа, вокруг — никого, дверь приоткрыта, на полу — тело, рядом огнетушитель валяется... Вы не видели, кто проходил в пристройку, начиная с пяти минут второго? Вряд ли таких было много...

— Видел, конечно: у нас пост прямо напротив перехода. После того мужика сюда завернули три женщины. Сначала девчонка-географичка, потом наша завуч и тетка из управления — видная такая дама...

— Изета Халиковна, — подсказала Наида. — Куратор.

— А больше никто в пристройку не ходил, — продолжил охранник. — Минуты через три после того, как эта Изета вернулась в главный корпус, примчалась Наида со своим известием. Но не они же мужика уделали! Не алкашки ведь, не базарные бабы... Культурные женщины, педагоги! Наида, ты точно никого через подсобку непустила?

Пока буфетчица возмущалась этим наглым поклепом, я размышляла. Положим, в непорочность педагогов я не верю, всяких навидалась. Но со-

рвать со стены огнетушитель и разmozжить голову стоящему к тебе спиной человеку — поступок и впрямь выходящий за рамки. Главное, непонятно — за что? Ведь не за транспортировку же бумажек из тайника и обратно! Покушение на убийство как профилактика мелкого жульничества на экзамене — это как-то чересчур... Даже если предположить, что Аслан узнал о замысле Сафара и посулил большие деньги тому, кто этот замысел сорвет, нападение на нашего «связного» — нелепость сродни пальбе из пушки по воробьям. Достаточно было проследить за ним в первый раз, поймать нас в момент передачи задания и выставить из школы. Или не сводить глаз с мальчика, чтобы он не имел шанса списать. Насилие же ничего, кроме крупных неприятностей, ни одной из педагогинь не сулило. Риск, что тебя застигнут на месте преступления, полиция в школе, скандал... Нет, для такого деяния нужна причина посерьезнее, чем амбиции организаторов экзамена, желание угодить патрону или получить премиальные. Ревность, месть, страх...

— Наида, вы, наверное, знакомы со всеми тремя дамами? Может быть, слышали о них что-нибудь такое... о чем не принято говорить?

К возможности поделиться местными сплетнями буфетчица отнеслась с энтузиазмом. Я узнала много интересного. Например, что Ирина Ивановна раньше была директором колледжа в другом городе, и ходят слухи, будто ее сняли за то, что брала взятки. А вот в Тындыме это за грех не считается. Что плохого в том, чтобы отблагодарить человека за доброе дело или принять искреннюю благодарность? Изета, например, курирует четыре школы и никогда без мешка с подарками из них не уезжает. И все довольны.

А еще Ирину Ивановну за глаза называют «чучелом» и «старой девой». Но она же не виновата, что нехороша собой и не умеет одеваться! Вот Изета выглядит королевой — и стать при ней, и золото с камнями, и наряды. Зато муж у нее — подкаблучник, все над ними смеются. А у Симы, молоденькой географички, и муж — орел, и внешность — загляденье, и одевается, как куколка, только счастья нет: четвертый год замужем, а детей аллах не дает. Как бы не улетел ее орел...

Тут пошли «сплетни в виде версий», и я прервала их поток, переведя разговор на пострадавшего. О нем Наида и охранник знали немного. Вроде бы работает в строительной конторе, вроде бы бухгалтером, вроде бы в связях ни с одной из «педагогинь» не замечен...

Ясно, мотив мне из свидетелей не вытащить. Сосредоточимся на возможности.

— В каком порядке, вы говорите, дамы прошли в пристройку? — обратилась я к охраннику.

— Сначала молоденькая — через минуту после мужика. Потом, минуты через три — завуч и кураторша.

— Вместе?

— Вместе, — опередила охранника Наида. — У них разговор был. Кажется, про журналы, не знаю точно. Мы с Симой, когда они вошли, ругали эти экзамены. В классе окна на солнечную сторону, жарко, душно. А ребята, бедные, четыре часа задачи решают... Изета, как услышала нас, раскричалась. Взрослые, кричит, в жару на полях и стройках работают. И пожилые, и беременные, причем целый день. А эти, молодые-здоровые, четыре часа на стуле посидят, ручкой по бумаге поведут и плачут: ах, мы, бедные! Уж так бушевала! Ирина с Симой по-тихому за дверь, а мне бежать некуда...

— Они вместе ушли? — уточнила я.

— Не помню, — растерялась буфетчица.

— Порознь, — вступил охранник. — Сначала географичка, следом Ирина.

— Следом — это насколько скоро?

— Ну, минуты через две-три, точнее не скажу. К тому времени ребята уже начали выходить с экзамена, отвлекли меня.

«Допустим, «связной» пришел сразу после моего ухода, — размышляла я. — Злодейке нужно было как-то обнаружить его в кабинете домоводства, опознать, принять решение убить или покалечить, найти орудие и, собственно, напасть. И все это бесшумно, иначе мужик не стоял бы к двери спиной. Успела бы Сима управиться за три минуты — до появления завуча и кураторши? Вряд ли. Когда они вошли в буфет, Сима с Наидой уже вовсю оплакивали участь бедных деток, и разговор начался не сию минуту, иначе Наида не увлеклась бы им настолько, чтобы не обратить должного внимания на появление начальства. А после? Могла Сима выскользнуть за дверь сразу, как Изета начала кричать, и повернуть все до того, как из столовой дезертировала Ирина Ивановна? Вполне. В завучах чинопочитание сильнее, чем в рядовых учителях, и к начальственным бурям они привычнее. А Ирине Ивановне с ее директорским опытом ничего не стоило продержаться и пять минут, и все десять...

Кстати, это дает возможное объяснение, каким образом Сима заметила жертву. Коридор, ведущий в мастерские, расположен прямо напротив столовой, кабинет домоводства — первая дверь направо, акустика в холле превосходная. «Связной» мог услышать вопли кураторши и выглянуть. Если Сима как раз в этот момент выходила, она бы заметила и узнала его... Да, но тогда и он бы ее узнал и не дал бы подойти к себе со спины с занесенным огнетушителем.

Между прочим, эти огнетушители — тяжеленные штуковины, килограммов семь, не меньше. А Наида назвала Симу куклой, так что едва ли

девушка атлетически сложена. «Видной даме» Изете с ее королевскими статьями орудовать тяжелыми предметами наверняка сподручнее. А что за бурю в стакане воды она устроила? Подумаешь, две сердобольные тетки пожалели недорослей! Не нарочно ли начальница так разоралась, чтобы разогнать возможных свидетелей своего будущего злодеяния?

Завуча тоже нельзя сбрасывать со счетов. Она могла ускользнуть из буфета первой, нырнуть в коридор с мастерскими, закрыть за собой дверь, сделать свое черное дело и спокойно выйти из пристройки — после Симы. Интересно, крепкого ли Ирина Ивановна телосложения?»

— Наида, вы не опишете мне эту троицу? Как они выглядят?

Я не успела уточнить, что меня интересуют физические данные. Наида поняла мой вопрос чисто по-женски и с воодушевлением, не дававшим никакой возможности ее перебить, пустилась в описание причесок, макияжа, платьев и украшений. Я покорно внимала, мысленно ругая себя за неточность формулировки, и Наиду — за болтовню. На кой ляд мне знать, что серьги у Изеты в виде золотых подков с гвоздиками-брильянтами, на голове — грандиозная витая конструкция, а помаду, блузки и туфли она предпочитает алые? Что при ее выдающемся бюсте алое выглядит не комильфо, хотя брюнеткам оно обычно идет? К чему мне подробнейшее описание аквамаринового платья Симы с одним открытым плечом и асимметричным подолом? И что я могу извлечь из того факта, что Ирина Ивановна вообще не пользуется косметикой, а ее льняной костюм цвета моли успел основательно измяться в области филейной части?

При этом мое живое воображение не позволяло мне пропускать всю эту туфту мимо ушей. Наида трещала, а я будто воочию видела дефиле педагогинь по застекленному переходу и холлу перед столовой... Минуточку! Так вот же он — ответ!!!

Выражение моего лица заставило Наиду замолчать почище окрика. Охранник подался вперед и впился глазами мне в лицо — видимо, прикидывал, не встряхнуть ли меня еще раз.

— Что случилось? Что с тобой?

— Я знаю, кто это сделал...

После экзамена конспирацию можно было не соблюдать, и шестого июня Сафар явился в гостиницу, чтобы лично отвезти меня на вокзал. Рассыпавшись в комплиментах и благодарностях, он объявил нашу авантюру успешной. Его «мальчик» с моей помощью решил четыре из шести задач второй части, несмотря на то, что его усадили под самой камерой и следили за ним в три пары глаз, так что не было никакой возможности достать из-под одежды бумажки. Но умный мальчик и не пытался. Прочитал мои

записи в кабинке туалета, разобрался и почти все запомнил. Только третью задачу не смог, очень длинное было решение. Даже если бы дали списать, все равно не успел бы. Он ведь ждал Иласа: тот должен был, как бы ненароком, заглянуть в класс, когда положит листы в тайник. Но Илас пропал, и мальчик попросился в туалет только за полчаса до конца. Еле-еле успел настрочить две задачи. Две-то он, умница, решил самостоятельно.

И за Иласа мне — низкий поклон. Если бы я не послала немедленно Наиду к охраннику, чтобы вызвать «скорую», мог бы погибнуть человек. И как удачно мы сообразили вынести его за ворота и сказать, что дворник там его нашел!

Я благородно не позволила приписать мне чужую заслугу, признавшись, что идея была не моя. Зрелище пробитой головы Иласа начисто отшибло мне всякую «соображалку». Как он, кстати, себя чувствует?

— Пришел в себя. Доктор сказал, что быстро поправится. Но ты лукавишь, девочка. Как так — отбило ум? А кто эту подлую женщину изобличил?

— Вы про Ирину Ивановну? Так я ее не изобличила, просто нашла ответ. И еще требуется доказать, что он верный.

Тут Сафар преподнес мне сюрприз. Оказывается, вчера, когда охранник позвонил ему и сказал, что я убеждена в виновности Ирины Ивановны, он, Сафар, связался со своим знакомым из полиции и попросил его частным образом разобраться с завучем. Не для суда, для справедливости. Если она действительно Иласа покалечила, пусть оплачивает больницу, дарит подарки врачам, покупает лекарства. И за моральный ущерб пусть заплатит. Чуть не погиб ведь человек! Сафару в одиночку до конца жизни с таким долгом не рассчитаться.

Полицейский, не мудрствуя лукаво, просто взял бывшую директрису на понт: пришел к ней домой, потребовал показать туфли и костюм и объяснил, какие чудеса сейчас творит экспертиза. Дескать, если преступник неизвестен, его еще могут не найти, а если известен, доказать, что преступление совершил именно он — пара пустяков. Тут Ирина Ивановна и сломалась. Спросила, нельзя ли обойтись без заведения уголовного дела, намекнула на «подарок» и во всем создалась.

Аслан каким-то образом проведал, что Илас записался в «общественные наблюдатели» по наущению Сафара. Чем и как скромный бухгалтер может помочь Гери, он не знал, но решил перестраховаться и почтил Ирину Ивановну, которая отвечала за организацию ЕГЭ в школе, визитом. Он знал о ее горячем желании вернуть себе прежний статус и пообещал должность директора в парикмахерском колледже. При условии, что она не допустит, чтобы Гери помогли. И рассказал про «засланного казачка» Иласа.

Поначалу Ирина Ивановна решила, что задание получила легкое. Она отрядила Иласа «наблюдать» в коридор, сама засела в классе, где решал

задачи парень, и не спускала с него глаз. До туалета сопровождала лично, убедилась, что там никого нет. И все бы хорошо, но ее начали мучить тревожные фантазии. Зачем-то ведь Сафар Иласа заслал? Стало быть, они придумали какую-то хитрость. Что, если Гери спрятал записку с заданием в туалете, Илас ее забрал и теперь передает решение через какое-нибудь хитрое устройство? Говорят, сейчас приемники бывают — в лупу не разглядишь, сунул такой в волосы, никто и не заметит, что ты чего-то там принимаешь. Надо было за Иласом следить, за мальчиком и так было кому присматривать.

Накрутила она себя и пошла искать Иласа. А он как раз выходил на лестницу. Ирина Ивановна двинулась за ним, да по пути ее перехватила куратор. Вцепилась репьем, и отговорка про необходимость срочно что-нибудь съесть не помогла, пришлось вдвоем идти в столовую. Хорошо, там Изета встряла в чужой разговор, и Ирина Ивановна смогла тут же улизнуть. Смотрит — дверь к мастерским качнулась. Выждала минутку, пошла туда, а дверь в кабинет домоводства прикрыта не до конца. Заглянула в щель — Илас стоит, повернувшись спиной, и чем-то пищит. Должно быть, морзянкой ответы выстукивает.

Как быть? Уличить невозможно — мало ли, кому и что он передает? Общественный наблюдатель — не ученик, он не обязан сдавать гаджеты при входе в школу. Прервешь его сейчас, он пойдет в туалет и отлучит свою морзянку оттуда. А Ирина Ивановна так и не получит директорской должности. Нет, нужно, во что бы то ни стало, его остановить!

Тут ей на глаза попался стоящий в углу коридора огнетушитель. Дети сорвали, а техник так и не успел повесить обратно — слишком много работы на него из-за подготовки школы к экзаменам навалили. Вот, видно, и припрятал в уголок, чтобы какой-нибудь инспекции на глаза не попался.

Она не думала, что ударит сильно, хотела только оглушить Иласа, но баллон оказался слишком тяжелым и вырвался у нее из рук. Она едва не сошла с ума, когда увидела, что натворила.

К таким вот печальным последствиям могут привести неспортивная конкуренция, легкомысленное хвастовство, жажда директорского кресла, параноидальное воображение и нечестная игра.

Вы, наверное, уже наверняка догадались, как я поняла, что злодейка — завуч. Но для тех, кто хочет проверить свой ответ, объясню.

В холле перед столовой прекрасная акустика, а пол выложен плиткой. Пройти по нему бесшумно невозможно даже в легких туфлях. Если бы Илас слышал шаги, он повернулся бы к двери лицом. А это значит, что подошва у обуви злодейки была из какого-то мягкого полимера. Вы можете себе представить даму в алой блузке и алых туфлях на мягкой подошве? А девушку в модельном платье, но без шпилек?

То-то и оно! □

Полина Ашихмина

История артистки Полины Ашихминой уникальна, как и ее репертуар — окончив Пермский Государственный университет по специальности «экономист», она уехала покорять Москву. Но путеводной звездой ее стала отнюдь не карьера Адама Смита, а, скорее, таких личностей, как Мария Каллас, Любовь Казарновская. В ее программе — неповторимый музыкальный стиль кроссовер, который предполагает смешение жанров, музыкальное цитирование и стилистическое заимствование. Считается, что официально его признали в 1970-х после невероятного дуэта Фредди Меркьюри и Монсеррат Кабалье. Это было гармоничное сочетание рок-музыки и академического пения. С тех пор к музыкальным заимствованиям из классики обращаются многие рок-музыканты. О любви к творчеству, вокалу и музыке мы и поговорили с Полиной.

«Джазовые композиции — это необъятный мир красоты»

Фото из личного архива

— Полина, первое твоё образование — экономическое. Как пришла идея поступать в театральный вуз?

— Мне всегда хотелось развиваться в музыкальном направлении. В Перми было не так много возможностей для этого, поэтому после переезда в Москву я начала поиски подходящего для меня учебного за-

ведения. Сдавала вступительные экзамены в ИСИ и в Гнесинку. В ИСИ меня взяли, но внутреннего отклика к преподавателям у меня не возникло. В Гнесинке я неудачно выбрала репертуар к прослушиванию и оказалась вне формата нужных требований. Позже ездила на прослушивания в Лондон и в Лидс, но мне, к сожалению, не хватило финансов,

чтобы оплатить учебу. Зато удалось позаниматься вживую и онлайн с местными преподавателями академического и джазового вокала, что невероятно ценно. И тут я услышала от своего педагога из Перми — Плюсниной Юлии о том, что в Москве преподает Татьяна Куинджи, и ее методика весьма интересна. Я искала информацию — и дороги

привели меня к дверям ГИТИСа. К тому же я попала в класс именно к Куинджи.

— Ты окончила музыкальное отделение ГИТИСа. Как удалось совмещать актерское мастерство и вокал? Они органично сочетаются или все-таки это — единство и борьба противоположностей?

— На мой взгляд, это неразрывно связанные вещи, так как одно дополняет другое. Я считаю, что любому вокалисту необходимо знать хотя бы базовые основы актерского мастерства для того, чтобы, как минимум, сделать свое выступление ярче, интереснее, а также для взаимодействия со зрителем. Часто в процессе учебы мне было трудно контролировать все одновременно: и вокальную технику, и дыхание, и актерские приемы, и работу с энергией зала. Но, в итоге, я получила практический опыт и знания, которые и сейчас мне очень помогают работать на сцене.

— Учеба в ГИТИСе была для тебя испытанием или, наоборот, легко давалась?

— Не могу сказать, что учиться мне было легко. Я пришла в ГИТИС с минимальной актерской базой, поэтому мне действительно тяжело давалась актерская игра: особенно, когда это были драматические отрывки без вокала. Но было очень интересно пробовать и раскрывать в себе новое. Были некоторые сложности и в вокале: это и довольно тонкие вокальные техники в академическом репертуаре, и новые произведения, которые требовали глубокого погружения и осознания. Помню, как я первый раз открыла цикл романсов Сергея Прокофьева на стихи Анны Ахматовой, и у меня произошел инсайт на тему: зачем я вообще выхожу на сцену, и какое мощное значение это имеет для меня? Также было и во время рабо-

ты с оркестром, которая на первых порах вообще вызывала у меня внутренний коллапс. Но опыт поистине бесценный. Наши педагоги очень нас поддерживали в стремлении становиться лучше даже в те моменты, когда мы это делали весьма неуклюже. За что им отдельная благодарность! Ну и невозможно не отметить наш курс — ребята подобрались каким-то совершенно космическим образом, дополняя друг друга и еже-

дневно поддерживая — без этого процесс учебы был бы совсем иным.

— Расскажи, пожалуйста, про группу, в которой ты выступаешь как вокалист. Ты ее идейный вдохновитель, или тебя пригласили как солистку?

— Я сейчас работаю в основном с трио Николая Хоменко (ILLO трио). Мы с Николаем с 2017 года работали вместе в разных музыкальных проектах, и когда он создал свое трио, решили сделать совместно несколько музыкальных программ. Ребята играют свою авторскую музыку на стыке академического и джазового направлений, переосмысливая привычные музыкальные формулы. У нас есть программа «Барокко в джазе», которую мы исполняли в Москве, а также в пермской филармонии. Это произведения эпохи барокко в современной джазовой интерпретации. Программа получилась весьма интересная и эклектичная, на мой взгляд. Мы вдохновлялись музыкой Иоганна Себастьяна Баха, Георга

Фридриха Генделя, Алессандро Скарлатти, Антонио Вивальди, Клаудио Монтеверди и Бенедетто Марчелло. Кстати, альбом данной программы должен быть скоро выпущен — и записали мы его за один день в студии.

— Как ты «разогреваешься» перед концертом? Есть ли какие-нибудь упражнения по дыханию?

— Процесс «разогрева» перед концертом индивидуален, на мой взгляд, но, безусловно, важен для каждого вокалиста. В моем случае алгоритм такой: несколько упражнений из йоги для тонуса тела и сброса напряжения, 3–4 упражнения для голоса, теплое питье. По пово-

ду дыхания — я могу сделать пару упражнений на активизацию работы диафрагмы: например, это распевки на любые короткие слоги на стакато или чередование коротких/длинных выдохов на шшшш — и «сссс». Но чаще перед концертом я практикую просто несколько ритмичных длинных вдохов и выдохов для активизации и стабилизации состояния.

— А если это не помогает, возникали такие ситуации?

— Когда мы ездили на гастроли на Сахалин с моим другим проектом — группой «Polly Ash band», у меня возникли ощутимые проблемы со смелой часовых поясов, и вообще не понятно было, как привести себя в тонус перед выступлением, потому что режим сна был полностью сбит. Была вялость, и голос похрипывал. Распеться особо было негде. Поэтому я решила вместо этого сделать несколько упражнений из йоги: асаны и дыхательные практики. Тело моментально включилось в работу, причем таким образом, что мне удалось в третьем отделении концерта устроить танцы на сцене, и на все хватило энергии. Весь сон и джетлаг как рукой сняло! Так что могу посоветовать такой способ экспресс-подготовки. Это помогает не только в случае выступления на сцене, но и перед любым важным мероприятием и встречей.

— Опера и джаз — весьма далеки друг от друга, однако, ты успешно их сочетаешь...

— Да, для меня этот процесс всегда представлял особый интерес. Во время учебы в ГИТИСе я пела в нескольких коллективах: и джазовые стандарты, и популярную музыку. Не всегда это шло на пользу голосу, особенно в моменты, когда нужно было спеть на зачете или экзамене арию Моцарта, например! Но, в общем и целом, хочу сказать, что все возможно, если регулярно заниматься, разбираться в вокальных техниках, знать свои слабые и сильные стороны и с умом подойти к выбору подходящего для себя репертуара. Арий любимых у меня огромное множество, но все-таки та, от которой всегда мурашки — это ария Мими из оперы Джакомо Пуччини «Богема». Я помню, как впервые послушала эту оперу вживую — это было мощнейшее впечатление! С тех пор эта ария в моем сердце. А по поводу джазовых композиций — это просто необъятный мир красоты, и очень сложно выделить что-то одно, но, если мы говорим о джазовых стандартах, то один из моих самых любимых — это *Misty*, написанная Эрроллом Гарнером. Очень люблю ее в исполнении Сары Вон и Эллы Фитцджеральд.

— Насколько академическая школа может помочь в исполнении других жанров?

— Была любопытная история, связанная с этим вопросом, когда я впервые ощутила на практике, насколько академическая школа сильна. Я очень долго не решалась брать в работу репертуар классического

соула. В такой музыке требуется очень яркая подача верхних нот на достаточно энергичном дыхании. К экзаменам в ГИТИСе я занималась разучиванием классического репертуара, а через несколько дней у меня был концерт соул-музыки. Я очень переживала, как это ляжет на мои текущие занятия, но в итоге получился интересный концерт, который мне довольно легко дался, учитывая трудность репертуара. И тогда я поняла, насколько сильно одна школа дополняет другую при должном уровне и частоте занятий.

— Как вообще пришла в голлову мысль сочетать, казалось бы, не сочетаемое?

— История, как мы решили делать эту программу, довольно интересная. Мы начали работу вдвоем с пианистом, вообще не осознавая, что из этого получится. Нас обоих привлек синтез жанров и объединила любовь как к джазовой, так и к барочной музыке. Стали крутить, пробовать, искать состояние и эмоцию — и получилось что-то неожиданно новое и свежее! Потом попробовали сыграть вместе с трио — фортепиано, контрабас и ударные, все ребята как-то прониклись, и понеслось! В Перми люди подходили после концерта и благодарили в таком духе: «Мы так рады, что живем в такое время, когда можно услышать подобный музыкальный синтез — спасибо вам!» □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

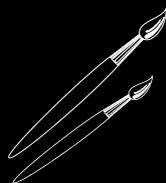

Юдит Лейстер. Автопортрет

Юдит Лейстер

«малая голландка»

В 1892 году искусствоведы и хранители Лувра праздновали новую победу: собрание голландской и фламандской живописи пополнилось неизвестной ранее картиной Франса Халса — это была чудесная «Пирующая пара», полная жизни, света и радости бытия. Франс Халс, с его живыми мазками, яркими образами, забавными жанровыми картинками, пользовался большой любовью европейцев конца 19 века. Картина великого голландца, попавшая в Лувр, была навеяна известным библейским сюжетом — блудный сын веселится в компании красотики — и ранее принадлежала

русскому барону Василию Шлихтингу, известному коллекционеру живописи и изделий прикладного искусства. В начале XX века он переехал в Париж вместе со всем своим собранием и стал активно участвовать в художественной жизни французской столицы — охотно принимал участие в парижских выставках, показывая шедевры из своей коллекции. (Незадолго до смерти, зная, что неизлечимо болен, Шлихтинг завещал свое собрание Лувру, и сегодня один из залов музея, 623-й, носит его имя.) А в 1892 году Шлихтинг продал Лувру жемчужину своей коллекции — полотно Халса.

«Пирующая
пара»

(По-видимому, барону понадобились деньги, и он решил проститься с одним из любимых шедевров).

Новое обретение Лувра, конечно же, привлекло внимание заместителя директора Королевской галереи Маурицхейс в Гааге Корнелиса Хофстеде де Грота. Де Гроот, коллекционер, искусствовед, был в то время одним из ведущих специалистов по голландской живописи. Тщательно изучив картину, он неожиданно обнаружил, что монограмма Франса Халса FH прикрывала другую монограмму, то есть автор картины — не Халс! Разразился страшный скан-

дал. Музей получил компенсацию за то, что картина оказалась фальшивкой. Оскорбленный Шлихтинг подал в суд на арт-дилера, продавшего ему картину, тот обвинил во всем предыдущего владельца. Установить, кто и когда подделал подпись на картине, так и не удалось. Но возник естественный вопрос — кто же истинный автор полотна? А вот это выяснить удалось путем тщательных исследований. Де Гроот доказал, что картина «Пирующая пара» принадлежит кисти дамы — голландки Юдит Лейстер, жившей в 17 веке. В 1893 году Де Гроот опубликовал в

журнале *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen* («Ежегодник Королевских прусских собраний искусства») статью, посвященную творчеству Лейстера, и описал еще шесть картин, принадлежащих, как он полагал, ее кисти. Тогда, в конце 19 века, почему-то никто не ликовал, что в истории искусств появилось новое имя, новый художник, которого можно по уровню мастерства спутать с самим Франсом Халсом. И это женщина! Писательница, известная феминистка Жермен Грир в книге о женщинах-художницах «Бег с препятствиями» (*The Obstacle Race*) писала: «И никто почему-то не бросал шляпы в воздух, не радовался тому, что открыли еще одного художника, способного сравниться с Халсом в его зените славы». Художественная общественность переживала лишь оттого, что картина оказалась написана не Халсом.

Но на самом деле открытие Грота имело большое значение — история европейской живописи обогатилась еще одним замечательным и забытым на более чем 200 лет именем.

В начале XX века искусствоведам было известно уже 20 работ Лейстера, сегодня около 50. Возможно, в будущем обнаружатся и другие.

Но кто же эта дама, Юдит Лейстер, и почему ее забыли?

Она родилась в Харлеме в 1609-1610 годах, в семье пивовара и суконщика по совместительству Яна Виллемса Лейстера. По-видимому, девочка — она была восьмым ребенком в этой большой семье —

уже в детские годы проявила явные способности к рисованию, и ее отправили учиться к местному художнику Франсу Питерсу де Гребберу. Возможно, она училась и в мастерской знаменитого художника Франса Халса. В 1624 году у него в Харлеме уже была собственная мастерская, в которой прошли школу живописи многие известные голландские художники, среди которых был, к примеру, Адриан Браувер. Очень вероятно, что и Юдит Лейстер, как и ее будущий муж Молинар, получила уроки Халса. Так или иначе, она, конечно же, хорошо знала его работы — недаром ее картины многие годы считались вышедшими из-под кисти Халса.

Юдит быстро освоила ремесло живописца, и харлемцы с удовольствием заказывали ей портреты и жанровые сценки. В общем, в 20 лет у нее уже была определенная репутация, и не случайно она упоминается в книге харлемского священника, поэта и историка Сэмюэля Ампцинга «Описание города Харлема», вышедшей в свет в 1628 году, где говорится о Лейстер как о «хорошей и проницательной» художнице.

В Голландии 17-го века ремесло художника считалось вполне уважаемым и достойным делом. Да и прибыльным тоже. Представители всех сословий, жившие в небольших и уютных городках, — купцы и ремесленники, владельцы мануфактур, офицеры, врачи, зажиточные крестьяне — с удовольствием покупали картины и украшали ими стены сво-

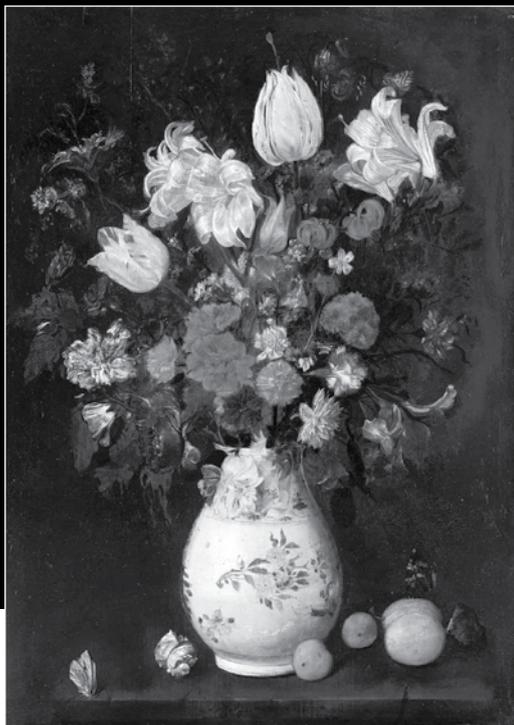
«Веселое трио»

их домов. На этих небольших полотнах художники изображали жанровые сценки, пейзажи, портреты, интерьеры — все, что было хорошо знакомо их заказчикам, и все, что им хотелось видеть. Картины покупались через перекупщиков — в мастерских, на ярмарках, рынках. Стоили они недорого и были доступны всем, даже крестьянам. Кстати, у соседей, в Бельгии и Франции, цены на картины были гораздо выше, и полотна голландских художников в больших количествах покупались

заезжими гостями, что весьма способствовало благосостоянию местных живописцев.

Голландские мастера редко обращались к библейским сюжетам — герои их картин жили той же жизнью, что и сами художники. 26 июля 1581 года была провозглашена независимость страны, которую голландцы отстаивали в борьбе с Испанской империей ценой огромных потерь. Но они сделали это, а потому были полны гордости и чувства собственного достоинства. Вот почему

«Цветы в маленьком горшке»

Справа:

*Ян Минсе Молинар.
Автопортрет
художника с женой
Юдит*

портрет стал одним из любимых жанров в голландской живописи. Художники запечатлевали образ поколения, создавшего новое государство — с новой религией, новой экономикой, с новым, свободным народом.

Вот и Юдит Лейстер писала портреты, а приблизительно в 20 лет она изобразила на холсте и себя. (Сегодня эта картина хранится в вашингтонской Национальной галерее.) Перед нами — уверенная в себе, уже многое умеющая и зарабатывающая своим трудом вполне упитанная, крепкая, молодая и полная сил девушка. Кровь с молоком! Юдит изобразила себя в

дорогом платье, с шелковой сиреневой юбкой и черным бархатным корсажем, с тонкими кружевами на манжетах и воротнике. Молодой художнице блестяще удалось передать фактуру разных видов тканей и кружев и создать яркий, глубокий психологический образ: она очень понятна, эта девушка на холсте!

Свои работы (и этот портрет) Юдит Лейстер подписывала монограммой «JL*». Это была игра слов, поскольку «Лейстер» на голландском означает «Ведущая (то есть Полярная) звезда», к тому же так называлась пивоварня ее отца в Харлеме. Эта картина была исследована с применением совре-

менных физических методов, и было показано, что ранее это был как бы портрет в портрете — то есть Юдит сидела перед мольбертом, на котором стоял ее собственный портрет. Но позже художница изменила свой замысел, и на мольберте возникла другая ее картина, с веселым музыкантом — этой девушке не откажешь в чувстве юмора! И в чувстве собственного достоинства — она словно говорит: мы, женщины, ничуть не хуже мужчин!

Историки искусства утверждают, что этот автопортрет Юдит представила в 1633 году членам гильдии Святого Луки (гильдии художников) как доказательство своего права быть избранной в сие сообщество профессионалов. И она была приня-

та! По тем временам — выдающееся событие. С женщинами такое случилось крайне редко. Юдит была первой (а по некоторым данным, второй) дамой, избранной в члены гильдии Святого Луки. Теперь она могла иметь собственную мастерскую, и к ней стали поступать ученики.

К тому времени относится следующая история. Юдит подала в суд на самого Халса! Осмелилась! Дело было в следующем: один из ее учеников, только начав занятия, через три дня решил перейти к Халсу, и она потребовала компенсацию. В результате мать ученика заплатила 4 гульдена — половину того, что просила художница, а Халс уплатил еще 3 гульдена. Правда, Юдит пришлось заплатить штраф гильдии за то, что

она вовремя не проинформировала гильдию о новом ученике. Вот так в те времена все было очень строго!

В июне 1636 года Юдит Лейстер вышла замуж — ее супругом стал собрат по профессии Ян Минсе Молинар, ученик Халса, плодовитый и талантливый живописец, тоже член гильдии Святого Луки. Вскоре молодожены переехали в Амстердам, возможно, спасаясь от чумы, пришедшей в Харлем. В семействе Молинара родилось пятеро детей: три сына и две дочери — Якобус, Йоханнес, Хелена, Эва и Константейн (до совершеннолетия дожили только Хелена и Константейн). По-видимому, семейные заботы заставили Юдит забросить на время живопись. Но совсем забыть о любимом деле она, конечно, не могла — работала вместе с мужем в мастерской или одна, но часто ее работы выходили под его именем... Мужское имя тогда все-таки лучше продавалось.

Супруги занимались продажей картин, своих и чужих. Молинар торговал еще и недвижимостью. Видно, дела их шли неплохо, и в октябре 1648 года они купили дом за 8200 гульденов в Хемстеде, под Харлемом, а в следующем году Молинар открыл мастерскую в Харлеме, где за неплохую плату стал обучать рисованию способных и не очень способных мальчиков. Жена ему во всем помогала — они хорошо понимали друг друга, и в их доме царилась любовь. Этому есть доказательство — чудесный семейный портрет, написанный Молинаром (а возможно, с

участием Юдит). Молодые, счастливые, веселые, они играют на гитарах.

Около 1653 года Юдит написала свой второй автопортрет. Он был найден совсем недавно в Англии, в 2016 году, экспертами аукционного дома Christie's, приехавшими для оценки имущества в один из загородных домов. Картина висела в особняке с 1700 года, и хозяева дома все это время не подозревали о ценности полотна.

На этом портрете Юдит уже не та озорная двадцатилетняя художница — перед нами взрослая женщина, мать семейства, опытная и хорошо знающая себе цену. Черное дорогое платье, тонкие изысканные кружева — все говорит о том, что эта дама ни в чем не нуждается. И каждая деталь блестяще прорисована — мы видим высокую технику живописи.

(Авторство Юдит Лейстер было подтверждено тщательным исследованием полотна и описанием картины в посмертной описи домашнего имущества мужа Лейстер, составленной 10 октября 1668 года. В описи картина указана как «Овальный портрет жены покойного». На аукционе Christie's картина была продана за 485 000 фунтов стерлингов.)

В последние годы жизни Юдит обратилась к натюрмортам, и на ее картинах появились тюльпаны. Тогда вся Голландия сходила с ума — страсть к тюльпанам овладела широкими народными массами. «Тюльпаноманией» заразились трактирщики, мясники, цирюльники, трубочисты и

*Автопортрет
Юдит Лейстер*

пивовары. Харлемские ткачи, совсем недавно не интересовавшиеся ничем, кроме своих станков и мануфактур, с головой ушли в спекуляцию драгоценными луковицами. Не удивительно, что каталоги сортов тюльпанов ценились невероятно дорого, и порой переходили из рук в руки. Вот и Юдит Лейстер внесла свой вклад в это общее безумие, по-видимому, неплохо на нем заработав.

В 2009 году был найден неизвестный ранее цветочный натюрморт ее кисти «Цветы в маленьком горшке», созданный в 1654 году.

А найден он был так. В 1970-х годах некая госпожа Лакс приобрела

его у арт-дилера в Остенде за смешную сумму — всего за 500 евро. При этом госпожа Лакс якобы хорошо знала, чье творение она купила. А вот продавец, очевидно, не имел никакого понятия о том, что продает. Став владелицей этого натюрморта, госпожа Лакс решила оставить в тайне авторство картины — она боялась «потерять свое сокровище». Но вот наступил 2010 год, год празднования 400-летия Юдит Лейстер-Молинар. Были организованы большие выставки художницы в Вашингтоне и Харлеме, а госпожа Лакс решила, что не имеет права более скрывать картину, и ее смогли

увидеть посетители выставки, посвященной Лейстер, в харлемском музее Франса Халса. Картина тогда уже оценивалась экспертами около 1 миллиона евро.

До этого единственными известными изображениями цветов, сделанными Лейстер, были две акварели в «Книге тюльпанов», изданной в 1643 году.

В 1659 году супруги Молинар серьезно заболели. Юдит не справилась с болезнью — она умерла 10 февраля 1660 года. Похоронили ее на хемстедском кладбище. Ян Молинар пережил жену на восемь лет. Он скончался в 1668 году в Харлеме.

Надо сказать, что Ян Минсе Молинар занял вполне достойное место в ряду замечательных голландских художников 17-го века. Его картины можно увидеть в крупнейших музеях Амстердама, Гааги, Лондона, Берлина, Франкфурта-на-Майне, Будапешта, Вены, Роттердама. А его жена после смерти практически исчезла из истории искусства. Ее картины либо остались без атрибуции, либо были приписаны Молинару или Халсу. Монограмму «JL*» скрывали под фальшивыми подписями других художников, что позволяло продать их за более высокую цену.

Сегодня картины Юдит Лейстер висят в музеях рядом с полотнами ее братьев-мужчин — Франса Халса, ее мужа Яна Молинара и других художников того времени. Ее искусство удивительно живо — оно несет людям оптимизм, веру в будущее. На ее картинах все улыбаются, веселят-

ся и искренне наслаждаются прелестями бытия — пьяницы в тавернах, дети, музыканты, влюбленные, мужчины и женщины. Жизнерадостные сценки давно ушедшей жизни украшают коллекции самых известных музеев мира, а картины становятся все дороже и дороже.

Так, в декабре 2018 года картина «Веселое трио» — скрипач играет веселую мелодию, его друзья радуются своей молодости, и их хорошее расположение духа поддерживается чаркой доброго вина — была продана на аукционе Christie's в Лондоне за 1,8 миллиона фунтов стерлингов — пока это — самая высокая цена на картину Юдит Лейстер.

Растут в цене и картины, авторство которых еще точно не установлено, но в манере письма эксперты видят руку Лейстер. «Мальчик с гроздью винограда и в шляпе», написанный около 1629 года, был продан 26 апреля 2022 года на аукционе в Брюсселе за 230 000 евро, что превысило первоначальную оценку — 1800 евро — в 125 раз!

Сейчас картины Юдит Лейстер хранятся в самых известных музеях мира и в самых богатых частных собраниях. Наверное, будут найдены и другие — надежда обнаружить неизвестные творения художницы, с подписью художников-мужчин, жива...

В наши дни Юдит Лейстер в моде. Ее жизнь в искусстве показывает, что женщина талантливая и в меру честолюбивая может проявлять себя в творчестве ничуть не хуже мужчины. □

Георгий Кричевский

Бернардо Бертолуччи

«В поисках загадки»

Так называется первый и единственный сборник стихов, выпущенный на заре туманной юности великим маэстро современного кинематографа. Так же можно озаглавить рассказ о жизни и творчестве этого мастера-самоучки. Он создал галерею многозначных и противоречивых фильмов, выразивших Время, и в любой обыденности умел увидеть поэзию и «ускользающую красоту», если позволено будет позаимствовать название одной из его последних картин.

Бертолуччи — младший из канонических классиков итальянской кинорежиссуры. Его экранная карьера началась с должности ассистента Пьера Паоло Пазолини на съемках знаменитого «Аккатоне». Подобно своему наставнику, он был захвачен весьма популярными в 60-е годы левыми идеями, но при этом не боялся идти навстречу широкому зрителю и быть доступным. Его работы — прекрасное начало знакомства с европейским авторским кино, поскольку он, ничуть не снижая серьезного художественного уровня и образной глубины своих фильмов-высказываний, уверенно обходился средствами массового кинематографа.

В разные периоды жизни режиссер, помимо марксизма, увлекался также фрейдизмом, а позднее — буддизмом. Подобная гремучая смесь, разумеется, отразилась на тематике его картин: через любую из них обязательно проходит какой-то из названных идеологических мотивов.

Бертолуччи уж никак не упрекнешь в однообразии, хотя, несмотря на кажущееся обилие тем и сюжетов его фильмов, все они сняты в одной

стилистической манере, так что по нескольким кадрам взятой наугад картины создателя, будь то «Конформист», «Последнее танго в Париже», «Мечтатели», «Маленький Будда» и «Последний император», можно безошибочно определить руку автора.

Этот яркий, оригинальный художник, никогда не учившийся режиссуре, но ставший еще и сценаристом, актером, продюсером, создал грандиозную фреску о человеке на фоне истории — идущий более пяти часов фильм с амбициозным названием «XX век», который охватывает полстолетия итальянской жизни и по праву относится к категории «большого стиля» мирового кино.

После выхода на экраны скандально-эротического «Последнего танго в Париже» с ним перестал разговаривать исполнитель главной роли Марлон Брандо, а карьера блеснувшей там талантливой молодой дебютантки Марии Шнайдер оказалась напрочь погубленной.

На протяжении долгой кинематографической судьбы Бертолуччи и любили, и ненавидели. Восхваляли и поносили. Но его фильмы никого не оставляли равнодушным. Они врезаются в память навсегда, с одного просмотра. Ему вручали заветные призы крупнейших международных кинофестивалей и почетный «Оскар» за вклад в киноискусство. Широко известные режиссеры называют Бертолуччи своим учителем. Многие годы с ним дружил наш признанный мастер киноэкрана А. Кончаловский.

Сегодня картины Бернардо Бертолуччи продолжают оставаться современными, а творческий путь их создателя — поучительным.

Он родился в 1941 году на севере Италии, в основанном еще до нашей эры городе Парма. Отец, университетский профессор, поэт и кинокритик, привил маленькому Бернардо любовь к кинематографу и часто брал его с собой на съемки. Увлечение сына искусством экрана поощряла также мать будущего режиссера, школьная учительница. К слову, два его брата, наделенные традиционными итальянскими именами — Джузеппе и Джованни, то-

же стали успешными кинематографистами.

В ранней молодости он мечтал о славе поэта и даже удостоился двух литературных премий. Однако во время учебы на философском факультете Римского университета уже всерьез «заболел» кино, сбежал на площадку к самому Пазолини, чтобы в 21 год снять свой первый полнометражный фильм (до этого в его творческом багаже имелись только любительские ко-

«Мечтатели»

роткометражки) и бросить университет.

Дерзость, как и профессиональное бесстрашие, всегда вели Бертолуччи по жизни. Этим качествам, вместе с секретами сложнейшего режиссерского ремесла, он научился на съемках у мэтра Пазолини, чьи фильмы эпатировали привилегированное общество, бросая вызов нормам буржуазной морали. Подобным бунтарским духом будут заражены и лучшие ленты Бертолуччи.

Любопытство, честолюбие, страсть — вот три слагаемых его мотивации как режиссера. Он начал снимать очень рано, и первые само-

стоятельные работы Бертолуччи в духе «новой волны» еще отягощены интеллектуальным пижонством и оттого маловразумительны.

«Стратегия паука» (1969) — одна из первых очевидных удач 29-летнего на тот момент режиссера, впервые обращающегося в этом фильме к исследованию истоков фашизма. Хитроумный детективный сюжет одной из коротких новелл Борхеса с романным потенциалом Бертолуччи переносит в современную Италию и насыщает колоритными подробностями историю приезда молодого человека в провинциальный городок с целью выяснить

обстоятельства жизни и гибели своего отца, участника антифашистского подполья. В результате оказывается, что сонная провинциальная атмосфера скрывает тайны, которых не ожидал встретить герой фильма.

Получившую всемирное признание картину «Конформист» (1970) Бертолуччи снял после вступления в Коммунистическую партию. И снял ее с такой болью и страстью, что буквально заставил зрителей почувствовать себя свидетелями фашистских преступлений против личности на фоне сексуальных инверсий фрейдистского толка героя и героини фильма.

Здесь выдающийся режиссер предстает уже в полном расцвете своего таланта. Всеми обширными средствами киноязыка — метафорами, символами, ассоциациями, цветом и музыкой он воссоздает болезненно-

мрачную и в то же время гротесково-фарсовую атмосферу неотвратно сползающего к краху демагогического, прогнившего режима Муссолини конца 30-х годов. Virtuозно перенеся на экран трудно поддающийся экранизации классический роман Альберто Моравиа, Бертолуччи усилил его сатирическую составляющую, придав ей оттенок горькой иронии.

Герой фильма интеллигентный приспособленец Клеричи стремится приобщиться к правящей верхушке и даже готов из карьерных побуждений «слиться» с чуждым ему, выпускнику университета, фашистским режимом, будучи внутренне столь же гадким и полным низменных комплексов. К концу фильма гротеск уступает место трагедии. Выдав муссолиневским палачам скрывающегося «под крышами Парижа» в антифа-

*«Последнее
танго
в Париже»*

шистской эмиграции своего университетского наставника, профессора Куадри, Клеричи в поистине ошеломляющем исполнении Ж.-Л. Трентиньяна проявляет себя не только жалким приспособленцем, но и подлым трусом, годящимся лишь на роль наводчика. Потрясает своей силой сцена убийства профессора и его жены в заснеженном лесу зловещими мужскими фигурами в длинных плащах и черных шляпах. А предатель Клеричи бесстрастно взирает на все происходящее из окна машины.

Эта леденящая душу сцена звучит приговором не только конформисту по натуре, который после падения режима Муссолини будет все так же выдавать своих нынешних «друзей», но и всей фашистской идеологии.

Новаторские приемы кинорежиссуры и утонченная, многогранная

структура экранного повествования «Конформиста» оказали заметное влияние на развитие мирового кинематографа, проложив дорогу к появлению психологических драм нового поколения, таких, как «Крестный отец» и «Апокалипсис сегодня» Ф. Coppola.

«Конформист» не принес Бертолуччи главных фестивальных призов и вождя «Оскара», хотя и был выдвинут на них в ряду номинаций. Но этот фильм завоевал ему репутацию одного из ведущих режиссеров современности. «Чем я всегда гордился до румянца на щеках, — признавался он, — так это тем, что Френсис Coppola, и Мартин Скорсезе, и Стивен Спилберг говорили мне о «Конформисте» как о первом повлиявшем на них фильме».

«Конформист»

Сенсационный успех «Конформиста» в США позволил Бертолуччи заполучить на главную роль в своей следующей картине «Последнее танго в Париже» (1972) одну из легенд Голливуда — харизматичного Марлона Брандо. Нашумевшее, скандальное, запрещавшееся в разных странах цензурой за непристойность «Танго» придало второе дыхание затухавшей карьере великого актера. Бесспорный шедевр Бертолуччи о том, как стареющий, переживший самоубийство любимой, но изменявшей ему жены, альфа-самец и юная девушка, у которой есть восторженный жених, хотят друг от друга любви и счастья, а неделями предаются в пустой па-

рижской квартире испепеляющему сексу, результатом чего становятся саморазрушение и смерть.

Сегодня, когда фильмы на грани «мягкого порно» попадают в конкурсные программы Каннского и Венецианского фестивалей, трудно поверить, что суд в Италии запретил прокат этой ленты, приговорил режиссера к условному тюремному сроку и на пять лет лишил его права голосовать на выборах.

Четыре года спустя Бертолуччи выпустил свою самую масштабную картину — идущий в режиссерской версии более 5 часов грандиозный по фактуре интерьеров, количеству звезд первой величины и калейдоскопу событий исторический кино-

роман, можно сказать, семейную сагу «XX век» — произведение во многих отношениях этапное и вершинное не только для самого Бертолуччи, но и для европейского кино в целом.

Как и «Последнему танго в Париже», «XX веку» сопутствовал после премьеры скандальный шум, вызванный неоднозначными сексуальными сценами, что не помешало Датской национальной ассоциации кинокритиков признать его лучшим европейским фильмом года. По прошествии времени он занял почетное место в золотом фонде мирового киноискусства. «Оскары» и «Пальмовые ветви» ждали Бертолуччи впереди.

Начало 80-х ознаменовалось в «послужном списке» режиссера достаточно проходной картиной «Трагедия смешного человека», где владелец большой сыроварни мучается от необходимости заплатить выкуп за похищенного сына... Зато фильм этот послужил мастеру трамплином для взятия заоблачной высоты.

Поворот от дорогой его сердцу Италии к восточной тематике был обусловлен эволюцией мировоззрения художника. Историко-биографическая и философская драма «Последний император» (1987) завоевала сразу девять оscarовских статуэток, в том числе — главные: за лучший фильм, лучшую режиссуру, лучший адаптированный сценарий, лучшую операторскую работу, за работу художника, лучшую оригинальную музыку, лучший дизайн костюмов и лучший звук. Плюс еще

четыре премии «Золотой глобус» и девять премий Итальянской академии кинематографии «Давид ди Донателло». Да к тому же — «Сезар», четыре премии «БАФТА» и специальный приз жюри Европейской киноакадемии...

С некоторой долей смущения Бертолуччи отмечал: «Только после девяти «Оскаров», полученных за «Последнего императора», я почувствовал себя итальянцем. И хотя действие картины происходит на Дальнем Востоке, это мой самый итальянский фильм».

Между прочим, «самый итальянский фильм» Бертолуччи ознаменовал переезд маэстро в Англию и начало космополитического периода его творчества. В то время он уже был счастливо женат на Клэр Пеплоу, талантливой английской сценаристке и режиссере, номинированной впоследствии на «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля, не раз сотрудничавшей с мужем в написании сценариев к его фильмам и остававшейся с ним вплоть до конца.

«Последний император» был снят с разрешения властей Китая в Запретном городе — самом обширном дворцовом комплексе в мире посреди Пекина, откуда Поднебесной правили 24 императора династий Мин и Цин. Судьба последнего китайского императора Пу И привлекла итальянского классика возможностью персонализировать проблему личности в истории, показать в мощном авторском преломлении участь человека, рожденного для власти и величия,

но тяготившегося своим избранничеством.

Для воплощения творческого замысла режиссер разделил фильм на две противоположные друг другу линии, постепенно сходящиеся воедино: жизнь Пу И со дня рождения и его тюремное заключение в социалистическом Китае, где монархия и ее представитель уже лишены сакрального ореола. В камере тюрьмы герой фильма вспоминает свою прежнюю жизнь. В 1959 году его освобождают по амнистии, а в 67-м после трудового дня в зимнем саду он видит варварскую демонстрацию «хунвейбинов», а потом покупает билет в Запретный город, ставший музейным комплексом, тихо поднимается во дворец на свой прежний трон и затем исчезает. Гид сообщает группе туристов, что последний император Пу И умер.

Абсолютный триумф этой ленты открыл перед Бертолуччи возможность двинуться в художественном постижении мира и человека еще дальше — в Северную Африку. Таким духовным путешествием явился три года спустя его следующий фильм «Под покровом небес». Вернутся ли к обычной жизни после предпринятого трагического путешествия в глубь черного континента герои фильма? Зная эстетические воззрения прославленного режиссера, можно ответить, что, скорее всего, нет. Путь назад для них закрыт.

Трое американцев — муж, жена и друг семьи задумали убежать от опостылевших будней грохочущего мегаполиса туда, где смогут заново понять смысл жизни, обрести утраченное счастье и творческое вдохновение. Изумительные виды пустыни под голубыми небесами, переданные на экране волшебной каме-

«Последний император»

рой В. Стараро, нервные ритмы африканских барабанов и гортанные звуки напевов будоражат воображение композитора Порты (Джон Малкович), однако все его попытки достучаться до жены Кит (Дебора Уингер) натываются на взаимное отчуждение, упреки, недоверие и ничемные измены, сопровождающие их десятилетний брак. Присутствие рядом с ними молодого и симпатичного богача Таннера, увлекшегося Кит, только усугубляет ситуацию.

И словно в отместку им за фиаско любви голубые небеса зловеще мрачнеют, и пустыня насылает на них взвихренные ураганом тучи колючего песка, полчища ядовитых мух и испепеляющий зной. Все это запускает процесс разрушения духовно опустошенного Порты, который даже не сопротивляется свалившей его тяжелой болезни. Зато Кит демонстрирует чудеса самоотверженно-

сти, пытается спасти все еще дорогого ей мужа, нигде не находя ни сочувствия, ни помощи. А Порт уже перед смертью неожиданно обретает возделенную гармонию, успевая сказать Кит, как он ее любит...

Теперь уже процесс разрушения охватывает молодую женщину, теряющую связь с реальностью и точку опоры в окружении безжалостной пустыни и диких, закутанных с головы до ног в покрывала бедуинов с горящими глазами и животными инстинктами. Пустыня абсорбирует Кит, покорно идущую в любовницы к предводителю бедуинов, который помещает ее в своем доме под пальмами оазиса и пользуется ей, как собственной вещью.

Живописное, абсолютно экзистенциальное кинополотно Бертолуччи, насыщенное первозданным дыханием африканской пустыни и символическими образами обита-

телей этого причудливого мира, заставляет зрителя задуматься о том, сколь непрочны нити, связующие нас с окружающей действительностью, и о том, как дикая природа, вторгаясь в жизнь человека, обрекает подчас роль его судьбы.

Удивительно, что такой безусловный экранный шедевр был поначалу неоднозначно встречен публикой и критиками, не удостоился особо значимых фестивальных и академических наград и лишь со временем получил заслуженное признание.

Между тем верный себе стареющий мастер обратил пытливый взгляд к экзотическому Непалу и вновь продемонстрировал всю мощь своего таланта, сняв удивительный фильм «Маленький Будда» (1993). Заметим, что если в картине «Под покровом небес» он показал бегство героев из западного мира в мир африканской пустыни, то в «Маленьком Будде» ему удалось сочетать трудно совместимые, на первый взгляд, миры — буддистский Восток и современную Америку.

О чем бы ни снимал фильмы Бернардо Бертолуччи, он всегда снимал фильмы о Времени и о Человеке в потоке Времени. Не стал в этом плане исключением и «Маленький Будда». Наряду с бесценной операторской работой Стораро, произведение отличает «фирменное» качество режиссера: умение синтезировать зрелищность и психоанализ в рамках универсального мультикультурного подхода. Надаром сам режиссер говорил, что снял «Под покровом

небес» и «Маленького Будду» в соответствии с «канонами большой киноиндустрии и удовлетворяющих потребности международной киноаудитории в шоу». Но «бросил вызов Голливуду».

Сюжет картины достаточно прост. Группа буддийских монахов предполагает, что их лама-учитель после смерти совершил очередную реинкарнацию и воплотился в американского мальчика Джесси. Чтобы точно убедиться в этом, мальчика необходимо привезти в Катманду, чтобы он прошел священный обряд очищения в местном монастыре. Джесси приезжает в сопровождении отца, прагматичного предпринимателя, который в ходе этого духовного путешествия превращается из закоренелого скептика в искреннего последователя буддистов.

Параллельно с историей поездки отца и сына в Непал, где они открывают нищую, но просветленную верой жизнь, развивается вторая линия фильма, ослепительно ярко рисующая чудо постепенного прозрения и обретения своего предназначения в глубокой индийской древности юного Будды Гуатамы, образ которого удачно воплотил молодой Киану Ривз. Премьера ленты состоялась осенью 1993-го в Париже в присутствии единственного зрителя — Далай-ламы, который фильм одобрил. Настала пора возвращаться домой...

В 1995 году, после 15-летнего отсутствия на родине, Бертолуччи сни-

*«Ускользящая
красота»*

мает в Италии драму «Ускользящая красота» с начинающей актрисой Лив Тайлер в главной роли. Одержимый кинематографом маэстро едва ли осознавал в те поздние годы жизни, что прошел пик творчества и уже начал спускаться с вершины. Как многим большим художникам, Бертолуччи и тогда еще казалось, что главный его фильм впереди, и он с юношеским энтузиазмом погружался в работу над ним.

Так было и с «Ускользящей красотой» (по итальянски название картины звучит иначе — «Я танцую сама по себе»). Прелестная американская девушка, пережив самоубийство матери, известной поэтессы и по совместительству топ-модели, отправляется летом в Италию, на тосканскую виллу давних друзей матери, чтобы познать первый опыт любви и

встретиться со своим предполагаемым отцом.

Возвращение автора на родину в этом фильме чисто географическое — персонажами здесь выступают представители международной богемы. Да и 19-летняя Люси приезжает сюда только на каникулы.

Отсутствие идеологической серьезности предыдущих картин, простота формы, впрочем, остающейся столь же изысканной, говорят об усталости Бертолуччи от смысловой «нагруженности» своих фильмов. И все же фильм глубок и заслуживает зрительского внимания точно так же, как он заслуженно удостоился «Пальмовой ветви» в Каннах. Здесь каждый из героев пытается приватизировать красоту, завладеть ею, забывая, что красота по Бертолуч-

«Под покровом небес»

чи — прежде всего чувство, пробуждающееся в нас самих.

Сохранить ускользающую красоту пытается в картине художник Иэн, который создает и расставляет в саду скульптуры своих гостей. Он — конечно же, автопортрет Бертолуччи, утверждавшего, что в кино режиссер всегда воспроизводит самого себя. Вот почему фильм о молодости превращается у него в ностальгическое, грустное и даже тревожное повествование, позволяющее ему услышать в новой музыке отголоски старой и найти распавшуюся «связь времен».

Единственный персонаж фильма, кто понял загадку красоты и сумел сохранить ее в душе даже на пороге смерти, это листающий старые книги и судорожно цепляющийся за уходящую жизнь писатель-декадент Пэрриш в проникновенном исполне-

нии Джереми Айронса. (Через год после съемок у Бертолуччи ему предстоит сыграть Гумбольта в набокеровской «Лолите», своеобразно трактующей тему запретной приватизации юной красоты.)

Красота по Бертолуччи тоже не обходится людям безвозмездно. Она приватизирует их время — как у безнадежно больного старика скульптора и его жены. А некоторые расплачиваются за нее утратой даже разума... Прислушиваясь в своем позднем фильме к всплескам разных эпох, режиссер приходит к выводу, что, если есть только «доказательства любви», а не сама любовь, то и красота дана нам преимущественно в наших ощущениях.

Разворачивая на экране панораму замедленного существования обитателей тосканской виллы, Бертолуччи продолжает размышлять об

«XX век»

истории, культуре, искусстве, о неутомимом ходе Времени. И тогда появляется синтезированный саундтрек фильма, в котором рок-группы 90-х соседствуют с Билли Холидеем и Моцартом. А престарелый кумир 50-х Жан Марэ клеймит строителей по соседству с этой тихой обителью современной телебашни, бессильно направляя в их сторону воду из садового шланга.

В истории взросления и раскрепощения героини «Ускользящей красоты» прослеживаются мотивы как предыдущих, так и последующих, заключительных фильмов Бертолуччи. Герметичный мирок богемы, где все живут ради удовольствий и наслаждений, читают и пишут стихи, влюбляются и тоскуют по любви, совершенно не замечая того, что происходит вокруг, отчасти ляжет в основу «Мечтателей» (2003)

Эстетика. Форма. Мысль. «На самом деле я снимаю примерно так, как себя чувствую», — сказал Бертолуччи в период «Мечтателей». А чувствовал он себя тогда уже совсем плохо: перенес опасную операцию на позвоночнике, стойко боролся с раком лимфатической системы, ходил, опираясь на трость, которая вскоре сменится инвалидной коляской... Тем не менее, на площадке продолжал излучать молодость души и творческий оптимизм. «Кино — это смерть за работой» — говорил Жан Кокто. Пример последних картин Бертолуччи полностью подтверждает столь суровый постулат.

Предпоследняя работа итальянского мастера рассказывает о трех молодых людях, брата с сестрой и заезжего американца, которые в преддверии студенческой революции 68-го, закрывшись в парижской

*«Маленький
Будда»*

квартире, наслаждаются свободой, первым сексуальным опытом и излюбленными фильмами на домашнем кинопроекторе, подражая их сценам.

В центре огромной голливудской съемочной площадки, где ему порой приходилось руководить действиями сотен, а то и тысяч статистов, или среди тесных интерьеров камерного фильма Бертолуччи прежде всего занимали отношения человека с другим человеком, с общением, миром. И, конечно, с будущим, которое, по мысли режиссера, вырастает на развалинах прошлого, зачастую трагического, мятежного. О «Мечтателях», ставших культовой картиной в молодежной среде, Бер-

толуччи отзывался следующим образом: «Это не фильм о мае 68-го... То, что местом действия стала Франция в тот решающий год, — это лишь совпадение, а не элемент первостепенной важности. На самом деле это фильм об индивидуальном развитии, о... взрослении трех молодых людей».

«Я чувствую, что сейчас происходит нечто, напоминающее то, что происходило в конце 50-х — начале 60-х, то есть в ту эпоху, когда я родился как художник, — признавался Бернардо Бертолуччи. — В то время «новая волна», которой двигал разрушительный импульс по отношению к изначально заданным кинема-

тографическим правилам, отвечала на потребность в том, чтобы изменить подход к кинематографическому письму. Потребность, которую я вновь ощущаю сегодня... Кино совершило решительный скачок вперед, в том числе под воздействием технологий, которые меняют саму его природу. Мне кажется, сегодня происходит нечто важное. И я чувствую себя частью этого нечто».

Знаменательные слова. В полном соответствии с ними, уже будучи пленником инвалидной коляски, иронически названной им «электрическим стулом», великий режиссер современности, у которого к 9 «Оскарам», «Пальмовой ветви» Каннского фестиваля и «Серебряному медведю» Берлинского прибавились еще «Золотой лев» Венецианского фестиваля (за вклад в киноискусство) и почетная звезда на «Аллее славы» в Голливуде, практически не покидая окрестностей своего римского дома, в 2012 году снял последнюю полнометражную картину «Ты и я» по роману Н. Амманити.

Среди двух десятков работ мастера (мы здесь рассказали не о всех) эта «скромная» лента стоит в одном ряду с такими его фильмами, как «Костялая вдова» (1962), «Луна» (1979) и «Осажденные» (1998), подлинными жемчужинами, скрытыми в тени больших шедевров Бертолуччи. В этой последней картине-завещании он вновь обращается к торжествующей юности, являвшейся для него эквивалентом подлинности, и рисует нам портрет нети-

пичного сложного подростка Лоренцо в период становления личности. «Сложность» его не совсем обычна — пока другие подростки обманывают родителей, чтобы улизнуть на встречу с друзьями, Лоренцо врет им ради возможности остаться наедине с музыкой и книгами в неухоженном подвале собственного дома, куда к нему неожиданно заявляется сводная сестра, воплощая в себе все то, что раздражает героя...

Тонкая, умная, лирично-просветленная картина, но все же лишенная той пленительной магии кадра, что присуща прежним фильмам Бертолуччи. Он говорил, что хочет отметить свое 80-летие очередной кинопремьерой, и уже взялся за новый сценарий, однако этим планам не суждено было сбыться. В сентябре 2018 года неуемный художник, человек-легенда скончался от рака. Он считал год кончины своего любимого композитора Верди фактическим началом XX века. Смерть Бертолуччи, по сути, ознаменовала конец столетия, воспетого им на экране.

«Учитывая, что в киношколе я не учился, каждый кадр его фильмов был и останется для меня уроком, — сказал в день кончины Бертолуччи создатель «Великой красоты» и «Молодости» Паоло Соррентино. — Для меня существует прямая линия Феллини-Бертолуччи. И ничего больше». «Линия неукоснительно и непреклонно говорящая нам правду» — добавил Роберто Бенини. И впрямь лучше не скажешь. ▣

На недельку, до второго, я уеду в Комарово

В середине 80-х эта зажигательная песня лилась буквально из каждого окна. И, несмотря на прошедшие с момента ее премьеры уже несколько десятилетий, до сих пор остается популярной. А где же оно, это самое Комарово, где так здорово можно отдохнуть, наслаждаясь солнцем и морем?

Фото автора

Многие до сих пор уверены, что курортное Комарово — либо выдуманное автором место, либо ну где-то там, на одном из южных берегов бывшего Советского Союза. Хотя... вот название странное какое-то для

курортного поселка. Хочется ведь моря, тепла, солнца, беззаботного отдыха, а тут на тебе, комары! Ну не вяжется как-то одно с другим.

На самом же деле, и автор слов песни, молодой композитор Игорь

Николаев, и поэт Михаил Танич (это его стихотворение незадолго перед песенной премьерой творчески переработал Николаев) имели в виду конкретное Комарово. Там действительно «краешек земли»: чудесная, душистая хвоя подходящих к самому морю сосен, белоснежные пляжи песчаных дюн, на берегу которых так прекрасно проводить время. Речь идет о курортном поселке Комарово, что на берегу Финского залива в окрестностях Санкт-Петербурга. На гербе

Песня про Комарово впервые прозвучала на «Молодежном вечере в Останкино» 3 ноября 1984 года в исполнении ведущего передачи Дмитрия Полетаева, друга Игоря Николаева. Вторым исполнителем песни стал Валерий Леонтьев, а спустя год после премьеры ее спел Игорь Скляр во время музыкальной паузы в суперпопулярной в конце советской эпохи телепередаче знаменитых «Что? Где? Когда?» Песня тут же ушла в народ, мгновенно став шлягером.

Комарово красуется разлапистая сосновая ветка с большой шишкой — напоминание об окружающих поселок хвойных лесах с их настоящим на море и солнце целебным воздухом.

А вот комары тут совсем не причем: свое название поселок получил спустя несколько лет после окончания Великой Отечественной войны, в честь скончавшегося в самом конце победного 1945-го Президента

Академии наук СССР, ботаника и географа Владимира Леонтьевича Комарова. До переименования этот небольшой, но такой уютный поселок на Карельском перешейке назывался Келломяки, и с начала прошлого столетия считался модным курортно-дачным местом. Кстати, хотя расстояние от Санкт-Петербурга до поселка составляет менее 50 километров, до революции он находился в составе соседней Финляндии, входившей на особых правах в состав Российской империи. И у приехавших в последние полтора-два десятилетия

Репино) были дачи живописца Ильи Репина, писателей Корнея Чуковского и Леонида Андреева, часто приезжали на отдых Максим Горький и Владимир Маяковский.

В 50–60-е годы прошлого века огни большого города, шум машин еще не добрались до сих мест, и Комарово было вполне уединенным и очень уютным дачным поселком на лоне практически первозданной природы. По воспоминаниям местных дачников, в те годы окрестные леса была полны всякой живности: любителям собирать грибы и ягоды на окраинах Комарово запросто встречались не только стремительные белки с лисами и зайцами, но даже рыси, а глухариный ток находился буквально на опушке поселка.

Здесь, в Комарово, в окружении сосен и кустов цветущей сирени с жасмином, стали появ-

существования царской России отдохнуть на взморье дачников складывалось стойкое ощущение, что они попали «в заграницу» — тут правили бал другие порядки: язык, одеяние местных жителей, вывески, даже деньги, все было иным, нежели в Санкт-Петербурге. Здесь любили отдыхать придворный ювелир Карл Фаберже и ослепительная балерина Матильда Кшесинская. В предвоенные годы (с 1922–го по 1936-й год) на одной из келломякских дач проживал физиолог, академик Иван Павлов, первый лауреат Нобелевской премии в России. В соседнем же курортно-дачном поселке Куоккала (ныне

ляться академические и писательские дачи. Композитор Дмитрий Шостакович, ректор Ленинградского государственного университета Кирилл Кондратьев, народный артист СССР Николай Черкасов, композитор Василий Соловьев-Седой, многие академики АН СССР, писатели-фантасты Иван Ефремов, Аркадий и Борис Стругацкие, писатель и киносценарист Юрий Герман с

ками желтые пески окрестных дюн, кое-где поросших редким низкорослым кустарником. Комарово она посвятила пронзительно-трогательное стихотворение «Зеленая будка». Здесь же, на местном кладбище, подобно многим другим выдающимся деятелям отечественной науки и культуры, включая Дмитрия Лихачева и Жореса Алферова, она и нашла свой последний приют.

Слева:

*Старая
типовая
дача
в поселке
Комарово*

сыном Алексеем, драматург и поэт Евгений Шварц и многие, многие другие очень любили проводить свои творческие отпуска, да и просто выходные дни именно в Комарово.

Анна Ахматова, блистательная звезда Серебряного века русской поэзии, особенно любила Комарово и часто отдыхала в местном доме отдыха, ловя вдохновение в неспешном шепоте морского прибоя, лизавшего своими мокрыми белоснежными язы-

...Время течет неумолимо, и от того дачного Комарово советской эпохи уже мало что осталось. Дачи переходят к наследникам, меняются хозяева, а с ними стиль и вкусы, включая внешний вид комаровских построек. Но неизменным остается шум морского прибоя, песчаные дюны, красивейшие закаты на берегу Финского залива. Приезжайте отдохнуть в Комарово и вы: на неделю, до второго! □

Янина Студилина — сибирская красавица, покорившая Москву. Она родилась в Омске, но сделала свою биографию в Москве, самостоятельно, без чьей-либо помощи, сумев в огромном мегаполисе покорить сердца телезрителей своим талантом и красотой. Зрителю Янина запомнилась по сериалам «Ранетки», «Сестры» и многим другим, а театральной публике стала известна буквально только в этом сезоне благодаря спектаклю «Ночь нежна», ставшему уже легендарным и идущему уже много лет в Театре Луны на Малой Ордынке. Актриса нашла время между съемками и репетициями, чтобы побеседовать с нашим журналистом.

«Театр такое место, где не работают, а служат...»

Фото из личного архива

Янина Студилина

— Янина, в соцсетях вы написали: «Театр — моя новая любовь». Как она возникла? Это любовь с первого взгляда?

— Первая моя встреча с театром состоялась в театральном институте имени Бориса Щукина. Но получилось так, что я начала сниматься в кино, потом появился ребенок, и я жила на две страны. А театр все-

таки такое место, где, как правильно говорят, не работают, а служат, где напрямую общаешься со зрителем. Когда играешь в ТВ-проекте или кино, то обмена энергии со зрителем нет. В театре же совсем по-другому. Тем более сейчас, в наше время, мы хотим порадовать зрителя. Чтобы он пришел на два часа и забыл про все свои проблемы, про нелегкие

ситуации в мире и просто наслаждался, получил массу положительных эмоций...

— Кино и театр — это совершенно разные вещи. Что для вас оказалось в новинку? Чувствуете ли вы разницу между кино и театром?

— Это стало моим дебютом на сцене. До этого были работы только в кино и сериалах. Я рада, что моя первая работа в театре — это Фицджеральд, мой любимый писатель. И такая интересная героиня — Розмари. 20-е годы XX века, любовь, и вообще, такой чувственный спектакль. И еще мне очень повезло с партнером, который играет главную роль — Максим Щеголев, мы снимались вместе в «Городе соблазнов», и это, конечно, мне очень помогло, потому что там мы уже «играли любовь».

— Насколько сложно было вводиться в спектакль? Почему именно в этот вводились и как именно обсуждали с Евгением Владимировичем Герасимовым, художественным руководителем, куда именно будете вводиться?

— С приходом Евгения Владимировича в театре произошло много изменений. Вышли новые спектакли, в которых я задействована. «Ночь нежна» для Театра Луны — это как «Юнона и Авось» для Ленкома. Спектакль легендарный, который идет уже давно. В нем много любви,

чувств, эмоций. Он звучит очень актуально, потому что, как мы знаем, проблемы людей не меняются. В спектакле прекрасное музыкальное сопровождение, музыка помогает каждой сцене, благодаря чему он идет на одном дыхании. А я там и танцую, и пою — много нового для себя открыла.

— Близка ли вам по духу ваша героиня?

— Да, очень! Там две героини — Розмари и Николь. Вообще Фицджеральд писал этот роман, основываясь на опыте своей жизни. Жена у него была действительно нездорова, так же, как Николь в «Ночь нежна». И всю жизнь у него был роман с актрисой. А главный герой — это отражение самого писателя, его переживаний с этой героиней. Мы долго думали с нашим художественным руководителем, на какую же роль ввести меня, и я безумно рада, что это оказалась Розмари. Потому что она такая веселая, энергичная. В ней есть немного от Мерлин Монро. Она — очень светлый, полноценный человек. Когда я ее играю, у меня самой настроение поднимается, и мне кажется, что у зрителя тоже. Нам с Герасимовым показалось, что это будет самый верный выбор для театрального дебюта.

— Чем стали для вас «Ранетки»? Вы даже хотели назвать дочку Полиной в честь своей героини.

— Воспоминания, связанные с сериалом, очень теплые. Мы до сих пор встречаемся с актрисами, которые там играли. Многие меня узнают именно по этому проекту, и мне приятно — моя героиня стала такой родной-родной. Не то, чтобы я хотела назвать дочку в ее честь, просто мне всегда нравились имена Аня, Полина, Маша. Были разные варианты, но когда дочка родилась, я сразу поняла, что это Аня.

— Чем занимается Анечка?

— Ей сейчас 5 лет. Я поддерживаю любое ее начинание. И танцы, и музыка, и то, как она бежит по улице и играет во дворе. Это тот возраст ребенка, когда нужно поддерживать любое начинание, но и не перегружать. Она начала потихоньку заниматься фортепиано, пока в игровой форме, а еще ходит на все мои спектакли. Одним словом, активно участвует в моей жизни и поддерживает.

— Вы окончили музыкальную школу, а это, как правило, требует усидчивости, в то время как большинство детей в данном возрасте — непоседы. Вам интересно было учиться?

— Я окончила театрално-музыкальную школу. Мне очень нравилось там учиться. Первый урок — русский, второй — математика, а третий — сценическое движение, затем география и актерское мастерство. У нас было смешение предметов, и я усердно занималась,

поскольку с детства хотела все это изучать. Мне кажется, когда занимаешься любимым делом, нет понятий трудно или не трудно. Взять те же шоу «Ледниковый период» и «Танцы со звездами». Все это, наверное, не просто так, но если интересно, если глаз горит и душа требует, то тут вопросов, сложно или нет, не бывает.

— Да, я знаю, что в 2021-м году вы приняли участие в «Ледниковом периоде». Что вы открыли в себе нового в своих физических и артистических способностях благодаря этому шоу?

— Мне кажется, ничто так не воспитывает выдержку, как участие в данном шоу. Когда я оказалась внутри проекта, то поняла, насколько это сложно и эмоционально, и физически. Ты вкладываешь столько сил! Это проект многому научил меня, в первую очередь, силе воли, выдержке, терпению — в первую очередь, эмоциональному. Я знала, что будет физически трудно — съемки шоу совпали со съемками первого сезона «Сестер». То есть я либо каталась, либо снималась. Бывали дни, когда я и каталась, и снималась, а спала где-то посередине всего этого в машине. Но все равно вспоминаю проект с теплотой. У меня был хороший партнер — Виталий Новиков, мы сделали потрясающие номера, хотя и рисковали. Я даже более того скажу, иногда Илья Авербух говорил: «Ян, вы очень сильно рискуете!» Мы взя-

ли номер «Чикаго», а там нужен большой темпоритм, я же никогда на коньках не каталась, опыта совсем мало. Можно было взять какое-то спокойное, медленное произведение, тогда было бы надежнее. Но нет, мы рискнули, к тому же мой партнер меня очень поддерживал. Вообще на протяжении проекта мы брали интересные номера, взять, к примеру, тот же «Табор уходит в небо», где я была в роли цыганки. Мне кажется, выпусти меня сейчас на

лед, я откатаю все — настолько в голове у меня эти шаги.

— «Танцы со звездами» — еще один ваш рубеж, где вы дошли до финала. Ваш самый любимый номер-танец?

— Это был все-таки «Кабаре». Почему? Потому что желание работать в театре, движение к мюзиклу мне все же ближе, чем бальные танцы, хотя они тоже прекрасны. Кстати, мне очень помогло, что я уча-

ствовала в этом шоу, потому что у нас есть парный танец в «Ночь нежна». Мы его практически не репетировали, он получился с первого раза, так как кое-какой опыт у меня уже был. Сейчас в Театре Луны готовится мюзикл, и я в нем тоже буду принимать участие.

— Как вы поступали в «Щуку», помните?

— Конечно. Это была стандартная процедура — следовало читать несколько монологов. Я выбрала «Женитьбу» Гоголя. В училище я пришла после съемок в сериале «Ранетки», и мне сказали — зачем это тебе, ты ведь уже снимаешься. Но я мечтала работать с хорошими режиссерами, играть разные роли, а не только Янину в предлагаемых обстоятельствах. Мне хотелось с большими художниками говорить на их языке. Благодаря чему в моей биографии появилась и «Белая гвардия» Сергея Снежкина по Булгакову, и «Сталинград» Бондарчука, и «Седьмая симфония» про блокадный Ленинград, которая вышла недавно. Я думаю, без обучения в театральном училище этого бы просто не получилось.

— Что для вас понятие «творчество»?

— Творчество дает надежду людям даже в самых тяжелых обстоятельствах, исцеляет душу. «Седьмая симфония» как раз о том, как музыка помогает людям выжить в нечеловеческих условиях. Также в филь-

ме есть и любовь, и взаимовыручка. Всем советую посмотреть это глупое произведение.

— Пригодились ли в жизни знания, полученные в экономическом вузе?

— Я вообще уверена, что все, что с нами происходит, должно быть полезно. Да, знания, безусловно, пригодились. Я не жалею, что пошла учиться в финансовую академию, и что потом стала учиться в театральном вузе. Это все сформировало меня как личность, именно поэтому я есть то, кто я есть сейчас.

— Расскажите, пожалуйста, как проходили съемки фильма «Сталинград».

— Работа с Федором Сергеевичем Бондарчуком для любой актрисы — это подарок. Насколько де-

тально он подходит, насколько точно видит съемочную группу. Полнейшая достоверность на съемках реально погружала нас в то страшное время.

— Казалось бы, все в жизни сложилось. И все же, о чем вы еще мечтаете?

— Каждый день о чем-то мечтаю. Но мне кажется, помимо мечты очень важно сформулировать для себя, к чему ты стремишься, и действовать в выбранном направлении. Всегда двигаться вперед, даже когда что-то не очень получается, и позитивно смотреть на мир. Мне кажется, когда ты открыт, когда ты веришь в чудеса и отдаешь частичку себя, то что-то хорошее к тебе возвращается. Вот это самое важное. □

Беседовала *Дарья Парчинская*

Юрий Шурчков

Живи, брат!

Странная история случилась со мной на днях. И трудно теперь сказать, о чем она больше — о долге, человечности или божественном промысле. История позволила мне вновь поверить в чудеса, а если брать глубже, то и в Божию помощь. Теперь я точно знаю, что мы не одни, и даже в самых критических случаях всегда можем рассчитывать на чудо.

В прошлые выходные мне пришлось ехать на дачу для проведения сезонных работ. У кого есть дача — не дадут соврать, что в пору золотой осени там ого работы — приходится убирать сухие листья, траву, ветки и много чего еще. Если нет специального места, куда это все девать, а из-за дождя или ветра сжигать садовые отходы почти невозможно, то все это приходится грузить на тележку и вывозить куда-нибудь подальше. Надев старый свитер, ветровку и кепку-бейсболку, я нагрузил садовую тачку до верха и покатил по каменистой тропе за пределы жилой зоны — в специально выделенное место.

Когда проходил мимо заброшенного участка с покосившимся забором из рабицы и ржавым вагончиком посередине, до меня вдруг донесся чей-то слабый писк. Он был так безнадежен и полон отчаяния, что, заинтересовавшись, я остановился и прислушался. Вскоре писк повторился, и я, двинувшись на сигнал «SOS», вышел к границе заросшего участка. Звук исходил оттуда, но точную локацию не понять.

Постоял, послушал, пока не уловил звуки, похожие на тонкое мяуканье котенка. Собственно, это и был жалобный призыв котенка. Естественно, я пошел его искать, мало ли, что с ним произошло.

Звук исходил из высокой травы по ту сторону ржавой сетки-рабицы. Несколько раз я сказал «кис-кис»... Стоял, прислушиваясь к отклику, но ответа не было. Пришлось опуститься на колени, чтобы разгрести высокий сухой и заглянуть под заросли. Что там такое?

Наконец показался источник звука. Серый полосатый котенок с яркими желтыми глазенками-пуговками попал в западню и просил о помощи. Он запутался в проволоке, раскиданной в траве. Но и это было не все — даже освободившись, он не смог бы преодолеть вросшую в землю сетку, непонятно как оказавшись внутри опасного «аквариума». Сколько он пробыл тут — часы или дни?

Если коснуться теории вероятности, очевидно, факт обнаружения застрявшей в путах живой души мог, конечно, состояться. Но, учитывая, что место почти безлюдное, и я оказался там совершенно случайно, а кроме меня за день там не прошел ни один человек — начинаешь задумываться о каком-то счастливом совпадении или божественном промысле. Даже то, что я услышал этот тихий голосок — уже чудо! В шапке на ушах и ветре в лицо я и людей-то не слышал, а тут — котик!

Если с проволокой удалось справиться довольно быстро, то с рабицей пришлось повозиться, чтобы выдернуть ее из земли, приподнять и сделать безопасный проход для животного. В образовавшуюся дыру я просунул руку и, осторожно взяв котенка за шкуру, вытянул пищущий комочек на свет божий.

Вот и здравствуй, брат!

Довольная животина громко мурлыкала и терлась о мои ноги, всячески показывая бесконечную благодарность и расположение. Котенок переваливался с боку на бок, пробираясь ко мне по высокой траве. На вид ему было месяцев шесть или восемь. Маленький, долговязый, он совсем не дотягивал до вида взрослого животного. Беглый осмотр показал, что шерсть чистая, блестящая, ровная. Активный, здоровый, без ушных клещей... И это прекрасно! Только непонятно, как он тут оказался, видно, что котенок не уличный, но по какой-то причине очутился на улице и попал в ловушку. Мысль о том, что его выбросили уезжавшие в конце сезона дачники, для которых он был всего лишь живой игрушкой, я тщательно отбрасывал, чтобы окончательно не разочаровываться в человечестве. Хотя поводов для этого у меня накопилось предостаточно. Но бог с ними, с человеками, сейчас речь не о них!

На этом история должна была благополучно окончиться, едва начавшись, а котенок мог радоваться чудесному спасению, теплему солнышку и синему небу. Но оказалось, что этот эпизод явился лишь началом чере-

ды событий, поверить в которые, не увидев все своими глазами, мне было бы затруднительно, даже невозможно. Однако, став участником этой истории, я уже не мог не поверить в божий промысел и вообще в то, что на самом деле Бог слышит все наши мольбы и просьбы. Каждого слышит, где бы мы ни находились, даже меня.

Погладив кота, а это оказался именно кот, о чем могу заявлять со всей ответственностью, и, оставив его в траве, чтобы тот продолжил путь самостоятельно, я впрягся в тачку и покатил ее к дому. Дело сделано. Мир вокруг меня спасен и улучшен. Можно расслабиться, выдохнуть и вернуться к дачным делам. В конце концов для этого же я и приехал!

Но кому на небесах интересны мои планы!

Котенок в это время, вместо того чтобы продолжить прогулку и возвратиться домой, неожиданно пошел за мной. Да так проворно и шустро, что убежать от него оказалось совершенно невозможно. При попытке моего бегства он поднимал хвост трубой и, словно торпеда, летел за мной где-то над землей, почти не касаясь травы мягким пузом.

Он оказался забавным, игривым и изобретательным, владеющим тактикой ведения охоты на меня. Соревновался со мной в скорости и сноровке, а когда отставал, мне приходилось снижать активность или останавливаться, чтобы подарить ему радость маленькой победы. Он же охотник, а я всего лишь дичь!

Но что мне надо было делать, чтобы избавить кота от своего общества, а, возможно, и наоборот?

Сказав ему несколько раз устрашающие «кыш-кыш!» и даже пошипев в его сторону для острастки, я понял, что такие дешевые трюки на него не действуют. Не на того напал. Я нагрузил тележку новой порцией садового мусора и покатил ее к месту разгрузки, не обращая внимания на странную собачку в шкуре кота, бежавшую со мной.

Преодолевая законы природы, котенок двигался рядом — не обгоняя, но и не отставая. Наверное, со стороны это выглядит забавно, когда мелкий кот ведет себя подобно собаке. Но мне становилось грустновато от того, что такого способного и преданного друга я не могу взять к себе. Я видел много разных бездомных животных, и наверняка среди них был не менее способный представитель семейства пушистых. Но надо отдавать себе отчет в том, что помочь всем я не могу, и с этим пришлось смириться.

После нескольких рейсов с тачкой стало понятно, что избавиться от пушистика просто так не получится. Пускать его во двор тоже не хотелось. Не потому, что я злой Карабас Барабас, просто не хотелось вво-

дить его в заблуждение, что это будет его дом. Скоро ударят морозы, и до этого времени у него есть всего одна или две недели для поиска теплого убежища. Хотя очевидно, что без помощи людей выжить малышу на улице в морозы, без еды и воды — совершенно нереально. И это угнетало. Ведь если б на пустыре я прошел мимо и не познакомился с котом, то мне бы и дела до него не было. И душа была бы спокойна. Но теперь совсем другое дело.

Я просочился через собственную калитку, не дав возможности сделать котенку то же самое. Хитрюга же не стал долго думать, а пролез под забором и сопроводил меня до самой двери. Здравсти — приехали!

Пожалуй, он оказался умнее меня и понял, что нет смысла удлинять себе путь и обходить через калитку, если можно пройти напрямую. Природу не обманешь, она всегда рациональна и никогда не терпит пустоты.

Дома я попросил поделиться едой моего кота, вынув один пакетик жидкого корма из его заветной коробочки. Вынес миску на улицу. Не подумайте, еда — не абы что, а то, что надо! Домашний кот ест ее за обе щеки и добавки просит! Однако котенок не набросился на миску, а вел себя прилично — перекусил немного и отошел. Видимо, не оценил заморский корм из чистого куриного мяса или же проявил деликатность и воспитанность.

Поскольку от судьбы не убежишь, бежать от кота мне оказалось некуда. Я подумал, что оставлять котенка на улице нехорошо и опасно, взял его на руки и отправился пристраивать, понимая бесперспективность этого нового для меня занятия. Ведь по логике — тот, кто любит и хочет иметь животных, уже обзавелся друзьями. А кому животные по боку, тех и спрашивать бесполезно, таких людей никакие аргументы не пробьют.

Я шел по шуршащему гравию с котенком на руках вдоль домов, похожих на окопавшиеся крепости за высокими заборами. Подходил к редким людям, собиравшим листья на улице с предложением взять друга, но все отказывались. Они приводили тысячу аргументов, почему им брать животное нельзя, и ни одного разумного, чтобы взять.

Где-то тявкнула собака. Кошачьи глазенки наполнились ужасом, он прижался ко мне и спрятался от опасности, уткнувшись мордочкой с влажным носиком в мою ладонь.

Внезапно котенок запросился на землю. Я его отпустил с тайной надеждой на то, что он вспомнил, где его дом, и сейчас сбежит, а мои проблемы закончатся. Но даже тут, казалось бы, на ровном месте, возникла новая неожиданная проблема.

Как оказалось, котик панически боялся собак. И что вы думаете — из-под забора дома напротив вдруг показалась морда дворняги и громко за-

лаяла. Вероятно, котенок уже знал, что это такое — собака, и испугался. Деревня — не город, для животных тут часто действуют законы джунглей, а отвязавшиеся или бездомные псы нередко нападают на кошек, что имеет самые трагические последствия для пушистых. Я и опомниться не успел, как в течение несколько секунд кот взобрался на дерево возле чужого гаража и оттуда беспокойно взирал на происходящее внизу.

Проблема защиты от собаки решилась благополучно, породив совершенно другую проблему — как теперь снять кота?

Я приблизился к дереву, потянулся руками, но понял, что такую высоту мне не взять. Влезть вслед за ним я не мог — слишком тонкий ствол у дерева, оба рухнем вниз. Положение осложнялось еще и тем, что спрыгнуть на землю котенок уже не мог — слишком высоко. Но при попытке спрыгнуть на крышу близко расположенного гаража он мог попасть на выступавшие вверх острые, как лезвия, листы металлической кровли (у кого-то были руки кривые, чтобы так сделать!), что стало бы смертельным.

Не теряя времени, я побежал домой, схватил раскладную лестницу и притащил ее к чужому гаражу. Стометровка оказалась непростым испытанием для дышалки — меньше надо за компьютером сидеть!

Быстро разложив лестницу, я поднялся на верхнюю площадку, протянул руки к хулигану, и котенок, сразу поняв, что надо делать, прыгнул ко мне. От неожиданности я едва не слетел вниз вместе с ним! Однако чувство ответственности не дало это сделать. Балансируя на одной ноге, я все-таки удержался и спустился вниз без потерь. Тут я заметил, как из окна дома напротив за моими действиями внимательно следит бдительная бабушка!

Цепляясь острыми коготками-крючками за мои джинсы, котенок легко и проворно долез до куртки, а по ней на плечо — к лицу. И весь этот путь он проделал только для того, чтобы выразить благодарность громким бархатным мурчанием и тыканьем влажным носиком в мою щеку. Это оказалось так трогательно и мило, что хотелось расцеловать малыша в ответ.

— Ладно, проехали, не стоит благодарности! — смутился я и погладил новоиспеченного друга между ушей.

Отнеся домой лестницу, я пошел по деревне, нажимая редкие работающие звонки на калитках. Во всех случаях ответом была тишина, будто я в форме военкома принес повестку в армию. То ли правда все разъехались этим воскресным вечером, то ли затаились — не знаю. Котенок, как верный пес, бежал рядом и не думал сбегать.

Взяв его на руки и прижав к теплому свитеру, я отправился к своему знакомому в дальний конец деревни, надеясь, что у того кошки нет, и он сможет взять этого прекрасного кота себе.

Калитка оказалась открытой. Я вошел на участок размером с небольшое футбольное поле и направился к дому. Хозяев видно не было, но у самого дома сидела белая длинношерстная кошка. На крыльце наблюдала за мной еще одна. И последняя капля — крупная кошка в окне, внимательно наблюдавшая за непрошеными гостями. Стало понятно, что ловить тут нечего, но раз пришел, не уходить же сразу обратно, и я постучал в дверь.

Вышел хозяин Миша. На просьбу взять еще одно чудо природы ответил категорическим отказом, и никакие аргументы не смогли пробить его толстую «шкуру». Он посоветовал мне отнести котенка к магазину и незаметно там оставить, вдруг кто-то покормит.

Такое вероломство показалось мне недопустимым предательством, и мои поиски продолжились. Я заходил в разные дома, останавливал машины с отъезжавшими дачниками, но где-то уже были собаки, которые представляли опасность для кота, а где-то люди были черствые, словно дубовые желуди, и не проявляли ни малейшего сочувствия. Я их не осуждал, но очень расстроился.

Около дома, выкрашенного в цвет хаки, котенок ловко пролез между прутьями ограждения. Во дворе стояла машина «Вольво», а в окнах горел свет. Чем не место, куда котику можно попроситься на жильё!

Я отступил и тихонько, на цыпочках, начал удаляться, предоставив все Судьбе. Но в то же мгновение котенок выпорхнул из-под забора и бросился за мной. Увы, постыдный побег не удался.

К вечеру, когда уже надо было уезжать, стало понятно, что реально помочь коту я не смогу, и от этого сердце начинало болеть. Впервые за много лет. Ведь раньше удавалось абстрагироваться и не вмешиваться в чужую жизнь. Если вмешаешься, то уже несешь ответственность.

Обзвон московских друзей результата не дал. А взять котенка к себе домой даже на день я не мог — из-за соображений бережного отношения к здоровью вот уже более двенадцати лет живущего со мной душа в душу родного кота.

К горлу подкатывал комок, а глаза становились влажными. Хуже нет этого чувства бессилия, когда все понимаешь, а сделать ничего не можешь. Я приблизился к иконе Спасителя и попросил помочь этому котику найти дом и любящих хозяев. Не помню, верил ли я в высшую помощь по такому мелкому случаю, но помолился. Затем вернулся к коту, расположившемуся на веранде, и попросил его поискать себе дом, а не надеяться

больше на меня. Но сердце щемило. Поэтому спонтанно родилось и другое предложение.

— Хорошо! Если завтра придешь сюда — вернусь за тобой! — пообещал я, хотя понимал, что это не то, что маловероятно, а невозможно. Котенок пойдет дальше и уже никогда не вернется. Да и мне в рабочий день понедельника ехать из Москвы и обратно не меньше трехсот с гаком километров по страшным пробкам совсем не хотелось. Не святой я, да, хотя и стремящийся к Свету.

Другая здравая мысль, посетившая меня в минуты отчаяния, — отвезти завтра кота к моему хорошему знакомому отцу Никону — эконому Свято-Смоленской Зосимовой мужской пустыни, что в Александровском районе Владимирской области. Ехать до нее почти как до Москвы, но там, по моим наблюдениям, настоящее кошачье царство. Я видел там много гуляющих «пушистиков», и все они при деле и, вроде бы, сытые. А это самое главное! Одним котенком больше — не проблема. В подсобном хозяйстве там много и коз, и собак разных пород, и другой живности. Есть специалисты-животноводы — ну неужели кота не приютят!

Когда я вышел из дома, котенка уже не было. Однако у забора сидел взрослый кот бело-рыжего окраса. Увидев меня, он неохотно пролез под забором и неторопливо удалился. Когда он только появился и неужели прогнал «моего»?!

Впрочем, ответ нашелся позже, и он оказался неожиданным.

...Дорога до Москвы выдалась долгая и грустная. Мучило чувство вины. Ломило душу. Слезились глаза, словно резал лук. Старею, видимо, раз сантиментами, словно осколками гранаты, зацепило. Вспоминались широко раскрытые, доверчивые желтые глазищи, полные радости и надежды, мокрый носик, лапки-царапки, хвостик палочкой, ушки стоячком, почти как у овчарки! Настоящее чудо!

«С другой стороны, ушел и ушел, — успокаивал я себя. — Это его выбор. Я сделал все что мог. В конце концов, ведь не родной же он мне, как мой домашний Степа. Мало ли котов и кошек встречается на улице»!

И все же ночь прошла без сна. Душа ныла и поскрипывала, как колесо старой мельницы. Тогда же и родилось решение — утром позвоню соседям, и, если котенок там, то поеду, а если его нет, то и ехать бессмысленно. Только после этого окончательного решения пришло что-то, похожее на сон...

Но утром все изменилось. Когда я позвонил соседям по даче и спросил про котенка, они ответили, что его нигде не видно — ни на дороге, ни воз-

ле моего дома, ни где-то поблизости, а потом высказали предположение, что кот, видимо, ушел в соседнюю деревню и, может быть, нашел себе дом. Последнее — полная глупость, почему-то вызвавшая раздражение. Какой дом можно найти ночью маленькому котенку, непонятно как пережившему ледяную ночевку!

Недолго думая, я запрыгнул в машину и рванул во Владимирскую область. Уже не страшили четыре часа пробочного движения по Щелковскому шоссе, потому что была цель. Пробки, время — все это такая мелочь, по сравнению с маленькой живой душой. Но чувство тоски и бессилия только усиливалось — ведь за окном температура, близкая к нулю, как котенок смог это выдержать!

Въехав в деревню, я медленно покатил по шумной гравийной дороге, осматривая обочины в поисках серого... Но кота не было. Да и не могло быть. Зачем я вообще поехал — для отмазки самому себе? Не попадает снаряд дважды в одну воронку! Значит, и второго шанса на встречу не будет. Если хочешь сделать доброе дело — надо делать сразу, а не откладывать на потом. «Потом» может и не случиться...

Подъехал к дому, загнал машину во двор, прикрыл ворота и, не переодеваясь, сразу отправился к заброшенному участку — месту вчерашней встречи с котом. Вдруг у него там лежбище... Если честно, я в это не верил. Просто шел, раз уж приехал. Ходил, искал — все без толку. Пришлось вернуться домой. Надежд не было никаких. Ну, если только на Чудо, с большой буквы Ч, которого давно не видел.

Выпил чай. Подошел к иконе, попросил Бога помочь: не мне — «моему» коту. За других просить легче...

Смысла задерживаться на даче больше не было. Для очистки совести еще раз прошелся по деревне, и снова бесполезно...

Развернулся и пошел обратно, твердо намереваясь уезжать. Спасательная операция прекращена. Она провалена. Небеса не помогли, потому что меня не услышали.

Рука скользнула в карман и нащупала ключ от машины...

Вдруг сзади раздалось тихое: мяу-мяу. Я остановился — не послышалось ли? И тут за забором строящегося дома заметалась серая тень, громко мяукая и всем видом привлекая внимание! Это был он! Он! Мой кот!

— Здорово, брат! — радостно воскликнул я, и кот отозвался приветственным мяу. Весьма мелодичным, кстати!

Я ринулся к забору, чтобы вытащить его, но худышка самостоятельно пролез через щели и со всех ног бросился ко мне. Он узнал меня и спешил, чтобы не потеряться снова!

Сцена была достойна фильмов Болливуда со встречей двух любящих сердец и бесконечными песнями о любви! Котик мгновенно добежал до меня, по джинсам забрался вверх и оказался у моего лица. Я прижался к нему щекой (чего никогда не делал с незнакомыми котами). Впрочем, кто к кому прижался — вопрос открытый!

И тут я заметил, что в сторонке скромно стоит другой кот. Тот самый бело-рыжий, который якобы случайно забрел ко мне во двор, когда исчез «мой» котенок.

Мир заиграл новыми красками! Осенние листья стали ярко-желтыми, небо прозрачно-голубым, и северный ветер с нотками далекого костра казался уже не таким холодным и колючим. Ведь все не зря!

Я не собирался оставлять друга в беде и торопливо прокручивал в голове возможные варианты. Самый первый и простой — доехать до ближайших храмов и предложить им этого чудесного котенка, а в нагрузку — привезти десяток килограммов лучшего корма!

Судьба же распорядилась по-другому. Родилась мгновенная мысль, трансформировавшаяся в телефонный звонок давнему товарищу Женю Федорову, у которого в Киржаче бизнес и типография. Я подумал, что у него работает много равнодушных людей, может быть, кто-то сможет взять кота себе?

Но жизнь преподносит разные сюрпризы, рассчитывать на которые порой и не приходится.

Я набрал номер, и Женя сразу ответил на звонок. Поприветствовали друг друга, после чего я изложил ему свою историю и попросил как-нибудь пристроить кота. На том конце телефонной линии Женя громко рассмеялся и сказал, что только на днях попросил волонтеров, занимающихся пристройкой животных, подобрать ему котика. У него уже есть «пушистик», но много кошек не бывает, а с двумя в доме всегда веселее.

Повезло, что Женя оказался в Киржаче и принял участие в моей истории. У него шло рабочее совещание, но ради такого дела он пообещал, что найдет минутку.

Я сорвался с места, схватил котика, прыгнул в машину и помчался в райцентр. Кот вел себя в машине достойно. Не прыгал, не истерил, сиденья не драл, лишь забрался ко мне на колени и тихо мурлыкал. Я рулил и всю дорогу гладил его по голове, успокаивая. А он послушно сидел и верил...

Доехав до Магистральной, я для верности библикнул, и Женя сразу вышел ко мне. Мы обнялись, и я передал ему котика. Женя взял его на руки, как ребенка, приподнял, заглянул в глаза, осмотрел со всех сторон и констатировал:

— Это уже не котенок.

Видимо, ему хотелось совсем маленького друга. Но какая разница — друг есть друг, даже если он не маленький котенок, а уже взрослый.

Женя пообещал, что, если вдруг кот у него не приживется, он передаст его волонтерам для поиска других хозяев. А если они подружатся — значит, будут вместе. Очень хотелось верить, что теперь жизнь котика наладится, будет долгой и счастливой. Иначе зачем было Небесам состыковывать и переплетать столько вероятностей, случайностей, людей и километров?..

Лишь позже до меня дошло, что бело-рыжий кот, нечаянно попавшийся на глаза, совсем не случайный персонаж. Он явился, ни много, ни мало, — посланником Небес. Ведь в ту холодную и дождливую ночь он спас котенка от гибели, когда увел его с собой ночевать в укрытие. Как уж он его уговорил — не знаю. Спас он и меня, потому что вряд ли я смог бы себя простить, если бы с котенком что-то случилось.

Как-то незаметно этот серый комочек прочно вошел в мою жизнь, заблокировав на время все другие дела и мысли. Почему я обратил на него внимание, занятое обычно всем чем угодно, и, в общем-то, — полной ерундой? Чем он меня зацепил? Не знаю. Вероятно, безграничным доверием к человеку, оказавшемуся рядом.

Что это было для меня и всех людей, так или иначе участвовавших в этой пьесе на главных или эпизодических ролях? Внезапная проверка на вшивость? Краш-тест совести? Аудит накопленной за годы жизни человечности? Укрепление веры и демонстрация маленьких, но настоящих чудес? Заметим ли мы эти чудеса, откликнемся ли на них? Изменимся ли, чтобы соответствовать званию Человека с большой буквы? Куда качнутся весы?

Ответов нет...

Усталый и счастливый я ехал по вечерней дороге сквозь леса и луга, пробираясь к Москве. Небо прохудилось, освежая землю крупным дождем. Уходящая осень была тиха и торжественна. А впереди — зима... □

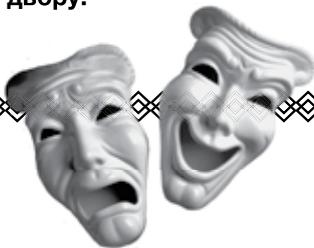
Евгения Гордиенко

Василий Качалов

Актер МХАТа и Стива Облонский в семейной жизни

«Приятный, звучный голос, отличные, сдержанные манеры, умение преображаться в различных ролях — от ворчливых стариков до бурливых молодцов и чванных джентльменов, естественная горячность в драматических местах — это Качалов», — такую характеристику дали новоиспеченному актеру МХАТа Василию Качалову московские газеты. Это было начало великой карьеры в главном театре страны одного из лучших, по мнению большинства, актеров своего поколения. Но начинал он совсем не в Москве, и «горячность» его поначалу совсем не пришлась к столичному двору.

Василий Шверубович (настоящая фамилия артиста) родился в семье священника в городе Вильно (нынешний Вильнюс). Евреем он не был, изначально фамилия рода звучала как Херувимовы. Но крестьяне-прихожане переделали ее на свой лад. В итоге получилось Шверувимовы, а потом Шверубовичи.

Отец Василия был персонажем, о котором стоит сказать отдельно.

Иоанн Шверубович, много лет имевший приход в Вильно, младшего сына почти и за человека не считал. Идеалом его были старшие сыновья: дородный, румяный, высокий (выше 190 сантиметров) Анастасий в чиновничьем мундире, и Эразм, пол-

торы сотни килограмм веса, а ростом больше 2 метров, с усами, в парадной форме Приморского драгунского полка! Младший же, по мнению отца, и ростом выдался невысок (всего 185 см), да и вообще «как-то жидковат». Стыдясь ремесла, которое выбрал для себя Василий (актерство — это же позор), отец на расспросы соседей отвечал туманно: так, мол, по ученой части пошел...

Однажды мать Качалова прочитала в газете театральную рецензию, которая называлась «Князь — В. Качалов — убил свою жену». Испугавшись, она переполошила и мужа. Заглянув в газету, тот заругался: «От дура! Так это же позорище! Мало я Ваську в детстве порол».

На самом деле, как и других своих детей, порол отец Ваську предостаточно. Например, за то, что мальчишка тайком от родителей пошел слушать оперу «Демон». Вернувшись с представления, будущий актер разыскал старую отцовскую рясу, назвал ее «рубищем духа изгнания» и стал распевать: «Я тот, кого никто не любит», сидя на «пустынной скале» (на высоком шкафу в детской).

А порой ему доставалось и вовсе за провинности других членов семьи. Так, дядя Василия, родной брат Иоанна, тоже провинциальный священник Христиан Шверубович, лишился сана, решив повторить чудо хождения по морю «аки по суху». В праздничном облачении, с чашей святых даров, отплыл отец Христиан

на лодке на середину реки и ступил за борт. Разумеется, стал тонуть. Его спасли, а вот чаша со святыми дарами утонула. Отец порол Ваську и поучал: «Не гордись, руби сук по себе и о несбыточном не мечтай». Однако мечты о сцене не оставляли мальчишку.

В 1895 году двадцатилетний Василий отправился в Петербург — поступать на юридический факультет. Однако это была версия для родителей, на деле же он, хоть и поступил в университет, стал искать себе театрального антрепренера.

Твердо помня, что «русский актер состоит из души, тела и цилиндра», купил головной убор — играть аристократов.

Антрепренер вскоре нашелся, причем легко — молодой Василий был сказочно хорош собой: светлые волосы, ладная фигура, слегка близорукие глаза, что придавало им мечтательный взгляд, а главное — глубокий, мягкий голос.

Начинающему актеру было предложено 50 рублей и — сменить фамилию. Василий пожал плечами, взглянул в лежавшую на столе газету «Новое время» и увидел заголовок: «Такого-то числа почил в бозе Василий Иванович Качалов». Сочтя это знаком, он выбрал именно такую фамилию.

Новоиспеченный Качалов стал играть на сцене. За два сезона вырос до бенефисов. Имел страшный успех у публики, особенно, разумеется, у женской ее половины. Барышни караулили его всегда и везде —

чтобы коснуться, получить улыбку, а то и срезать незаметно с головы светлый локон.

Но не только поклонники — критики тоже были покорены Качаловым. О нем писали в провинциальных газетах, одна из которых попала в глаза Немировичу-Данченко, режиссеру Художественно-общедоступного театра (название МХАТ появится позже). Он решил пригласить провинциального актера в столицу и послал Василию Ивано-

200». Почему он это сделал, Станиславский и сам впоследствии не мог объяснить. Словно невидимая рука вела Качалова к встрече с МХАТом, главным театром его жизни.

Но оказалось, что до «совпадения характеров» актера и театра еще очень далеко. В Москве Качалов снял комнату и отправился по месту службы. Всей труппе, собравшейся в этот день в театре, было любопытно посмотреть: что за артист такой, которому будут платить 200 рублей?

С *лава Качалова стала такой огромной, что в 1906 году ему предложили перейти в Александринский театр, посулив главные роли, солидный оклад и хорошее жильё. Но Василий Иванович отклонил это предложение, не желая подводить поверивших в него Станиславского и Немировича-Данченко. Кроме того, актер все еще не верил в свои силы. Он был настолько требователен к себе, что даже бесконечная любовь поклонников не убеждала его в собственном таланте*

вичу телеграмму с приглашением. Небывалое событие для любого начинающего артиста, но Качалов, получив послание и имея весьма смутное представление о столичных гонорарах, отбил ответную телеграмму, которой потом стыдился всю жизнь: «Согласен при условии 250 рублей в месяц». Станиславский и Немирович-Данченко были озадачены: Мейерхольд и Книппер-Чехова получали у них по сто рублей. И все же Константин Сергеевич, в глаза ни разу не видевший артиста Качалова, послал ответ: «Согласен на

Это был фееричный провал Качалова. Станиславский, посмотрев на две роли из «Смерти Ивана Грозного», отыгранные Василием Ивановичем, грустно сказал: «Вы — чужой. Чужой! Может быть, года через два-три вы освоитесь с нами, поймете нас, примете то, что у нас. Но сейчас вы — чужой!»

Дело было и в провинциальном говоре Качалова, и в том, что шиком в казанском театре считалось играть без подготовки, играть на декламации, давать, так сказать, «жирную» игру. Совсем не то, что «продвига-

ли» в своем новом театре Станиславский и Немирович.

Жалованье Василию Ивановичу, правда, платили исправно, но ролей не давали. Однако упорства ему было не занимать: он честно ходил на все репетиции и спектакли, присматривался, учил тексты, перенимал что-то «у них», у будущих мхатовцев, одним из которых он и сам станет со временем.

А Станиславский со временем оттаял и решил посмотреть, чему же научился Качалов на многочисленных репетициях, на которых присутствовал только как зритель. Актеру доверили роль царя Берендея в «Снегурочке», и выяснилось, что «своим» он стал гораздо быстрее, чем предполагал режиссер — не понадобилось двух-трех лет.

Впоследствии Качалов играл Тузенбаха в «Трех сестрах», Барона в «На дне», Чацкого в «Горе от ума», Гамлета. Его слава была настолько огромной, что в 1906 году ему предложили перейти в Александринский театр, посулив гавные роли, солидный

оклад и хорошее жилье. Но Василий Иванович отклонил это предложение, не желая подводить поверивших в него Станиславского и Немировича-Данченко. Кроме того, актер... все еще не верил в собственные силы. Он был настолько требователен сам к себе, что даже бесконечная любовь поклонников не убеждала его в собственном таланте.

Со временем артист перевез из Казани и устроил в Художественно-общедоступный и свою невесту, Нину Литовцеву, на которой вскоре женился. Она была неплохой актрисой, драматической инженю, но зимой 1907 года с ней случилась беда: обычная простуда перешла в воспаление среднего уха, понадобилось сде-

лать две трепанации черепа. Потом началось заражение крови, и Нине пришлось пережить еще три операции на бедре. После этого навсегда осталась хромота, и большую часть своей жизни Нина предпочла посвятить знаменитому мужу, которого обожала до безумия.

Когда она уже смогла нормально передвигаться (поначалу были ходунки и палки), ее пригласили преподавать в драматической школе. К тому моменту у Нины и Василия уже был сын Вадим, родившийся еще до ее болезни. Больше Литовцева детей иметь не могла. Ей пришлось забыть о сцене, о дальних прогулках, о танцах, о собственной былой красоте. При этом муж ее по-прежнему оставался мечтой всех женщин. У него было огромное количество поклонниц, что, конечно, не могло не

огорчать его жену. Однако поделаться с этим она ничего не могла.

Дом Качаловых часто называли «бесплатным трактиром» — так велика была щедрость Василия Ивановича. Он совершенно не считал денег, готов был бескорыстно помогать друзьям, оплачивать лечение... Нина Николаевна часто сокрушалась: «Мы снова пропили и проугощали очень много денег». Несмотря на большую зарплату мужа, скопить им ничего не удавалось — причиной была широта души актера.

Четыре раза в сезон Качаловы давали званый вечер. Василий Иванович завешивал окна и останавливал часы — чтобы гости не замечали рассвета и долго не расходились. Пили водку и сваренный в двух ведрах крюшон из белого вина, фруктового отвара и шампанского. Ели

заливную белугу, раковые шейки, сваренные в вине, омаров, устриц, медвежий окорок. В 10 утра подавали яичницу с черным хлебом (опять под водку), потом пора было отправляться на репетицию.

На таких застольях семейство блистало — Нина Николаевна любила рассказывать историю, как она приехала в Вильнознакомиться с будущим свекром: отец Иоанн долго рассматривал девушку с ее породистой горбинкой на носу, с ее темными, жгучими очами, тонким станом и, в конце концов, вздохнул: «Ничаво! Васька тоже някрасивый!»

Летом 1914 года Качаловы отправились путешествовать, но разделились: Качалов отправился в одну сторону, Нина и Вадим — в другую. Начало войны застало его в Берне, а жену с сыном — в Милане. Пытаясь воссоединиться, Качалов все слал и слал телеграммы: «20-го буду в Милане», «Обстоятельства изменились. Буду 21-го», «Приехать не смогу. Срочно выезжайте поездом в Берн», «Воздержись от отъезда! 23-го буду в Милане» и так далее. В результате Нину Николаевну и Вадима из Италии в Швейцарию доставила... итальянская полиция, приняв 14 качаловских телеграмм за шпионские шифровки. А он всего лишь был не очень организованным человеком.

Общение Качалова с сыном чаще всего сводилось к ежевечернему ритуалу проводов Василия Ивановича на спектакль. Ровно в половине седьмого он выходил из своей комнаты, выпивал стакан очень крепко-

го холодного чая, брал портсигар, куда Вадим уже уложил душистые папиросы, и защелкивал его о голову сына с громким стуком (разумеется, шуточно и не больно). В ответ получал шуточный шлепок по спине, после чего отправлялся в театр.

Актерскими талантами, к огорчению Василия Ивановича, Вадим не обладал, а мечтал, к изумлению отца, о поступлении в армию. В 1919 году, когда ему исполнилось 18, он записался добровольцем. Как раз в это время Художественный театр находился на гастролях в Харькове — там тогда еще можно было сытно поесть и что-то заработать. Белая армия стала отступать, и актеры разделились — одни остались в Харькове с тем, чтобы потом вернуться в Москву, другие бежали с Деникиным на юг. Качалов и Литовцева же искали

сына. В конце концов они его нашли — на вокзале в одном крохотном городке, с температурой 41,8, погибающим от тифа. Пользуясь всеобщей неразберихой, родители выдали его за некоего артиста Вадимова и забрали к себе.

Как и многих актеров, Качалова те годы занесло в эмиграцию. Но он хорошо понимал, что его искусство имеет ценность только в России. А потом получил письмо от Станиславского и Немировича-Данченко, обращенное к актерам, с просьбой вернуться во имя театра, и вернулся.

У Качалова, при таком обилии поклонниц, разумеется, случались романы, которых Нина Литовцева или не замечала, или предпочитала не замечать. Но один из этих романов разгорелся практически в ее доме, и не замечать его было невозможно...

Молодая актриса Ольга Пыжова начала свою работу в театре с конфликта с Качаловым. Ей доверили роль француженки в пьесе Тургенева «Где тонко, там и рвется». Она должна была обратиться к одному из гостей: «Каспадин Станицын». Но она придумала: «А скажу-ка я «Штаницын». Это будет смешнее, эффектнее». Так и сделала. Публика смеялась, но Качалов придумку не одобрил, и с дебютанткой был весьма холоден.

Она подружилась с Ниной Николаевной и стала бывать у Качаловых дома. Со временем Пыжова и Василий Иванович помирились, а через какое-то время Ольга родила дочь — от Качалова. Разумеется, был скандал, но внутри семьи. Со временем Литовцева примирилась с ситуацией, и стала часто принимать у себя

дочь мужа и Пыжовой — тоже Олю. Какое-то время девочка даже жила у Качаловых, пока мать была на гастрольях и выстраивала собственную судьбу.

Разумеется, Качалов и Литовцева со временем помирились. Она понимала, что ее муж — истинный Стива Облонский, и часто называла его так. Она по-прежнему продолжала заботиться о Василии Ивановиче, ведь он не становился моложе. Болел диабетом, часто дурил, припрятывая от супруги то коньячок, то чекушку.

В феврале 1940 года Качалову исполнилось 65 лет, и власть не оставила эту дату без внимания. Сталин обожал МХАТ в целом и Качалова в частности. Во время пышных торжеств юбиляр получил сотни поздравительных телеграмм, выслушал много славословий, просмотрел бесчисленные статьи в газетах и журналах. А на следующий день попал в больницу. Как признавался другу сам Качалов: «Мой юбилей меня очень утомил, и кроме грусти на душе от него ничего не осталось — я так ясно чувствовал, что это юбилейное чествование — генеральная репетиция того спектакля — похорон, которого недолго ждать, того окончательного «итога», перед которым этот юбилейный «итог» был предпоследним. Очень я почувствовал на этом юбилее свою конченость...» К счастью, в тот раз все обошлось.

Когда началась война, МХАТ был эвакуирован в Тбилиси, а Вадим решил идти на фронт добровольцем. Его судьба до самого конца войны

Жена — Нина Литовцева

была неизвестна, семья не знала, попал ли Вадим в плен, или погиб.

Только летом 1945 года вернувшегося с прогулки Качалова встретила сестра Александра: «Вадим приехал! Он жив! Был в плену, в Италии, бежал оттуда, воевал в итальянском партизанском отряде!»

На сцену после войны Качалов уже не вышел. Лишь иногда читал с эстрады русскую поэзию, Гомера по-гречески и Горация на латыни.

Его не стало 30 сентября 1948 года в Москве, он умер от рака легких. За несколько дней до смерти его навестила Нина Николаевна, и он сказал ей на прощание: «Любопытства нет, но и страха нет тоже».

Могила актера находится на Новодевичьем кладбище. Имя Василия Ивановича носит Казанский драматический театр, в столице Татарстана установлен бронзовый памятник артисту. □

Татьяна Окоменюк

ЛЮБОВЬ Маньяка Петровича

*Прекрасна жизнь,
Но слишком коротка,
Как поздно нас порой любовь находит.*

Андрей Дементьев

У жильцов третьего подъезда типовой пятиэтажки провинциального города Аклейска появилась новая соседка — Виолетта Максимилиановна Китайгородцева, бывшая питерская пианистка, ныне пенсионерка, подрабатывающая частными уроками игры на фортепиано. По слухам, женщина оказалась в «ссылке» благодаря своему экс-супругу, получившему «тычок в ребро» от пресловутого беса. Их совместное жилище на Невском проспекте приглянулось длинноногой двадцатилетней свиристелке, округлившей пожилого бизнесмена, как пацана.

Несмотря на развод, Китайгородцев к Виолетте Максимилиановне проявил «великодушие», обеспечив ее двухкомнатной квартирой. Да, в тмутаракани. Да, в спальном районе. Да, в «хрущевке». Зато с балконом и просторной гостиной, где поместились и инструмент, и стеллажи с нотными альбомами, и мальтийская болонка Сюита с попугаем Аккордом.

Новая жиличка старожилам не понравилась. На чай не зовет, сама «за солью» ни к кому не приходит, с бабками у подъезда не околачивается. При встрече лишь кивнет головой и — шась в парадное, чтобы через минуту огласить окрестности очередной рапсодией. Долбит по клавишам, как свихнувшийся дятел, нарушая привычный ход жизни обитателей дома. Ладно бы, играла шансон или попсу, это еще можно перетерпеть, но через

открытое окно ее гостиной на головы соседней обрушивались творения Баха, Шопена и Брамса, а это уже — форменный террор.

Надо отметить, что «хрущевка» уже давно превратилась в обиталище пенсионеров, чьи дети и внуки разъехались по большим городам в поисках лучшей доли. Рожать совершенно некому — на шесть подъездов всего два ребенка. Зато участились сборы денег на венок по случаю очередных похорон. Как только старшая по дому Евдокия Марковна по кличке «Группенфюрер Дуся» появлялась на пороге квартиры с блокнотом в руках, все тут же тянулось за кошельком, произнося всего одно слово: «Кто?»

И вот этот самый «дом ветеранов», где послеобеденный сон — святое, «осчастливила» своим присутствием «Мамзель», как за глаза называли новенькую соседки. Почему Мамзель? Потому что имя у нее чудное, а у ее болонки — еще чуднее. Потому что чурается простого народа. Потому что у Китайгородцевой ВСЕГДА — взбитая вверх прическа с буколькоками, как у графини «времен Очаковских и покоренья Крыма». И одевается она странно: дома (!) ходит не в махровом халате, не в ситцевом сарафане, не в спортивном трико, а в строгих темных юбках-карандаш и нарядных шелковых блузах с рюшами. На шее, как правило, бархотка, медальон или брошь-каменя, на ногах — туфли-лодочки. Собачку Мамзель выгуливает и мусор выносит тоже на высоких каблуках. Для полноты образа недостает лишь шляпки с вуалью да кружевного зонтика. На фоне соседок в выцветших халатах и пестрых косынках Виолетта Максимилиановна выглядела как павлин в курятнике. Ну как такую можно любить?

«Малахольная! — вынес вердикт «женсовет», щелкающий семечки у подъезда. — И перед кем только выпендривается? Мужиков подходящего ей возраста в подъезде все равно нет». Их там и впрямь не было, если не считать алкаша Пахомыча да деда Замойского с пятого этажа. Так их за мужиков никто и не считал.

Жил еще на четвертом этаже бывший морской офицер Виктор Петрович Бирюков, но после смерти жены он уже лет пять на люди не появлялся. Спустится вниз, купит в гастрономе пачку пельменей да бутылку кефира, и — обратно, на диван, упиваться своим одиночеством.

Однажды, выйдя на балкон, он увидел гуляющую по двору даму с собачкой и вмиг забыл о своей традиционной сиесте. Незнакомка была похожа на его покойную супругу, но несколько выше и изящнее. Двигалась она удивительно грациозно, завораживая Виктора Петровича каждым своим жестом. Облегающая юбка цвета мокрого асфальта и полупрозрачная кремовая блуза сидели на ней очень ладно. Пуговички на блузе были расстегнуты довольно глубоко, и из декольте призывно поблескивала завязанная узлом нитка белого жемчуга. Теплый ветерок шевелил светлые

кудряшки женщины и время от времени вздымал вверх кружевные рюшечки на ее плечах.

— Кто это? — поинтересовался Бирюков у «Группенфюрера Дуси», развешивающей на соседнем балконе свои панталоны с резинками в районе коленей.

— Новенькая из двадцатой... Питерская «интэлихэнция», — скривилась та, как от зубной боли. — Это от ее пианинки весь двор скоро получит рак ушей, а от ее заморских духов — катар дыхательных путей.

С этого момента Виктор Петрович потерял покой и сон. Он купил новый спортивный костюм и стал делать пробежки в часы, когда Китайгородцева выгуливала Сюиту. Никакой реакции. Тогда он стал проветривать свой китель с наградными планками и погонами капитана второго ранга аккурат напротив окон пианистки — все тот же ноль внимания.

Невзирая на неудачу, рук Бирюков не опустил, продолжая удивлять соседей своей креативностью. Мужчина оборудовал во дворе спортивную площадку, лично вкопав там турник и установив тренажер для подъема самодельной штанги. Стоит ли говорить, что площадка эта «по чистой случайности» расположилась там же, где ранее проветривался его китель.

Теперь каждый вечер под аккомпанемент Виолетты Максимилиановны обнаженный по пояс отставник демонстрировал дворовым бабкам свои бицепсы с полувыцветшими татуировками в виде якоря и морского штурвала. Те ахали и цокали языками, подсчитывая, сколько раз он может сделать «жим лежа», а сколько «жим стоя».

Как вдовец ни старался, привлечь внимание новой соседки ему не удалось. Зато удалось сломать ключицу, в очередной раз, выполняя «жим лежа». Теперь он ходил с повязкой Дезо. Куда? А все туда же — на спортивную площадку. Садился там на пенек и делал вид, что читает газеты. На самом же деле Бирюков ждал выхода Китайгородцевой на балкон, а еще лучше — на прогулку с одетой в кружевное платье болонкой.

Когда это происходило, лицо мужчины покрывалось краской, лоб — испариной, а он... и дальше сидел на пенке, провозжая предмет своей страсти полным отчаянья взглядом.

Вскоре дворовые сплетницы притерпелись к «инопланетянке» и переключились на другие объекты, бесившие их ничуть не меньше. Взять хотя бы подозрительную парочку, квартирующую у старухи Булкиной. Соседки прозвали ребят сектантами. Что девка, что парень — ни с кем не здороваются, глаза прячут, в гастроном за продуктами не ходят, еду не готовят. Каждый день посыльный приносит им горячую пиццу, коробки от которой они выставляют прямо на лестничную клетку. Ну не свинство ли?

Или, к примеру, два брата-погодка со странной фамилией Котик-Бэр, снявшие квартиру у наследников покойницы Ветроудеовой. В вечернее и ночное время за их дверью стоит какой-то странный гул. Вот что они там делают? Вполне возможно, печатают вредоносные листовки или химичат какие-то запрещенные вещества. А, может быть, они — агенты черных риелторов, решивших свести с ума стариков подъезда? Отправят потом всех в психушку и завладеют их кровными квадратными метрами. «Беспредел, однако, жить в спальном районе и не высыпаться, — решила сходка. — Наблюдаем за Котиками еще пару дней и сигнализируем в компетентные органы».

Но главным «нюсмейкером» месяца стал внук подслеповатого деда Замоиского, едва не убивший алкаша Пахомыча. Дело было так: сорокалетний Виталия приехал к деду в гости. В подарок привез огромный, во всю стену, плазменный телевизор. В момент, когда мужчина подключил новый аппарат, домой «на кочерге» приполз Пахомыч. Его благоверная, баба Катя, в квартиру мужа не пустила, послав его туда, «где назюзюкался». Тот уснул на травке под своим балконом, как не раз уже поступал в ожидании амнистии.

Тем временем в Виталину голову пришла «мудрая» мысль: «Зачем с пятого этажа переть по ступенькам старый телевизор, если его можно сбросить с балкона?» Недолго думая, мужчина осуществил свой замысел. Шестидесятикилограммовый ламповый «Электрон-711» приземлился в полутора метрах от головы забулдыги и взорвался. Пахомыч, хоть и стал после взрыва заикой, но с жизнью не распрощался. Не зря говорят: «Бог хранит дураков и пьяниц». С этой минуты старик не берет в рот ни капли и регулярно ходит в церковь.

Казалось, уже никто из обитателей дома не сможет переплюнуть младшего Замоиского в топе дворовых новостей, но Виктору Петровичу это удалось.

Как-то вечером «Группенфюрер Дуся» согнала жильцов на собрание, где сообщила, что «спрыгнувший с мозгов» Бирюков превратился в опасного насильника. «Сегодня в пять утра, бегая по двору в совершенно голлом виде, — негодовала женщина, — он предпринял попытку изнасиловать нашу дворничиху Фатиму. И довел бы свой замысел до конца, если бы на помощь бедняге не подоспел ее муж Шухрат, отбивший у маньяка жену поливочным шлангом».

— Не может быть! — загомонили соседи. — Какой из Петровича маньяк? Нормальный же мужик! А где Фатима? Она заявление ментам написала?

— Фатима в больнице, у нее нервный срыв, — с металлом в голосе отчеканила Евдокия Марковна, — а Шухрат... он...

— ...твая мая не пан-нимай, — продолжил непривычно трезвый Пахомыч, которому в холодное время года узбеки не раз предоставляли «политическое убежище» в своей дворницкой.

— А где сам Виктор Петрович? — раздался высокий мелодичный голос Китайгородцевой.

Группенфюрер Дуся смерила Виолетту Максимилиановну уничижительным взглядом:

— Известно где — в кутузке!

— Ни хрена не в кутузке, — нервно возразила баба Катя, не желающая опаздывать к началу сто шестой серии бразильской мелодрамы «Порочная страсть». — Когда «правохренители» приехали, я вышла на балкон и собственными глазами видела, как на него, голого, накинули какой-то стремный плащ и погрузили в «скорую». Фатиме же дали понюхать ватку и вместе с Шухратом посадили в мусоровоз. Неизвестно еще, кто кого снасильничал. Там крутились и эти... братаны с плоскими телефончиками... Котятя! Они блюстителей и вызвали.

— С какой целью мы здесь собрались? — посмотрела Мамзель на свои изящные золотые часики. — На нашем судилище нет ни истицы, ни ответчика, ни очевидцев происшествия. Где вызвавшие полицию Котики? Где хоть какая-то официальная бумага?

— А что я, по-вашему, должна писать, если завтра из органов поступит директива дать характеристику нашему маньяку? — закатила глаза Евдокия Марковна. — Я обязана знать мнение коллектива о личности обвиняемого!

— Не обвиняемого, а подозреваемого. Это разные вещи, — парировала пианистка. — И если все-таки бумага придет, напишите правду: «Бывший морской офицер. Не пьет, не курит, не дебоширит. Всегда приветлив и доброжелателен, активно занимается спортом, лично благоустроил дворовую спортплощадку. За время проживания в доме никогда не был замечен в компрометирующих его поступках и неблагоприятном поведении».

«Вот что значит культурная столица! — зашелестели соседи. — Надо Мамзельку двигать на старшую по дому. Дуська только орать умеет да деньги сшибать на благоустройство территории. А где оно, это благоустройство?»

На следующий день Китайгородцева разыскала Петровича в кардиологическом отделении местной больницы, куда он поступил с гипертоническим кризом, возникшим из-за сильного стресса. В палату интенсивной терапии ее не пустили, и Виолетта Максимилиановна отправилась в отделение полиции. Инцидент с изнасилованием там назвали недоразумением, показав «представителю общественности» показания фигурантов.

Просматривая эти юмористические миниатюры, женщина едва не задохнулась от хохота:

Фатима: «...хватал меня мокрый лапа... патом бил морда... хател апазо-рить...»;

Шухрат: «...дед вылез на Фатима, бил его силна... моя не давал...»;

Бирюков: «...и тут как из-под земли вырос разъяренный мужчина подозрительной наружности. Обозвал меня шайтаном и стал махать перед моим носом резиновым шлангом. Наверное, сошел с ума»;

Дмитрий Котик-Бэр: «...увидел на земле мертвую тетку и то, как какой-то моджахед с криком «ишак-башка!» со всей дури мочит шлангом голого деда из нашего дома... сказал брату, чтобы он вызвал полицию»;

Виктор Котик-Бэр: «Я — жилец новый. Обслуживающий персонал в лицо не знаю. С балкона видел, как пожилой нудист ведром отбивается от нападающего на него азиата...»

Из фрагментов прочитанного Виолетта Максимилиановна сложила пазл, способный украсить собой очередной сезон сериала «А у нас во дворе...» Итак...

Бирюкову стало невмоготу делать ежедневные пробежки, и он решил заменить кросс водными процедурами. Из телепередачи о здоровье мужчина узнал, что принятие душа ничего не дает — нужно обливаться из ведра, стоя босыми ногами на снегу или на траве. В старом длинном плаще на голое тело, в комнатных тапочках, с полотенцем через плечо и ведром холодной воды в руке он вышел во двор. Видок у Петровича был еще тот, но кто его увидит в сумерках в половине пятого? Нормальные люди в это время еще спят.

Отставник направился к старому раскидистому ореху. Повесил на сучок плащ с полотенцем, разулся, походил по траве босиком. Затем закрыл глаза и, следуя заветам Порфирия Иванова, пожелал себе крепкого здоровья.

В это время из подъезда вышла дворничиха Фатима. Подойдя к ореховому дереву, она обнаружила забытые кем-то шлепанцы. Пока соображала, как поступить с находкой, из-за дерева раздался громогласный вопль: «Ууух ты ж йопт! Ядрена балалайка!» Это Бирюков окатил себя холодной водой.

Ничего не подозревая, мужчина стал ощупывать дерево в поисках сучка с полотенцем и, неожиданно для себя, облапил Фатиму, прилипшую от страха к стволу.

Ощутив на своей спине мокрые мужские руки, она тут же брякнулась в обморок. Виктор Петрович бросился к растянувшейся на траве женщине и, приводя пострадавшую в чувство, стал энергично бить ее по щекам.

Фатима открыла глаза, но, увидев над собой голого мужика, снова потеряла сознание.

В момент повторной «реанимации» во дворе появился Шухрат. Он тянул из подвала шланг, который использовал вместо метлы, напором воды смывая мусор на соседние участки.

Дворник узрел «избиваемую маньяком» супругу и бросился ей на помощь, многократно приложив Бирюкова своим «орудием труда».

Услышав возню под окнами, на балкон вышел один из Котиков. Понаблюдав секунд десять за потасовкой, парень зевнул и пошел досыпать.

— Че там за кипиш? — поинтересовался у него брат.

— Да после вчерашнего меня белка в голову бьет, — выдохнул тот. — Правильно ты говорил: «Не смешивай эти две хрени — будут глюки». И вот — пожалуйста: на траве мертвые тетки валяются, а рядом с трупами — лютый махач. Басмачи местных раздели догола и лупят их, чем ни попадя. Здравствуй, паранойя!

Испугавшись за рассудок брата, Котик №2 вскочил с тахты и помчался на балкон. «Лютый махач» был в самом разгаре. «Голый дед» мастерски отбивался пустым ведром от «басмача со шлангом», а рядом, и впрямь, неподвижно лежала женщина.

«Слава богу, не галлюцинации, у Димона просто двоится в глазах», — произнес вслух молодой человек и вызвал полицейских.

Те прибыли почти мгновенно, видать, патрулировали неподалеку. Перед их глазами предстала фантазмагорическая картина: пожилой дядечка в чем мать родила мечется над телами лежащих на земле мужчины и женщины... Увидев стражей порядка, он ухватился рукой за сердце и медленно осел на землю.

Утреннюю тишину двора разрезала сирена «Скорой помощи». На ее звук из подъезда выскочила Группенфюрер Дуся. Женщина подбежала к патрулю и потребовала «положить обстановку». Те и ухом не повели. Зато пришедший в себя Шухрат немного прояснил ситуацию.

— Эта — маняк! — махнул он рукой в сторону Бирюкова, которому медики как раз измеряли давление. — Фатима насилнавал. Моя бил ведром по башка...

С тех пор Бирюкова во дворе все стали называть Маньяком Петровичем. Мужчина на соседей не обижается. Не держит зла и на бестолковых дворников, ибо эта трагикомическая история стала началом их с Виолеттой совместной жизни.

А что же Китайгородцева? Рядом с Маньяком Петровичем женщина чувствует себя абсолютно счастливой. Вот и пойми после этого интеллигентных мамзелей с мелкими собачками... □

Игорь Витюк

ПИСЬМО С ФРОНТА

Ты дождешься меня — Точно знаю!	Верю: в схватке любой Все осилю —
Я вернусь из огня! — Обещаю!	За Тебя! За Любовь! За Россию!
Жди! — И силы найдешь Ты в молитве!	Будет это зимой Или в мае...
И беду отведешь В грозной битве!	Но вернусь я живой! — Точно знаю!

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Медицинским сестрам военных госпиталей

На меня ты напрасно сердись
За невинную шалость слов:
«Ты — моя сестра милосердия,
Я в тебя влюбиться готов!»

После встречи желанной и робкой,
Как сочащийся кровью порез,
Лег на сердце татуировкой
Полумесяц и Красный крест.

Но зачем с каждым днем все усерднее
Я твержу тебе вновь и вновь:
«Ты — моя сестра милосердия!
Ты — моя неземная любовь!»

СИЛА В ПРАВДЕ

Мы в бой идем не славы ради,
Наш долг — Россию защитить.
Мы твердо верим: «Сила в правде!»
Мы — с правдой! — Нас не победить!

Не остановят нас преграды,
Мы знаем: «В Боге смерти нет!»
И жизни нет для нас без правды,
В ней — благодать и Божий свет.

В бою, на марше, на параде
Звучат на тысячах дорог
Слова святые: «Сила в правде!»
Мы — русские! И с нами Бог!»

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

Гарнизон «заметался» в огнях,
И сирена протяжно взывает.
Бьется мысль неотступно в висках:
«Вновь — учебная? Иль — боевая?!»

К моему ты прижалась плечу,
Взгляд — взволнованный, даже тревожный.
Я тебе на прощанье шепчу:
«Не волнуйся... Ну, разве так можно?»

Что-то сбивчиво хочешь сказать
И целуешь меня на пороге...
Жизнь отдам, только б эти глаза
Лишь учебные знали тревоги.

ГЕРОИ Z

По ZOVу сердца мы уходим в бой! —
Нас позвала любимая Россия.
Мы связаны единою судьбой.
Благослови, Господь! — И все святые!

Мы будем верно Родине служить,
И «Сила V правде!» — это точно знаем!
Любой ценой должны мы победить, —
Как наши прадеды в Победном мае!

Готовность в наших душах и сердцах, —
Мы выполним задачи боевые!
Примерами останутся в веках
Герои славной Армии России!

В ПОИСКАХ ПРОЩЕНИЯ

Громяхают русские грозы,
Громяхают во все времена.
В них — поэзия жизни и проза,
И извечная в душах война.

Ну и где же здесь русское счастье,
Коль идет нескончаемый бой
Между полнящей силы напастью
И теряющей силы душой?

Забывается Божие Слово
В битве левых и правых идей,
И взирает Господь наш сурово
На своих нерадивых детей.

Я бреду по России безбрежной
Сквозь свои и чужие грехи...
И себя утешаю надеждой:
Вдруг прощенье придет за стихи?..

Денис Логинов

Вратарь со своим стилем

Фото
из архива
ФК «СПАРТАК-
МОСКВА»

В истории отечественного футбола и в памяти болельщиков есть и всегда будет легендарный вратарь Лев Иванович Яшин. 21 год (с 1951-го по 1971-й) он защищал ворота московского «Динамо» и 18 лет (1954–1971) — ворота сборной СССР, второй человек в российском футболе, отмеченный звездой Героя Социалистического Труда.

По версии Международной федерации истории и статистики футбола (МФИСФ), Яшин является лучшим вратарем в истории мирового футбола. Причем его ближайшего конкурента-коллегу Гордона Бэнкса (Англия), считающегося вратарем № 2, можно поставить рядом с Львом Ивановичем весьма условно, поскольку уж больно велик разрыв в количестве набранных очков (голосов): 1002 у Льва Яшина и 717 у Гордона Бэнкса.

Безусловно, в советском и российском футболе было и есть много талантливых и успешных вратарей. Но только еще один из них (под номером 17) вошел в список сорока лучших вратарей мира по той же версии.

Это живая легенда не только «Спартак», но и отечественного и мирового футбола — Ринат Файзрахманович Дасаев. Однако сегодня, глядя на него, как-то неловко даже обращаться к нему по имени-отчеству, поскольку выглядит он очень молодо: высок, строен, красив, как говорят медики, «нет ни дефицита, ни избытка веса» — то есть является эталонным мужеством и спортивного долголетия.

Ринат Файзрахманович Дасаев родился 13 июня 1954 года в Астрахани. Там же начал заниматься спор-

том в футбольной школе «Волгаря», его первым тренером был Геральд Бледных.

На футбольном небосклоне Дасаев впервые появился в 16-летнем возрасте, когда в составе молодежной команды «Волгарь» (Астрахань) стал лучшим вратарем зонального турнира в Новороссийске. Через два года его пригласили во взрослую команду запасным вратарем.

Но сначала все пошло не так, как мечталось. В своем первом матче с грозненским «Тереком» 5 августа 1975 года он пропустил два мяча, а через пару дней еще один гол в игре с пятигорским «Динамо». Оба матча «Волгарь» проиграл. Более того, во втором матче Ринат получил серьезную травму, в результате чего его участие в этом сезоне закончилось. Но в 1976 году он защищал ворота уже в 26 играх из 40, а в 1977-м — в 30 играх из 31.

Однако от Астрахани до Москвы далеко, равно как и от «Волгаря» до «Спартак». Быть может, для того чтобы этот путь стал короче, «Гора» сделала первый шаг навстречу Магомеду: в 1977 году «Спартак», очутившийся в первой лиге, стал немного поближе к «Волгарю», игравшему во второй лиге, в которой и отыскивали Рината Дасаева.

— Ринат Файзрахманович, говорят и пишут, что в 1978 году Константин Бесков пригласил в свой тренерский штаб Федора Новикова, главного тренера «Волгаря», а уже Новиков рекомендовал ему

талантливого голкипера Рината Дасаева. Так ли это?

— Немного не так. В 1977 году Федор Новиков тренировал таганрогское «Торпедо». Меня же пригласили в «Спартак» в 1977 году, а Федор Сергеевич появился в «Спартаке» в 1978 году.

— Как уже ранее упоминалось, начало сезона 1978 года для «Спартак», вернувшегося в высшую лигу, было настолько трудным, что основной вратарь Александр Прохоров сам попросил заменить его после затянувшейся серии проигрышей. Насколько это верно?

— Мы проиграли пять матчей и, по-моему, одну игру свели в ничью. И на матч в Ворошиловграде с местной «Зарей» 23 мая Константин Иванович решил поставить меня в ворота. Сказал об этом Николаю Петровичу, тот ответил: «Если ты так решишь, то и ставь». В этой игре я отстоял «всухую» (0:0), равно как и в следующей, когда мы выиграли у «Локомотива» (1:0). Постепенно «Спартак» стал подниматься в турнирной таблице и, в итоге, занял пятое место в первенстве.

— Стало быть, можно резюмировать, что в 1978 году в «Спартаке» засветились две новые звездочки мирового уровня: Ринат Дасаев и Федор Черенков, которые уже в следующем сезоне представили в полной красе.

— Но в этом же 1978 году в дубле появился и Сережа Родионов, который тоже сразу же и надолго врос в основной состав.

— Если позволите, неожиданный вопрос. Сегодня вы один из немногих, кто имел возможность видеть и наблюдать «двух медведей в одной спартаковской берлоге»: Константина Ивановича и Николая Петровича. Что вы видели, что чувствовали и что понимали при этом?

— Приехав в «Спартак», я видел, что они очень хорошо друг друга долгое время понимали и сотрудничали. Разногласия появились много позже. С самого начала я понял, что в команде было две группировки: Ловчева и Прохорова, и почувствовал, насколько это плохо, со всеми вытекающими последствиями. Конечно, это поняли и руководители команды, поэтому уже в следующем сезоне этих футболистов в команде не было.

— На поле два ведущих «авторитета» — вратарь и капитан. Кто главнее?

— После того как убрали Ловчева и Прохорова, капитаном «Спартака» стал Олег Романцев, а я — его помощником. И мы все делали для того, чтобы была команда единомышленников, чтобы не было никаких группировок.

И, конечно же, тренировались очень много и в полную силу — что-

бы порадовать болельщиков, чтобы не подвести команду, да и себя показать, оставить добрые впечатления. Получилось — в 1979 году выиграли первенство СССР.

— Вратарь — это особенная песня в команде. Прежде всего, потому, что у него, что называется, «расстрельная должность» — он в любой момент может оказаться один на один, а зачастую один против нескольких игроков соперника. К тому же он лучше видит всех на поле и, хочет или не хочет, должен руководить и подсказывать защитникам, что делать и куда бежать. Не говоря уже о пенальти. Песня почетная, но и самая трудная. Каково это быть солистом и почти дирижером столь подвижного оркестра? И каково молодому вратарю командовать и подсказывать уже признанным мастерам и любимцам болельщиков?

— Такая уж судьба у нас. Вратарь — это последний рубеж, который видит все поле и всех на этом поле, и ему суждено подсказывать и командовать не только защитникам, но и полузащите, и нападающим. Так было и в «Волгаре», и с первых дней в «Спартаке». Константин Иванович на тренировках постоянно напоминал и требовал, чтобы я командовал не только обороной, но и полузащитой, и подсказывал нападающим, кому передать пас. А еще настаивал на том, чтобы вводил мяч в игру рука-

ми — так получается более точный пас.

— Постепенно заговорили о стиле Рината Дасаева: успешная игра на выходах, вводить мяч в игру в большинстве случаев руками, и фирменная «фишка» — бросаться на мяч не только руками, но и в падении ногами вперед. Первый раз это получилось спонтанно в игре или разумно?

— Разумно, в тренировочном процессе, когда я понимал, что руками не смогу дотянуться, а вот ногой получится. Да, для зрителей это, возможно, и не очень красиво, но зато эффективно — ты успеваешь нейтрализовать соперника и защитить ворота, не дав забить гол. И я отрабатывал все это на тренировках. Так получилось, что у меня не было кумиров, я просто старался брать много у хороших вратарей, но при этом не хотел сделать из себя «своего» вратаря.

— Психологи утверждают, что в поединке «один на один» зачастую результат программируется на уровне подсознания соперников или противников, едва они увидят друг друга, еще до того, как судья на ринге даст команду «бокс», или мяч еще лежит на одиннадцатиметровой отметке. Тезис спорный. А что вы думаете как практик, у которого огромный опыт этих самых поединков?

— Об этом я никогда не думал. Я просто старался не пропустить гол. Естественно, мы внимательно изучали соперников, кто и как пробивает штрафные удары, и отрабатывали защиту от них.

В сборной СССР при Валерии Васильевиче Лобановском был врач Малюта, серьезный ученый, автор нескольких книг. Однажды он проверил у всех футболистов головной мозг, после чего сказал мне: «Я теперь понял, почему ты стал Ринатом Дасаевым. Потому что у тебя в голове заранее все прокручено». Но чтобы мозг быстрее включался, нужно, чтобы там было чему включаться. А это тоже закладывается в труде на тренировках. Я не раз убеждался, что сначала включается мозг, а потом все остальное. Если же там ничего нет, то и включаться нечему.

— В музее клуба каждый посетитель может выложить на экране символическую сборную «Спартак». Естественно, мнения разные. Но все безоговорочно едины в одной позиции: лучший вратарь — Ринат Дасаев. В этой связи вопрос. Можно ли, например, представить сборную так:

1. Вратарь — **Ринат Дасаев** (Олимпиада 1980 — бронза; чемпионат Европы 1988 — серебро).

2. Полузащитник (защитник, правый) — **Анатолий Масленкин** (Олимпиада 1956 — золото; чемпионат Европы 1960 — золото).

3. Защитник правый — **Геннадий Логофет**.

4. Защитник левый — **Вагиз Хидиятулин** (Олимпиада 1980 — бронза; чемпионат Европы 1988 — серебро).

5. Защитник (левый) — **Михаил Огоньков** (Олимпиада 1956 — золото).

6. Полузащитник — **Игорь Нетто** (Олимпиада 1956 — золото; чемпионат Европы 1960 — золото).

7. Полузащитник — **Федор Черенков** (Олимпиада 1980 — бронза).

8. Нападающий (левый) — **Галимзян Хусаинов** (чемпионат Европы 1964 — серебро).

9. Нападающий (правый) — **Борис Татушин** (Олимпиада 1956 — золото).

10. Нападающий (центр) — **Сергей Сальников** (Олимпиада 1956 — золото).

11. Нападающий — **Никита Симонян** (Олимпиада 1956 — золото).

Главный тренер — **Олег Романцев**.

Что вы думаете по поводу этой сборной всех времен?

— Я придерживаюсь такого мнения: каждый лучший игрок — он лучший игрок в своей эпохе. И сопоставлять и сравнивать игроков разных времен — это не совсем правильно.

— В составе «Спартака» вы играли с 1978 по 1988 год и защищали ворота сборной страны с 1979 по 1990 год. А еще пять раз выступали за сборную мира. В этой связи, Ринат Файзрахманович, прежде чем задать следующий вопрос — не лести и комплимента в ваш адрес ради, а для читательского интереса, — позволю себе напомнить хотя

бы главные ваши достижения в их исторической последовательности.

Ринат Дасаев — победитель чемпионатов СССР в звании капитана команды (1979, 1987); бронзовый призер Олимпийских игр (1980); финалист чемпионата Европы (1988); шесть раз получал приз «Вратарь года»: (1980, 1982, 1983, 1985, 1987, 1988), плюс к тому, стал лучшим футболистом СССР (1982) — по версии еженедельника «Футбол-Хоккей». В течение десяти лет включался в список 33 лучших футболистов сезона в СССР, девять из них под номером 1, и только в 1984 году под номером 2. Более 28 лет (с 24 августа 1987 года до 31 октября 2015 года) занимал первую строчку в списке членов Клуба Льва Яшина¹. Заслуженный мастер спорта СССР.

В 1988 году стал первым обладателем международного трофея «Лучший вратарь мира». Кроме этого, по версии журнала France Football, семь раз — с 1982 по 1988 год — включался в список лучших футболистов Европы. Мало того, к

своему 100-летию (4 марта 2003 года) ФИФА² попросило легенду мирового футбола Пеле (Эдсон Арантис ду Насименту) составить список 100 лучших живущих футболистов мира, 50 из них — действующих, 50 — завершивших карьеру. Он не удержался и в число ветеранов включил 75 человек, в том числе и единственного нашего соотечественника Рината Дасаева.

Вдобавок ко всему, в 2015 году Ринат Дасаев первым из наших футболистов стал лауреатом премии Golden Foot («Золотая нога») в категории «Легенды футбола»³, и его отпечатки ног увековечены на Алее чемпионов в Княжестве Монако.

— То есть вы каждый раз выходили на матч «обремененным» столь высокими титулами и званиями и понимали, что болельщики ждут от вас игры высочайшего класса?

— Каждый раз выходя на поле, я думал только об одном — играть в полную силу, помогать команде и показать хорошую игру для зри-

¹ Клуб Льва Яшина — символический клуб, в который входят футбольные вратари, играющие или игравшие за российские и советские клубы и сохранившие свои ворота в неприкосновенности в 100 и более играх.

² ФИФА — главная футбольная организация, являющаяся крупнейшим международным руководящим органом мирового футбола.

³ «Золотая нога» — ежегодная международная награда, присуждаемая футболистам за высокие спортивные успехи, достигнутые в команде и лично. Особенность этой награды в том, что победитель оставляет отпечатки своих ног на Аллее чемпионов — своего рода Аллее Славы, расположенная на набережной Княжества Монако.

телей и себя. Но что это в какой-то степени точно давит — такое чувство было. Потому что держать себя в форме на протяжении 15 лет, которые я играл в «Спартаке» и в сборной, — постоянное и нервное, и физическое напряжение, которые дают о себе знать. Ради этого приходилось многим жертвовать.

— Предполагали ли вы, что станете лучшим вратарем мира?

— Я стремился к этому.

— В 1988 году вы поехали играть в испанскую «Севилью». И каково было одному из лучших футболистов Европы уже в зрелом возрасте оказаться в другой стране, в «другом футболе», и начинать почти с нуля?

— Я был самым старшим в команде, но сам себе казался 19-летним пацаном. Мне, конечно, помогали, у меня были переводчики. Сначала я поехал один, позже приехали жена с дочерью. Конечно, было трудно вписываться в новый чемпионат, в новую страну со своими принципами, тем более мешал и языковой барьер. После месячного проживания там я понял, что это не мое, и решил вернуться домой, но руководство клуба уговорило, предлагая потерпеть и уверяя, что все образуется.

— Видимо, они очень на вас надеялись и оказались правы. «Се-

вилья» с вратарем Дасаевым по итогам сезона 1989–1990 года завоевала право выступать в Кубке УЕФА.

— Скорее всего, да. Но в следующем сезоне 1990/1991 года я получил серьезную травму. Потребовалась операция и последующее лечение. То есть почти повторилась ситуация 1975 года, когда во втором своем матче в команде «Волгарь» получил тоже серьезную травму. Пока лечился, в команде появился новый перспективный вратарь, и после выздоровления я оказался без работы. Хотел вернуться в Москву, но друзья в один голос посоветовали пока не делать этого, поскольку в России все уже было совсем плохо. Поэтому перешел на тренерскую работу там же в Испании, а в 1998 году вернулся на родину и стал одним из тренеров «Спартака», а также тренировал вратарей молодежной сборной страны.

— В 1998 году состоялся прощальный матч Рината Дасаева, в котором играли сборная клубов РФ и сборная ветеранов СССР. Сборная клубов ожидаемо выиграла, но с достойным для ветеранов счетом (3:1), с учетом того, что ветераны попросили молодежь играть в полную силу. А вы с тех пор стали одним из самых активных участников ветеранских турниров. Шутка ли сказать — до 80

матчей в год. Не случайно крылатой стала ваша фраза: «Вижу футбол по телевизору, а внутри все закипает — хочу играть!». И сегодня вы являетесь членом комитета ветеранов «Спартака».

— Это так. Все знают, что столь много играющих ветеранов нет в других командах. И со стороны болельщиков больший интерес, повышенное внимание и больший спрос к играм ветеранов «Спартака», чем к другим командам. Что позволяет нам, участникам ветеранских турниров, чувствовать себя полноценными футболистами. И очень хорошо, что это понимают и поддерживают руководители клуба.

— Есть украинская поговорка «не рождаются, а рождаются». Смысл ее — важно не то, что в тебе заложено с рождения, а то, что в тебя вкладывают родители и учителя. В этой связи вопрос: вратарями рождаются или становятся?

— Могу сказать одно — талант должен быть. А остальное — только труд. Можно вырастить хорошего вратаря, но гениального без врожденного таланта — нет. Я рад, что во мне это было заложено.

— Как вы считаете, Эдуард Стрельцов — гений футбола?

— Безусловно, да. Причем с юношеских лет! И даже отсидев в заключении и только через семь лет вернувшись в большой футбол, он

снова стал лучшим. Это говорит о многом.

— Что такое футбол? Просто спорт и игра?

— Футбол — это и выплеск эмоций, причем самый эффективный и надежный, это и зрелище. Как в театре зрители приходят посмотреть хороший спектакль, так же и болельщики приходят посмотреть красивый футбол и, конечно, всемирно любимый вид спорта.

— Ваше отношение к болельщикам?

— Я только за болельщиков. За болельщиков с флагами, с шарфами, с баннерами, с речевками и песнями. Но я хочу, чтобы на трибунах был порядок, чтобы не матерились, ведь там много детей и женщин...

— Есть радикальная точка зрения. С одной стороны — обострившееся социальное неравенство, а с другой — я заплатил деньги, я клиент, и я хочу получить удовольствие. А клиент всегда прав...

— И это тоже. Раньше такого не было.

— Как вы думаете, для болельщика сегодня важнее результат, а не красивая игра?

— Не согласен. Результат результатом, но болельщики хотят видеть красивый обвод и дриблинг, хорошую передачу, эффектный гол. Они

ценят не только результат, но и хорошую коллективную игру. А скучать на трибунах не интересно, даже если результат в вашу пользу.

— Большинство болельщиков долгие годы помнят самые яркие и красивые голы, филигранную обводку или изящный пас, и зачастую не помнят результаты игр.

— На каждом этапе есть свои нюансы: где-то важен результат, где-то важно показывать высококлассную игру. Это надо сочетать.

— Противостояние игрока и тренера — проблема давняя. Это было во все времена. Но сегодня есть особенности. Одна из них — самодостаточность игрока. Многие болельщики говорят, что за дорого купленный игрок с большим гоно-раром может заявить руководству клуба, что его не устраивает тренер, что он не способствует раскрытию его мощных возможностей. Что вы думаете по этому поводу?

— Я сторонник того, чтобы таких зарплат не было, чтобы наш футбольный Союз принял решение о потолке заработной платы. Плюс лимит на легионеров. Сами видите — к нам приезжают легионеры, которые очень дорого стоят, и их много в ведущих командах. В своем большинстве это игроки, которые не нужны в европейских и американских клубах, или которые уже близки к завершению своей карьеры.

Конечно, бывают и хорошие исключения. Но в чемпионатах мира и Европы, уже без них, наша сборная весьма скромно смотрится. А если будет лимит заработной платы, сразу сократится приток иностранцев, что позволит более успешно пробиваться нашим молодым и талантливым ребятам. Плюс те же молодые и талантливые будут меньше бегать по клубам за большей зарплатой. Тем паче наглядный пример тому есть — Федерация хоккея России во главе с Влади-славом Третьяком ввела лимиты на заработную плату и на легионеров, и посмотрите, как много молодежи «выстреливает» и успешно играет на всех уровнях. К этому надо стремиться и нам. Если и у нас получится аналогичная реформа, то синусоида российского футбола пойдет вверх.

— Видите ли вы сегодня в российском футболе вратарей с потенциалом Льва Яшина и Рината Дасаева?

— Игорь Акинфеев. На мой взгляд, он лучший российский вратарь в XXI веке.

— Ринат Файзрахманович, станет ли «Спартак» еще раз и еще много раз чемпионом России?

— «Спартак» за свою 100-летнюю историю 22 раза был чемпионом страны, в том числе 10 раз чемпионом России. Я надеюсь, что станет еще не один раз. □

ОБЪЯВЛЕНИЕ

На двери старенькой пятиэтажки появилось объявление одинокой пенсионерки о потере ею денег и просьбой нашедшему эти деньги вернуть

Николай в этот день освободился пораньше. Обычно он приходит с работы, когда уже совсем темно. Семья только недавно переехала в эти старенькие «брежневские» пятиэтажки, работы дома полно: «добить», наконец, этот надоевший ремонт, полки там всякие, шкафы, карнизы... А еще надо не очень беспокоить вечерами соседей своими долбежками.

Вообще-то Николай рассчитывал купить квартиру в новостройках: там просторнее, лоджии большие. Но Дашка запротивилась: «А что новостройки? Какая там инфраструктура? Что там с садиками-школами-поликлиниками? Зелени никакой, со всех сторон продувается ветрами, от метро на автобусах по вечным пробкам... Знаю, рассказывают подруги. А тут все рядом! Главное — рядом родители! Всегда с Никиткой могут посидеть».

А Николаю здесь как-то не очень. Лифта нет, на свой пятый приходится тащиться пехом, да еще пакеты с продуктами нести. Особенно проблематично было мебель поднимать. Парковочных мест — кот наплакал. Машины, правда, пока тоже нет, но будет же когда-нибудь!

Еще жене двор очень понравился — тихий, уютный, под окнами палисадники, летом совсем благодать. Говорит, он ей ее детство напоминает, она в таком же росла. Бабушки на лавочках у подъездов... Гомон детворы... Соседи все друг друга знают... Птички вон как расчирикались, видать, к жаре.

Николай уже стал набирать код, когда его внимание привлек небольшой лист бумаги, прикрепленный к входной двери. Здесь частенько появляются всевозможные объявления, надоели уже: то их Интернет самый быстрый и лучший, то распродажи всякие, то «мед натуральный алтайский» (ага, как же, с самого Алтая!). Дворники и управдомы не успевают сдирать эти объявления. Двери только портят.

Но этот листок привлек внимание Николая своей необычностью. Написано было объявление от руки — старательно, крупными буквами, наверное, писал человек, у которого не очень хорошо со зрением. Да и лист бумаги пожелтевший, издававший виды. Прикреплено было объявление к двери белым медицинским лейкопластырем.

«Дорогие соседи!

*Кто нашел сегодня утром возле этого подъезда 1 тыс. рублей,
просьба занести в 34 квартиру пенсионерке Валентине Григорьевне.
Пенсия у меня — 9 тыс. руб. Заранее благодарна».*

Николай снял объявление и зашел в подъезд. Тридцать четвертая... Он еще не изучил расположение квартир. Ага, на третьем.

Остановившись перед нужной дверью, Николай сунул объявление в карман куртки, достал бумажник, вытащил из него купюру в тысячу рублей и нажал кнопку звонка.

В квартире послышались шаги, и дверь поспешно открылась. На пороге стояла старушка — достаточно активная на вид, с доброжелательным, приветливым лицом.

— Валентина Григорьевна? Добрый день! — сходу выпалил Николай. — Вот я нашел ваши деньги. — И протянул купюру.

Радостно улыбаясь, Валентина Григорьевна распахнула дверь шире.

— Проходите, проходите, что же через порог-то?

Тщательно вытерев ноги о коврик у двери, Николай вошел в квартиру и остановился на чистеньком половичке в прихожей. На него вдруг пахнуло ароматом свежей выпечки, каким-то особым, почти деревенским теплом...

«Как в деревне у бабушки» — вдруг сладко пронеслось в голове, и он снова протянул купюру.

Но денег Валентина Григорьевна почему-то не брала. Только лицо лучилось радостью и добротой.

— Вас как звать? — обратилась она к Николаю.

— Николай. Я с пятого этажа, мы только недавно въехали.

— То-то, я вас еще не знаю. Я вам очень благодарна, Николай. Большое спасибо! — Валентина Григорьевна сделала жест в направлении кухни: — Может, пройдете, чайку попьете? Я ватрушек с курагой напекла.

— Ну что вы, спасибо... — смутился Николай. — Не стоит... Это мелочи. Вы деньги-то возьмите. — Он опять протянул купюру Валентине Григорьевне.

Все еще улыбаясь, Валентина Григорьевна посмотрела на него, немного помолчала, а потом сказала:

— Знаете, Николай, вы ведь уже шестой, кто приносит мне эти деньги. — На глаза Валентины Григорьевны вдруг навернулись слезы. — Боже мой, —

всплеснула она руками, — какие, оказывается, у нас в доме живут хорошие люди!

Николай совсем смутился и опустил руку с купюрой.

Несколько суетливо, будто стараясь зачем-то оправдаться, Валентина Григорьевна начала объяснять:

— А я платок из кармана доставала — у меня постоянно глаза слезятся, — ну и... видать, с платком деньги-то и выскользнули, я и не заметила, — снова торопливо, будто боясь, что Николай сейчас уйдет, а ей так хочется чем-нибудь его отблагодарить, — говорила она. Пусть даже он и не находил ее денег. Просто за то, что человек-то хороший. — Вы... подождите секундочку.

Валентина Григорьевна убежала на кухню и, немного повозившись там, вынесла в целлофановом пакетике несколько ватрушек. Протянула их Николаю.

— Уж не побрезгуйте, угоститесь, пожалуйста, моими ватрушками. Горяченькие еще.

— Спасибо, Валентина Григорьевна, с удовольствием откушаем всей семьей, — широко улыбнулся Николай и взял пакет со стряпней. — А деньги вы все-таки возьмите. У меня хорошая зарплата. А для вас эта тысяча...

Старушка категорически замотала головой.

— Вы уж, снимите, ради бога, то объявление, — попросила она, — а то мне перед соседями неудобно. Мне самой-то не отойти от стряпни, да и... ноги болят вверх-вниз по нашей лестнице. Не очень-то набегаешься... Я просила снять — ну вот кто перед вами приходил, — да, видать, не сняли, висит еще...

— Вы... заходите, если что нужно будет: мужская работа там какая — прибить, починить... — предложил Николай. — А это вам за ватрушки, Валентина Григорьевна. — Он положил смятую от долгого держания в руке купюру на столик в прихожей, толкнув дверь, вышел на лестницу и услышал за спиной:

— Ой, ну как же... Спасибо, Николай! Мне так неудобно...

Он уже не видел, как Валентина Григорьевна, постояв некоторое время в раздумье, просеменила к небольшой старенькой иконке в углу комнаты, перекрестилась и сложила молитвенно ладони:

— Спасибо тебе, Господи, что не оставляешь меня. Спасибо за хороших людей вокруг. Спасибо за то, что ты есть, Господи. Не оставляй меня и впредь. — Опять перекрестилась и благодарно поклонилась.

А Николай стал подниматься к себе на пятый, но вдруг вспомнил про объявление, опять спустился вниз, вышел на крыльцо и, оторвав с двери объявление, огляделся по сторонам. Вон воробы с синичками как разошлись — воют за хлебные крошки. Надо насыпать им что-нибудь, не за-

быть бы... Спинка у скамейки, что возле подъезда, сломана — надо спуститься с молотком и гвоздями, починить... Пацаны в футбольной коробке галдят — тоже вечно спорят за первенство. Скоро и его Никитка будет мяч и бутсы просить. Вот как солнышко припекает, лето в разгаре... Хорошо! Ему решительно здесь нравится!

Ладно, скоро его Дашуля с Никиткой придут, а у него с домашними работами еще конь не валялся, надо спешить.

Он достал из кармана листок с объявлением, тщательно разгладил его и прикрепил на прежнее место... □

Робот-художник

Нейросети стремительно проникают в наш мир. И вот уже ИИ (искусственный интеллект) начинает писать картины. Именно такого чудо-живописца продемонстрировали публике в Союзе художников Санкт-Петербурга. Между прочим, разработке уже как два года кряду.

Справедливости ради отметим, что пока петербургский механический живописец создан не как самодостаточный экспонат, а лишь как помощник человеку. Да и выглядит не как механический киборг с мольбертом и кисточкой, а скорее как промышленный станок с «рукой»-манипулятором. Зато помощник он во многом действительно незаменимый. Робот-художник пока пишет самые простые, но вполне себе настоящие картины кисточками и красками. Но ведь в этой фразе ключевое слово именно «пока», ибо механический художник учится невероятно быстро. Он с энтузиазмом и без всякой усталости готов выполнять самую невзрачную, но всегда необходимую в живописи работу: грунтовать холсты, смешивать краски, прорисовывать простые контуры. Разработчики проекта из Санкт-Петербурга твердо уверены, что у такого вида живописи невероятно огромный потенциал и возможности.

С помощью уникальной программы нейросети генерируют настоящие произведения изобразительного искусства. Причем картины получаются настолько реалистичными, что подчас их даже трудно отличить от работ профессионального художника. Тонкая кисточка так медленно скользит по холсту, будто ее держит в своей руке настоящий художник, вдумчиво и трепетно размышляющий над каждым своим мазком. Ан нет, полотно на холсте — творение ИИ.

Авторы проекта убеждены: создать прекрасную и восхитительную картину у себя в голове может каждый из нас, даже

тот, кто совсем не умеет рисовать. Но вот чтобы перенести идею-образ из головы на холст, необходим талант, чувство мазка, цвета, словом, умение провести ту самую идеальную линию, то, чему художники учатся годами, постигая азы и основы живописной премудрости, набивая глаз и руку. Ведь живопись — это ремесло, а ремеслу надо учиться долго, порой даже всю жизнь. А что же тогда делать людям с художественным воображением и чувством композиции, но не умеющим держать кисть?!

И взрослым, и детям робот-художник дает возможность воплотить их идеи на холсте. При этом нейросеть осмысливает задачу и каждый раз решает ее по-новому. Волшебная рука механического художника может с легкостью воплотить в жизнь фактически любой замысел. Для этого требуется совсем немного: стоит лишь загрузить в программу хотя бы отдаленно напоминающий картину рисунок, фотографию или... вы только себе представьте! — его словесное описание.

«Дальше начинается та магия, которую создали мы. Мы отправляем в нашу программу, программа показывает, мы называем это рендер, как картинка будет выглядеть на холсте. Каждая полосочка во время рендеринга и во время создания холста — это будущий мазок», — пояснил основатель проекта Владимир Цимберг.

И все-таки, чтобы там ни говорили, высоким технологиям и искусственному интеллекту пока совершенно точно не обойтись без человека. Перед началом рисования роботом-художником изображение корректирует профессиональный живописец. И он же создает оттенки, так как робот работает с палитрой основных цветов.

Уникальной отечественной разработке уже два года, и все это время робот-живописец Robohood, которого обучал петербургский художник Алексей Головин, грыз гранит науки фактически в прямом смысле этого слова — нужно было создать не только программу, но и целый набор специальных приспособлений: держатели для кистей разных диаметров, способ их очистки, и даже амортизаторы — чтобы сделать движения механической руки плавными.

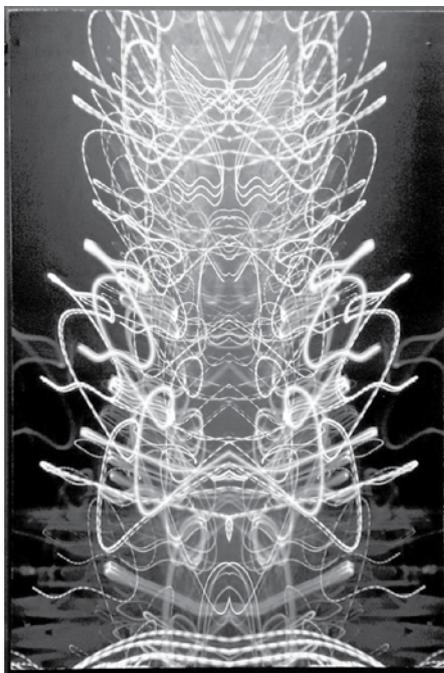
По словам члена Санкт-Петербургского Союза художников Иллариона Конькова, «цифровой мир и новые технологии настолько близко подошли к нашей жизни, что мы не только вынуждены, но и обязаны осмыслить, понять, а главное, сделать правильные выводы о том, куда мы будем двигаться как человечество и общество... Робот Robohood не печатает как принтер, а, рисуя, создает работы, выполненные мазками,

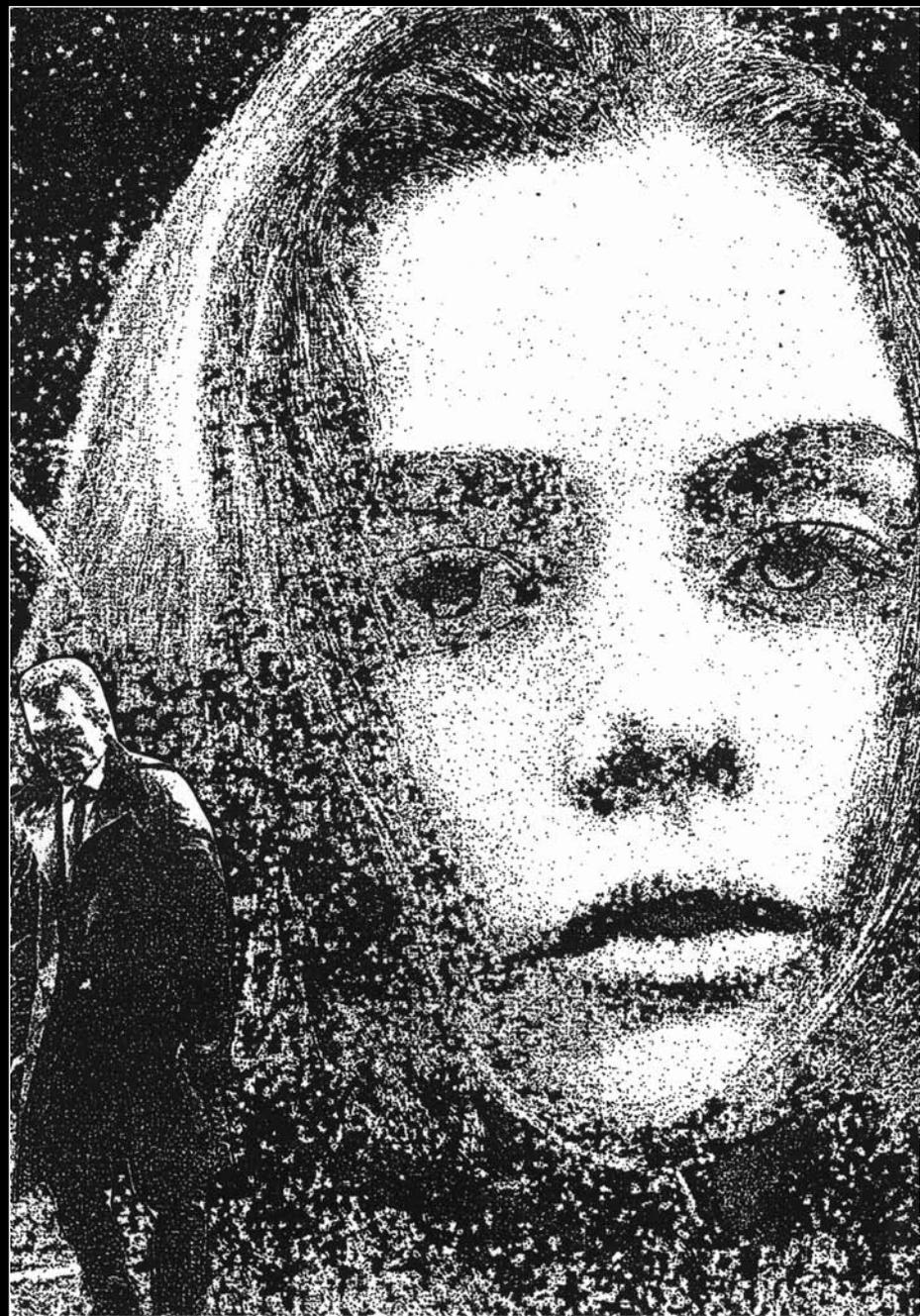
красками и воплощает в полной мере манеры разных художников, в зависимости от энергии, темперамента. Можно сказать, что Robohood, созданный из достаточно простых элементов, решает сверхсложные задачи в области изобразительного искусства».

Как подчеркнул основатель проекта «Robohood» Владимир Цимберг: «Наша миссия — донести эту технологию до широких масс, чтобы каждый мог себе позволить писать маслом».

А поле деятельности у будущих роботов-художников чрезвычайно обширно: дизайн, мода, ювелирные изделия, образование. Сейчас разрабатывается методическое пособие для учащихся из Академии цифровых технологий, робот начнет обучать студентов технике живописи. Занятия начнутся в сентябре.

И хотя история необычного отечественного стартапа насчитывает всего пару лет, перспективы у него фантастические. К уникальной новинке — механическому живописцу — присматриваются технологические гиганты и даже знаменитые модельные дома. Об этом говорят и уже открывшиеся филиалы российского стартапа во многих странах мира. А русские робохудожники сейчас на пике популярности у частных клиентов по всей планете.

СМЕРТЬ

за добрые дела

Михаил Симаков оказался Асташину седьмой водой на киселе — троюродным племянником. Его отец — троюродный, соответственно, брат покойного — всю жизнь прожил в Бельске. С богатым родственником отношений не поддерживал. Но, когда прослышал о его смерти, заявил о праве на наследство. Почему нет, если у Асташина — ни детей, ни жены, ни прочих, более близких по крови сестер и братьев?

Местный нотариус уверял, что шансы имеются. Но спустя пару дней после смерти богача выяснилось, что тот, оказывается, и жениться успел, и завещание в пользу супруги составил.

Брак и завещание практически на смертном одре показались Мишиному отцу крайне подозрительными, и он отправился в Москву — добиваться справедливости.

Но молодая вдова в ответ на предложение решить вопрос по-честному или хотя бы отщипнуть от наследства малую толику, только посмеялась. Официальную претензию нотариус тоже оставил без удовлетворения.

Окончание. Начало в №8, 2023.

Деньги, что взял с собой, в дорогой столице расходовались стремительно. И тогда троюродный брат стал предлагать свою историю на ток-шоу.

Одно из них заинтересовалось.

Дима нашел в архиве тот выпуск.

Поначалу претензии родственника (в мешковатом костюме и с плохой стрижкой) казались вроде бы обоснованными.

Но дальше на подиум пригласили личную медсестру Асташина.

— Он у нас в клинике почти полгода провел, — горячо рассказывала женщина, — и никто им не интересовался, никто! Только коллеги раз в неделю апельсины таскали, хотя он последнее время лишь через трубочку мог есть. А жена днем и ночью с ним рядом. Я ее уговаривала: «Ангелиночка, езжай домой хоть на несколько часиков, отдохни!» Но ни разу не согласилась. Безвылазно в его палате сидела. Мне только уколы и капельницы доверяла делать, все остальное сама: и переворачивала, и судно меняла.

— Почему же вы ни разу не появились в больнице? — обратился к претенденту на наследство ведущий.

— Так я и не знал, что он болеет, — простодушно отозвался мужчина.

— Однако вы сразу вспомнили о родственнике, когда речь зашла о наследстве, — едко подытожил ведущий и предъявил кульминацию — Ангелину в дорогом черном платье и с печалью в глазах.

На конкурента молодая вдова даже не обернулась — смотрела на одного лишь ведущего. И слова говорила исключительно правильные:

— Муж меня из нищеты вытащил, совсем другую жизнь показал. Как я могла бросить его в беде? Близкий человек так страдал. Мне совершенно без разницы было, богатый он или бедный. Я хотела сама, своими руками, облегчить ему боль.

Диме показалось, что она переигрывает, но аудитория разразилась аплодисментами.

— В какой момент вы узнали, что стали богатой наследницей? — вкрадчиво спросил ведущий.

— За два дня... до конца он понял, что уходит, и попросил пригласить священника. Отец Феоктист провел обряд соборования, а потом вдруг на меня показывает: «Эта женщина кто тебе?» И когда узнал, что не жена, сказал твердо: «Венчаться вам надо». Я пыталась возмущаться: какое венчание, когда на пороге смерти человек? Но отец Феоктист уверял: так ему самому легче будет, и молитвы мои за него более действенными станут.

«Интересно, ты уже тогда в свингерский клуб ходила?» — цинично подумал Дима.

А вдова на телеэкране растеряно улыбнулась:

— Ну и обвенчал нас. Прямо в палате.

— А официальный брак?

— Отец Феоктист сказал, что положено сначала официальный, но у нас особые обстоятельства, поэтому женщина из загса только на следующий день пришла. А насчет завещания я вообще ничего не знала. Муж сказал, что напоследок хочет любимую свою сигару — хотя бы дым вдохнуть. Я по всей Москве моталась, искала, какие он хотел. А в это время к нему, оказывается, нотариус приходил.

«Как-то слишком все ловко получилось», — снова усомнился Полуянов.

Но аудитория верила. Сопереживала. Дамы подносили к глазам платочки.

Бедный родственник из Бельска в итоге оказался окончательно посрамлен, покинул подиум под гневный свист толпы и претензий на наследство больше не предъявлял. Но сыну, возможно, рассказывал, как его опозорили перед всей страной.

Так что Миша — если Асташина случайно оказалась на его пути — запросто мог вспомнить былые семейные обиды и вспылить. И точно так же мог планомерно ее выследить и «восстановить справедливость», как сам понимал.

Егор себя виноватым вообще не считал. Наоборот, злился, что самого подставить пытались. Мыслимое ли дело: в закрытом клубе, где дерут дикие деньги за «конфиденциальность», в самом разгаре процесса его на видео попытались снять. Да кто — генеральный менеджер! Мужики (и он в том числе) кинулись бить девчонку, но лично ему Марьяне толком и врезать не удалось: «соратники» опередили. Только оттолкнуть успел, когда от очередного удара она отлетела на него. Кто мог подумать, что упадет не на пол, а виском об угол антикварного столика?

Директор клуба сам сказал: их вины нет, это несчастный случай. Клиентам ни в коем случае ничего инкриминировать не будут. Всем троим, кто попал на видео, даже принесли официальные извинения и выдали по купону на одно бесплатное посещение. Шеф «Спартак» умолял «дать клубу последний шанс». Клялся-божился, что впредь они будут более ответственно подходить к набору сотрудников.

Сейчас «Спартак» свернулся, и Егор по любимой расслабленной атмосфере уже скучал. Вызывать проституток в особняк не любил — ездил в дорогие бордели. Ночевать возвращался домой. За рулем всегда сам — спиртного не употреблял, положительных эмоцией от секса хватало.

...Из неприметной квартирki, внутри оборудованной под публичный дом, он вышел в пять утра. На улице тишина, воздух бодрящий, свежий. Егор завел мотор дистанционно, от подъезда. В холодный салон лезть не хотелось — стоял во дворе, курил и снисходительно смотрел, как на детской площадке «угасает» какой-то пьянчуга, по самые глаза укутанный в ветхую рвань.

Настроение после доброй порции секса было благодное. Когда алкаш вдруг вскинулся, попросил угостить сигареткой — щедро швырнул бедняге почти полную пачку.

— А зажигалку? — окончательно обнаглел выпивоха.

Не дарить же золотую «Зиппо». Подождал, пока, алкаш, пошатываясь, подгребет. Успел удивиться, что пахнет от бомжа не перегаром, а хорошей туалетной водой. И, охнув, осел на асфальт — лезвие ножа вонзилось точно в сердце.

А начальник службы безопасности «Спартака» пробормотал, обращаясь уже к мертвецу:

— За тебя, Марьяна.

Элеонора Стеценко упоминала в своем блоге, что ее «надежда и опора» Андрюшенька занимается теннисом в клубе «Богатырь». Однажды и фотографию в сеть выложила, как пьет капучино в кафе с видом на корт.

Надя посмотрела по карте: ехать не так далеко. Узнать Андрюшино расписание тоже оказалось несложно. Придумала себе «дочку» — фамилию выбрала из рейтинга молодых теннисистов, — и администратор позвала приехать на пробное занятие.

— Но это спортивная группа или так, для здоровья? — капризно спросила Митрофанова. — Нам с любителями не интересно, у меня девочка играющая.

— Состав хороший, — заверили в клубе.

— Мы хотели в ту группу, где Стеценко, — продолжала кочевряжиться Надя.

— Да, Андрей в ней.

— Тогда мы подъедем, — заверила Митрофанова.

Но в клубе к администратору подходить не стала — проскользнула мимо стойки напрямиком в кафе.

Элеонору узнала сразу: та сидела за столиком у самых перил и не сводила восхищенного взгляда с корта. Надя тоже понаблюдала за юными спортсменами. Дима однажды показывал ей видео, как тренируется юный Джокович, но этим малышам до него далеко. То и дело отвлекались, чтобы поболтать, а когда дело доходило до игры, отбивали мяч абы как.

«Если бы мама такими глазами за Сашей смотрела, никуда бы он не рвался из дома, несмотря на все конфликты с отцом», — подумала Надя. Но про хоккей старшего сына Элеонора упомянула в своем блоге лишь единожды и то с сердитым смайликом: «Саня опять проиграл».

Митрофанова продолжала внимательно рассматривать Элеонору и под плотным слоем тонального крема и пудры смогла разглядеть проступавший под глазом синяк. Глава семейства, похоже, не только старшего сына воспитывает.

Надя встала рядом со столиком, где сидела Элеонора, и, когда ее сын смог выиграть у соперника очко (мама залилась счастливой улыбкой), спросила:

— Кто этот мальчик, который так красиво смэш забил?

— Андрей Стеценко, — гордо доложила женщина.

— Какого он года? — деловито спросила Надя.

— Тринадцать лет.

— Надо же! А выглядит, как будто уже на международных турнирах играет.

— Туда, к сожалению, только с четырнадцати допускают.

Судя по лицу мамы, она искренне считала, что проблема только в возрасте. А разрешили бы участвовать — ее Андрюшенька всех бы порвал.

Надя подтянула стул, уселась рядом и спросила:

— Вы не думали сына в теннисную академию отдать?

— Да нас уже приглашали. И в Муратоглу, и к Нику Боллетьеру. Но отец считает, что Андрюша мал еще, чтобы из дома уезжать.

— И очень зря. Только в хорошей академии возможен реальный прогресс.

— А вы, простите, кто? — наконец озадачилась Элеонора.

— Я — спортивный менеджер. Ищу талантливых ребят. Экипировочные, рекламные контракты подбираю. Стипендии, частичные или полные. Ваш сын мне очень понравился. А другие дети у вас есть?

Женщина не слишком охотно отозвалась:

— Еще старший. Пятнадцать лет.

— А он каким видом спорта занимается?

— Хоккеем. Но, честно сказать, не блистает.

— Ну, в хоккее истинные таланты позже раскрываются, — с умным видом произнесла Надя. — Третьяк вообще только в одиннадцать лет в спорт пришел.

— Сашка занимается, как положено. С четырех. Только лентяй, каких свет не видывал. Потому и не добился ничего. В четвертой «пятерке» сейчас, и то скоро вышибут.

— Но он в турнирах федерации хоккея Москвы играет? — уточнила Надя.

— Да не играет он, на скамейке запасных сидит.

— Ну, тех, кто у нас запасной, в Канаде облизывать будут, — заверила Митрофанова. — Я почему про старшего спросила. У меня сейчас как раз несколько интересных предложений. Не по теннису — именно по хоккею.

— Даже слушать не буду. Отец все равно его никуда не отпустит, — покачала головой Элеонора.

— Почему?

— Саша у нас мальчик... э-э... нестабильный. Может выпить, покурить. Дерется. Муж боится, что без надзора может окончательно с катушек сорваться.

— Ваш муж, я так понимаю, просто плохо знает спортивную кухню, — тонко улыбнулась Надя. — А мои клиенты вам бы подтвердили: для избавления от вредных привычек академия куда эффективнее, чем, скажем, кадетский корпус. Вояки ребят тупо муштруют, а спорт развиваться дает.

Элеонора сдвинула аккуратно подведенные брови и спросила:

— А какие-то предложения для Андрюши у вас имеются?

— Он входит в сборную Москвы?

— Пока нет, но...

— А первые-вторые места в турнирах занимал? — перебила Надя.

— Однажды турнир в Новой Усмани выиграл.

— Это Словакия?

— Нет, — смутилась мамаша. — У нас. Под Воронежем.

— К сожалению, подобные достижения наших спонсоров не впечатлят, — отрезала Надя. — А вот хоккейная команда — даже если только в четвертой «пятерке»! — серьезная заявка. Со старшим сыном я могла бы помочь.

— Но вы Сашку даже не видели.

— Если вашего сына зовут Александр Стеценко, то видела, — лихо соврала Надя. — Да, немного расхлябанный, но дерзкий и смелый. Для хоккея — самые нужные качества. Он на подкатки ходит у вас?

— Нет.

— Почему?

— М-муж считает: чего деньги тратить, все равно из него толка не будет.

— Поразительно. Если он так катается без дополнительных тренировок, у вас вообще не сын, а алмаз! Но его огранкой должны вы, родители, заниматься.

Андрюша — очень вовремя для Нади — проиграл гейм. В ярости швырнул ракетку, начал топтать ее ногами.

— А младшему вашему явно характера не хватает, — усмехнулась Надя. — Ярость надо в бою демонстрировать, а не после него. А по поводу старшего сына подумайте. Сейчас упустите — потом всю жизнь будете жалеть.

Надя была уверена: зерно раздумий в недалекую головушку мамыши Стеценко ей удалось заронить. И решила не останавливаться. Пока ехала домой, продумывала, что еще можно сделать. А когда оказалась в тишине квартиры, открыла форум мастеров «Кайроса». В сообществе состояли люди самых разных профессий. У многих из них в своих сферах возможности имелись неограниченные.

Нашла всех, кто имел прямое или косвенное отношение к спорту, и написала несколько писем...

Пока что Дима в своих изысканиях топтался на месте.

Подозреваемых по-прежнему оставалось четверо: Марьяна, отец Аленки Евгений Шмелев, водитель из Бельска Михаил Симаков. И самая загадочная фигура — Зевс.

Убить Асташину мог каждый из них. Марьяна имела возможность подсыпать яд в «Спартаке». Шмелев, судя по его агрессивной реакции, вероятно, все-таки встречался с горничной Ангелины и мог вовлечь ее в разговор. Симаков вез телеведущую на злосчастную вечеринку. А Зевс — ее сосед, что тоже открывало неплохие возможности.

С мотивом оказалось сложнее. Шмелев, понятно, хотел отомстить за дочь. Симаков — за унижение отца и нищету. Марьяна (по неведомой пока причине) тоже Ангелину терпеть не могла. А вот зачем Зевсу убивать Асташину? Этого Дима пока не понимал. Но страстное желание главаря «Кайроса», чтобы в смерти телеведущей обвинили несчастного ученого Шмелева, несомненно, настораживало.

«Вообще очень странно, что Зевс, как он сказал, случайно, оказался в лесу ровно в том месте и в тот момент, когда Шмелев встречался там с горничной. Да, с кем-то столкнуться можно где угодно. Но именно с горничной и точно накануне убийства? Больше похоже, что Анатолий Юрьевич специально выслеживал. Только кого? Шмелева или эту, как ее, Марту?» — думал Полуянов.

Его, можно сказать, новый «начальник» с претенциозным именем Зевс вообще изрядно озадачивал. С одной стороны, непримечательная внешность и ничтожная официальная должность. А с другой — непомерные

амбиции. Коттедж в элитном поселке, якобы доставшийся в наследство. И способность объединить и повести за собой далеко не глупых людей.

Дима не знал точных цифр, но, по его прикидкам, в Кайросе не меньше тысячи простых участников, а мастеров — под сотню. И все они с удовольствием играют в «тимуровцев». И побаиваются грозного Зевса.

«Нужно присмотреться к нему повнимательней», — решил Полуянов. В открытых источниках Анатолий Юрьевич Самоцветов проходил исключительно как сотрудник различных фондов. Он координировал сборы средств. Появлялся на благотворительных базарах и вечеринках. В эпистолярном жанре не блистал: несколько его статей на навязную в зубах тему, как важно творить добро, вызвали у Димы приступ острой зевоты.

«Официально тебя за жабры не возьмешь», — в азарте подумал он...

Но, по счастью, имелись и другие возможности.

Первым делом Дима пробил Самоцветова по базе собственников жилья. Тот владел двумя объектами недвижимости: малогабаритная двухкомнатная квартира в Москве — судя по адресу, в ней они и встречались, и частный дом на двести сорок квадратов в поселке Пореченское.

Дима сразу сделал приблизительную оценку загородного жилья — потянуло аж на девяносто миллионов. Кто же оставил Зевсу столь милое наследство?

Чтобы заказать в ЕГРН историю владения домом, нужно знать его адрес. Ангелина проживала — как уже вынюхали коллеги — на Цветочной улице, тринадцать. Полуянов попросил выписки по двум соседним строениям.

Самоцветов — сообщили ему — проживал в доме номер одиннадцать в течение последних семи лет. Отчет об истории перехода права тоже не настораживал. Действительно, получил в наследство. Предыдущий хозяин — Самоцветов Николай Павлович.

Можно, конечно, продолжать, но Полуянов решил пока в дебри не забираться.

А имеются ли у Анатолия Юрьевича проблемы с законом?

Поиск по судебным производствам результата не дал.

Приставы тоже претензий к нему не имели.

Оставалась единственная возможность — пробить по официальной базе МВД. Селиванова настораживать просьбой не стал — попросил помощи у молодого участкового.

Парень развеселился:

— Тебе про баранов на МКАД писать надоело?

Но пообещал, что в течение дня выяснит...

...Мамуля с вечера перебрала и утром готовила им завтрак бледная, злющая. Саша старался держаться от нее подальше, а вот Андрюшка осмелился высказать претензии, что в каше пенки. И получил. Мало того, что мамаша разоралась и хлопьев на замену, как требовал младший, не дала, так еще и пообещала:

— Карманных денег в этом месяце не получишь.

— Почему? — возмутился Андрюша.

— Ракетку вчера кто сломал? Твои карманные на новую пойдут.

— Тогда вообще теннисом заниматься не буду! — истошно завопил Андрюша. И, к огромному удовольствию Саши, получил от маман подзатыльник. Заревел, бросился прочь из кухни. Обычно мамуля в таких случаях давала задний ход и бежала его успокаивать, но сегодня с места не двинулась. Обратила хмурый взор на старшего и спросила:

— Ты хотел бы в Канаду поехать?

— А... зачем? — растерялся он.

— В академию хоккейную.

— Конечно! Но батя ведь не пустит!

— Ладно, — буркнула Элеонора, — иди в школу.

«Чего это она такая добрая? Похмелиться, что ли, успела?» — подумал Саша.

Учеба прошла, как обычно, нудно и с «двойкой» по алгебре. Но когда пришел после занятий на тренировку — новые чудеса. Его вдруг перебросили из никчемной четвертой «пятерки» сразу во вторую! Значит, реальный шанс в следующей игре на поле выйти!

— А что это вы вдруг? — робко спросил он у тренера.

— Да сказали мне, что недооцениваю тебя, — усмехнулся тот.

— Кто сказал?

— Неважно, — сдвинул брови тренер и сурово добавил: — Так что уж прояви себя на поле. Один «косяк» — обратно в запасные улетишь.

— Вы не пожалеете! — заверил Саша.

И пахал рьяно: сделал две голевые передачи, одну шайбу забил.

А сам, загадочно улыбаясь, думал: неужели «Кайрос» все-таки работает?!

Участковый позвонил Диме уже через пару часов:

— Судимостей у твоего клиента нет. Но в махровом восемьдесят пятом он проходил свидетелем по сто семнадцатой статье старого уголовного кодекса.

— Это... изнасилование? — вспомнил Дима.

— Да. Часть третья. Девятиклассники с малолеткой позабавились. Двоих осудили. А твой сухим из воды вышел, хотя сначала тоже в подореваемых проходил.

— Ничего ж себе! — не сдержался Полуянов. — А уголовное дело можно посмотреть?

— Давно в архиве. Не оцифровано.

— И еще очень нужно имя потерпевшей узнать!

— Ты понимаешь, что я по несовершеннолетним не могу разглашать?

— Да ладно! Она уже давно выросла.

— Толкаете вы меня, товарищ журналист, на должностное преступление, — заворчал участковый.

Но в мессенджер сообщение сбросил. Милина Марина Геннадьевна. Одна тысяча семидесятого года рождения. На момент преступления девочке было всего пятнадцать лет. Имелась и фотография, правда, плохого качества, черно-белая. Потерпевшая. Белокурая. Очень испуганная.

И лицо ее почему-то показалось Диме смутно знакомым.

После тренировки Саша привычно двинул, было, к автобусной остановке, но услышал за спиной истощный автомобильный сигнал. Обернулся и обалдел: матушкин «Порше». Что это с ней сегодня? В последний раз за ним год назад приезжала.

— А кто ж Андрюшеньку с тренировки забирает? — сев в машину, спросил он.

— Ножками дотопаёт, — хохотнула Элеонора и заботливо добавила: — Садись лучше назад, там тебе еда всякая вкусная в пакете.

После льда есть всегда хотелось зверски, но обычно Саша терпел до дома, чтобы невеликие карманные деньги на дорожный буфет ледовой арены не тратить. А тут вдруг такой сервис — и покормят, и довезут.

Закинул сумку с хоккейной амуницией в багажник, уселся, заглянул в пакет. Батюшки! Даже марка печенья та самая, что любил в детстве, — матушка, оказывается, не забыла.

А она вдруг повернула к нему голову и строго спросила:

— Ты можешь хотя бы неделю с отцом не ссориться?

— Если он тебя тронет — молчать не буду, — твердо ответил Саша.

— А сейчас надо. Я на мозг ему капаю про Канаду, так что прояви гибкость. Сама тоже постараюсь не нарываться.

— Да батя и на пустом месте всегда придумает, до чего докопаться.

— Что делать? — печально вздохнула она. — Отец нас содержит, так что надо терпеть.

— Не стану я терпеть!

— Пожалуйста! Ради меня. Попробуй.

Приехали домой. Саша в машине успел отдохнуть и вдохновенно кинулся помогать матери с ужином. Самолично порезал лук, взялся его жарить, но в ответственный момент, когда перемешивал, в кухню явился отец и сразу начал орать:

— Мозгов нет крышкой накрыть? Не видишь, масло брызжет?!

— А как тогда перемешивать?

— Хозяева, едрена кость!

И тут, очень вовремя, зазвонил телефон. По вечерам отец отвечал только на звонки из «особого списка», и сейчас, подняв трубку, сказал неведомому абоненту:

— Арсений Игоревич, приветствую!

Саша сразу наострил уши: так звали главного тренера его хоккейной команды.

— Что там мой олень? Опять накосячил?

Пару минут отец слушал собеседника молча, при этом лицо его становилось все более и более удивленным. Наконец робко пробормотал:

— Но ведь осенний трансфер закончился давно. В виде исключения, говорите? Моего Сашку?!

На отбой нажимал вообще с потрясенным видом. Потом тяжело опустился на стул и вдруг расплылся в растерянной улыбке:

— Тебя молодежка ЦСКА хочет взять.

— Запасным?

— Нет. Сразу в третью «пятерку».

Почему, ну почему эта девочка показалась ему знакомой? Конечно, Дима не знал ее тогда, в восьмидесятые. Но кого-то Милина ему определенно напоминала.

Открыл, эксперимента ради, две Надюшкины фотографии — в тринадцать лет и сейчас. Конечно, изменилась сильно, но разрез глаз, форма губ и скул такие же.

Он до рези в глазах вглядывался в черно-белую фотографию девочки и в воссозданный с помощью компьютерных технологий портрет, как она могла бы выглядеть почти сорок лет спустя.

Именно эту — уже совсем взрослую — женщину он точно не встречал. Той, что в его памяти казалась похожа на Милину, лет двадцать пять, не больше. Но где он мог ее видеть и когда, припомнить никак не мог.

Дима использовал все известные ему алгоритмы, но Интернет ответа не дал. Поиск по фото тоже не принес результатов.

Тогда Дима решил сравнить с ее «взрослым» снимком всех, кто мог иметь отношение к убийству Асташиной. Тщательно, с максимальным

увеличением разглядывал изображение самой Ангелины. Ничего похожего. Может, Алена Шмелева? Тоже не она. Зашел на сайт мастеров «Кайроса». Надя говорила, что Зевс запрещает придумывать персонажей для аватарок, так что будем считать: фотография Марьяны подлинная. Долго рассматривал, уверился, что даже близко нет. Может, та девочка — еще кто-то из мастеров? Выросла и таким странным образом решила посчитаться с обидчиком? Но ни одна из шестидесяти двух присутствовавших здесь женщин Милину ему не напомнила.

Тут домой вернулась Надюшка. Глаза сияют, как две звездочки.

— Я твои «косяки» разгребаю.

— Получается?

— Ну, пока говорить рано. — Хотя всем своим видом показывала, что готова похвастаться.

Но Диму сейчас его «дело» интересовало меньше всего.

Он открыл на компьютере сделанную фотографию взрослой Милиной и спросил у Нади:

— Видела ее когда-нибудь?

— Вроде, нет. А где я могла?..

— Не знаю. Но есть вероятность, что эта женщина имеет отношение к Зевсу. — Вдруг он что-то вспомнил и сразу подобрался. — Тот, кажется, говорил, что домработница есть.

— Точно не она, — заверила Надюшка. — По хозяйству у него киргизка.

— А может это быть кто-то из мастеров?

Надя прищурилась, подумала и пробормотала:

— На встречах я с ней точно не сталкивалась. И в доме Анатолия Юрьевича сто процентов ее не видела. А зовут как?

— Марина Милина. Но фамилия, вероятно, сейчас другая.

— Нет, ни о чем не говорит, — покачала головой Надя и неожиданно спросила: — А она белоруска?

— Не знаю. Почему спрашиваешь?

— Почему-то увидела ее — и в голову сразу пришло: «кали ласка».

Надя снова задумалась, а потом вдруг сказала:

— На самой первой встрече у шефа мне места для машины не хватило. Я приехала поздно — весь двор уже заставлен, и у забора тоже. Припарковалась, где было возможно, и чуть-чуть на газон заехала. А из дома тетка выскакивает: «Прыбьяри це машину, кали ласка». Лица ее совсем не помню. Но фотку увидела — почему-то сразу всплыло.

— А дом — соседний с Зевсовым?

— Да я не помню! Может, он, может, следующий.

Полуянов оживился. Тут же открыл в компьютере папку, куда собирал

досье на Асташину, быстро пролистал файлы, нашел фотографию горничной Ангелины, увеличил изображение и спросил:

— Не она?

— Нет, — уверенно отозвалась Надя. — Та именно тетка была. За пятьдесят. — И уже куда менее решительно добавила: — Но лицо вроде похожее. А может, ты меня просто запутал.

Дима снова открыл фотографию Миловой и поручил компьютеру ее «состарить» до двадцати пяти лет. Расположил рядом портрет горничной и придуманное изображение.

Далеко не одно лицо. Но женщины, безусловно, похожи.

— Спасибо тебе, Надюшка! — с чувством поблагодарил Полуянов.

Ох, до чего же Марта ее ненавидела! Всю целиком, от розовых холечных пяточек до заколки с бриллиантом, что сверкала в идеально подстриженных волосах. Марту бесило, как хозяйка ходила. Как она ела. Как никогда не морщила лоб, даже если разговор неприятный.

Мать видела, что Марта бесится, окорачивала:

— Не скалься! Завидуй молча!

Так бы и ей тоже в физиономию влепила. Мать с детства внушала, что каждый сверчок должен на своей жердочке сидеть. Но Марта не послушалась, в шестнадцать сбежала из дома. Попыталась в модели, в итоге еле выбралась из эскорта. Потом в Хорватию подалась, дальше во Францию, но и там карьера застопорилась на официантке, а потом вообще депортировали с просроченной визой.

Пришлось бросаться в ноги родителям — как те и предрекали. Они блудную дочь с удовольствием простили, начали решать ее судьбу по собственному разумению и невеликим возможностям. Сами они считали, что прекрасно устроились. Российский вид на жительство, дом собственный. Ну, это они так гордо говорили. А по факту — оба прислужники, и прав на флигель, что в глубине хозяйского участка, у них, естественно, никаких. Но Марте расписывали: «У тебя комната отдельная будет! И удобства свои! А воздух, воздух в поселке какой! Хотя до Москвы езды — всего полчаса».

Самое обидное, что не наврала. Пореченское, и правда, будто из фильмов про элиту. Широкие улицы, дороги моют с мылом, для собачьих кашашек урны. И комната у нее вполне приличная — никакого сравнения с общагой во Франции. Но только владела всем этим ненавистная Ангелина.

Вот как могло ей до подобной степени повезти? Ничего ведь из себя не представляет, тоже явилась в Москву из дыры. Но мало, что смогла богатея подцепить, так тот еще и умер, успев все имущество ей заве-

щать! Сумасшедшие миллионы! Купила себе должность на телевидении. В перерывах между съемками мотается то в Куршевель, то на Мальдивы. Бесконечно лицо с телом совершенствует. И наряды из прошлогодних коллекций прислуге со снисходительной улыбкой раздает.

Марта вынуждена восторженно смотреть, благодарить, бежать медленно примерять. А мерзкая хозяйка снисходительно хвалит:

— Тебя очень освежает, носи с удовольствием. Только одна просьба. У меня в спальне под кроватью опять пыль, убирай в следующий раз тщательнее, ладно, милочка?

Так бы и вцепилась в выхоленную рожу. Но приходилось улыбаться и униженно кивать:

— Конечно, Ангелина Андреевна, простите. Больше такое не повторится.

Въезд в Пореченское, как извещал большой щит у входа, осуществлялся «строго по согласованию с хозяевами», поэтому прорываться туда с боем Полуянов не стал, проехал мимо шлагбаума. Сразу за элитным поселком — обычная, без всяких заборов по периметру, деревня. Там, возле детской площадки, и припарковался.

С видом праздного гуляки отправился вдоль кованого забора и метров через триста обнаружил криво отпиленный стальной прут. Работал, похоже, кто-то криворукий: вместо аккуратного среза все изгрызено. Тропинка к проходу не вела, видимо, вероятно, совсем недавно дыру проделали.

Никем вроде не замеченный, Дима проник на территорию. Типичный элитный поселок. Некоторые особняки буквально вылизаны, щерятся видеокамерами, окна убраны портьерами. Но многие — с опущенными жалюзи, по виду, давно не жилые. Несколько недостроено.

Дима пока не знал, как ему построить разговор с Мартой. И чем объяснить визит в поселок, если случайно встретится с Зевсом. Но для начала ему хватит просто внимательно разглядеть горничную и удостовериться, что та действительно похожа на Марину Милину. А дальше — да он просто спросит напрямую! И если попадет в точку, горничная не сумеет сохранить каменного лица. Хоть взглядом, хоть жестом себя, скорей всего, выдаст, даже если на словах решит отпираться.

Какая только связь между делом давно минувших дней и убийством Асташиной? Да, горничная по возрасту может быть дочкой той самой Марины. И основания мстить Зевсу, ушедшему в далеком восемьдесят пятом от наказания, у нее теоретически есть. Только причем здесь телеведущая, Дима никак не мог взять в толк.

Если говорить о возможности убить — у Марты она, несомненно, имела. Но доказательств против нее, похоже, нет, иначе бы давно задержали. Или он просто не знает? Надо сначала разведку произвести, хотя бы минимальную.

Оделся Дима максимально нейтрально. Джинсы, кроссовки, курточка скромная. Можно и за грибника сойти, и за рабочего в поисках вахты.

На центральной улице ворота, укрывающие один из особняков, распахнуты, двое мужчин ковыряются в отпирающем механизме. Полуянов подошел, спросил искательно:

— Мужики, работы нет?

Один из трудяг разогнулся, внимательно посмотрел на него и спросил:

— А что можешь?

— Электрика. Сантехника. Плитку положить.

Не соврал — действительно умел. Надька очень гордилась.

— Фархутдиновы вроде ищут, — подключился второй рабочий.

— Не, им садовник нужен. За проживание, — отмахнулся первый.

— Это не подходит. Мне надо семье деньги слать, — разыграл огорчение Дима.

— Да не найдешь ты так ничего, — посочувствовал более дружелюбный трудяга. — Тут, типа, элита. Они из фирм нанимают.

— Слушайте. А это ведь тот поселок, где телеведущую грохнули? — изобразил любопытство Полуянов.

— Ага, — кивнул трудяга, — Ангелинку, которая «Три шага до миллиона» вела. Хочешь, ее дом покажу?

— А че мне ее дом? — хмыкнул Дима. — Раз померла, работы точно не даст.

— Сама не даст. А наследники объявятся — наверняка все перестраивать будут.

— Но пока же не объявились?

— Пока нет. Дом горничная сторожит. Эконом с кухаркой на родину уехали.

— Ладно, мужики. Спасибо. Пойду еще поброжу.

Но больше на пути никаких открытых ворот и ни единого встречного.

Дима свернул с центральной улицы на Цветочную. По номерам домов понял, что придется мимо жилища Зевса проходить, и, сделав крюк, зашел с другой стороны. Особняк Ангелины оказался угловым, калитка из логова Анатолия Юрьевича вроде бы не просматривалась.

Полуянов стряхнул с себя образ робкого работяги и уверенно позвонил в домофон. Тишина. Снова нажал на звонок — и снова калитка не щелкнула, переговорное устройство молчит. Марта не слышит? Не хочет

вступать в беседы с посторонним? Или ее нет дома? А если перемахнуть через забор и позвонить в дверь, как поступит? Какую-нибудь тревожную кнопку нажмет или все-таки откроет?

С тех пор как стал ведущим «Несерьезных новостей», Дима законов не нарушал, но в прежние лихие и яркие времена приходилось. Да и чего бояться? Хозяин хотя бы за охотничье ружье может схватиться, а горничная что ему сделает? Тем более если в доме одна? Даже если вызовет подкрепление, он успеет, прежде чем появится вневедомственная охрана, хотя бы взглянуть ей в глаза. И удрать.

Больше Дима не сомневался. Перемахнул через забор, быстро пробежал по двору к входной двери. Звонка на ней не было, и он постучал. Прислушался: ни шагов, никаких других звуков. На всякий случай взялся за ручку — и дверь неожиданно подалась.

Идеально прибранный дом. Коридор плавно переходит в единое пространство — кухню-гостиную. Везде полумрак: хоть и день, шторы плотно задернуты.

— Есть кто-нибудь? — позвал Дима.

В ответ снова — ни шороха, ни звука. Он забеспокоился. Одно из двух: или горничная в полной панике (и, конечно, уже успела вызвать подмогу), или с ней что-то случилось. Уйти и оставить дом не запертым прислуга вряд ли могла.

— Марта, не бойтесь! — крикнул Полуянов. — Я не грабитель!

Опять тишина. Первый этаж, благодаря свободной планировке и второму свету, просматривался целиком. Единственная комната с закрытой дверью оказалась спортзалом, и там не обнаружилось никого.

Дима взбежал на второй этаж. Снова позвал:

— Марта, пожалуйста! Я хочу поговорить!

Но в ответ только часы пробили. Он отыскал их глазами, машинально взглянул на циферблат: четверть третьего.

Ему вдруг стало страшно. Он начал, одну за одной, распахивать двери в комнаты. Хозяйская спальня — пустая. В кабинете тоже никого, как и в претенциозной «зале» с огромным телевизором. А в четвертой по счету, скромно, в сравнении с остальными, обставленной комнате на полу лицом вниз лежала женщина.

Он сразу понял, что это Марта. И что она мертва...

В родной библиотеке было уютно, как дома. Надя выдала читателям книги, обработала новые заказы. В одиннадцать сбегала в буфет — как раз в это время там пирожки выпекали.

Юля в читальном зале не появлялась, и Надя, пока пила традиционный чай, полистала на компьютере светскую хронику. В Большом театре нака-

нуне прошла премьера одноактных балетов — один из них в постановке Феликса Шарыпова, и бывший премьер на спектакле ожидаемо присутствовал. На банкете по окончании спектакля его сопровождала, как писали бульварные журналисты, «очаровательная незнакомка». Надя сразу признала в ней Юлию. Выглядела она прекрасно: вечернее платье с открытой спиной, изысканная укладка, туфли на каблуках. Дорогие наряды очень девушке шли. «Я ведь ей давно говорила: смени свой имидж дурацкий. Почему только сейчас-то созрела?»

Надо бы радоваться, что все у влюбленной пары прекрасно, но Надя почувствовала к ним отвращение. Феликс — бесчувственная свинья. Одну бросил, ушел к другой. И вернулся к прежней, когда новую еще даже не успели похоронить. Да и Юлька хороша. Какой надо быть дурындой, чтобы считать, будто ее именно Митрофанова от соперницы избавила. Да еще орать свои благодарности на весь читальный зал.

Впрочем, ее публика до сплетен, к счастью, не охоча, все в свои книжки погружены.

До обеда читателей немного, и Надя пока что решила навести порядок в тех книгах, что в открытом доступе. Огромный стеллаж на всю стену, и народ активно пользуется. Тома Большой энциклопедии достают, потом ставят не по алфавиту. Иные книги вверх ногами обратно засовывают. А некоторые несознательные даже смеют нужные им страницы вырывать. Подобный вандализм Надю страшно возмущал, и она с ним активно боролась.

Сегодня вот тоже: возвращала книгу на место, а из нее вылетел обрывок странички. Насторожилась, стала перелистывать: как и боялась, опять изуродовали. Выдрано грубо, даже следы не попытались замести.

В запале работы Надя сама не заметила, как умяла сразу три пирожка (два из которых предполагались на обед). Сначала мужественно решила терпеть, но к четырем не выдержала. Снова побежала в буфет с твердым намерением позволить себе только салатик.

Выпечка у них классная, но вся остальная еда — хуже, чем в школьной столовой. Она ковырялась в тарелке, откладывала в сторону пожухлые листья «айсберга» и кусочки помидоров с гнильцой. В итоге даже близко не наелась. К тому же стало казаться, что три юные, веселые читательницы за столиком у окна обсуждают именно ее. То и дело поглядывают, перемигиваются.

Надя украдкой оглядела свою одежду, лицо в зеркале, но никаких видимых ляпов не обнаружила. Девчонки же продолжали коситься, шептаться, прыскать в ладошки, и она не выдержала. Решительно подошла к их столу и строго спросила:

— Могу я узнать, о чем ваш разговор?

Две девицы смутились, опустили глаза. А третья нагло ответила:

— О вас.

— Откуда вы знаете, кто я?

Среди читательниц зала всемирной истории столь юных не было: к ним допускались только с научным званием — от кандидата наук и выше.

— Но это ведь вы Надежда Митрофанова? — спросила девица.

— Да, я, — растерялась Надя.

И тут уж все три девицы дружно рассмеялись.

— Охренеть! — выдавила самая смелая. — Вот это люди в научной библиотеке работают!

— Да в чем дело, можете объяснить?!

— Не, — тихо ахнула одна из девчонок, — свингеры такими не бывают.

А другая, с некоторым даже сочувствием в голосе, сказала Наде:

— Вы сегодняшнюю «XXL» почитайте. Там про вас много чего интересного!

Первой мыслью Димы было бежать без оглядки. Но потом ему показалось, что Марта зашевелилась. Он схватил ее за плечо, перевернул на спину. В лицо ему уставились приоткрытые, мертвые глаза. Кофточка на груди вся в почерневшей, запекшейся крови.

— Боже! — прошептал Полуянов.

Но мозг, несмотря на стресс, продолжал работать. Перед глазами сам собой всплыл портрет Милиной. Тот же овал лица. Аккуратный, чуть вздернутый носик. Нижняя губа более пухлая, чем верхняя. Эта мертвая молодая женщина действительно могла быть ее дочерью.

Кофта Марты пропиталась кровью, но отчетливо видно: на груди, в районе сердца, дыра. По форме похоже на удар ножом. Орудия убийства поблизости нет. Тело на ощупь прохладное, ближе к комнатной температуре. Точные сроки наступления трупного окоченения Дима не помнил, но, по ощущениям, мертва уже несколько часов.

Марте уже ничем не помочь. Но что самому делать? Первому порыву — просто удрать — Дима решил не поддаваться. Он ведь открыто шел по поселку, общался с рабочими, и по всему дому его следы. Вот и получай теперь, горе-детектив. С места убийства домой не отпустят. Эх, дурак!

Дима достал телефон, набрал 112 и, сообщил об убийстве, назвал адрес: поселок Пореченское, улица Цветочная, дом номер тринадцать.

— Кто говорит? — спросила оператор.

Дима назвался.

— Кем вы приходитеесь погибшей? — спросила девушка.

— Никем, — вздохнул журналист.

— Оставайтесь на месте и ничего в доме не трогайте.

Да, оправдаться будет сложно. Сколько времени у него есть? Минут десять точно. Убирать следы своего присутствия уже бессмысленно. Надо постараться узнать хотя бы что-то.

Дима еще раз оглядел комнату Марты. Никаких следов ножа или иного колюще-режущего предмета. А что в тумбочке? Он выдвинул верхний ящик — обычная дамская ерунда: витаминки, пачка прокладок, блеск для губ. В нижнем — книга. Изрядно потертая. Дэн Вальдшмидт. «Будь лучшей версией себя». Странный выбор для горничной. Дима сам ее не читал, но про автора слышал и решил быстренько пролистать. Любимое, видно, место: две строчки подчеркнуты, на полях три красных восклицательных знака. Он прочитал: «Я обнаружил, что всем успешным людям присущи одни и те же четыре качества: 1. Они не боятся идти на риск». Следующие пункты — надо быть дисциплинированным, щедрым и уметь ладить с людьми — никак не отмечены.

Дима сфоткал страничку на телефон, сразу переслал себе на почту, а снимок уничтожил: телефон наверняка будут просматривать.

Затем принялся обыскивать комнату дальше. В шкафу ничего примечательного — одежда, обувь. Несколько по виду дизайнерских, явно не про горничную, нарядов, развешанных на дорогих деревянных плечиках.

Зная по Надюшке, что девчонки обожают хранить свои «секретики» в нижнем белье, он разворошил трусики с лифчиками и обнаружил между ними два запечатанных теста на беременность.

От кого, интересно, горничная может быть в положении?

И не этот ли человек ее убил?!

Надя сидела за компьютером. Текст жег глаза. Щеки пылали. Ну что за гадина, какая редкостная тварь!

Фамилия журналистки показалась знакомой. Нашла в списке сотрудников газетенки фотографию, увеличила, узнала. Ну, да. Она. Мерзотная, наглая Ксюша. Димины практикантка, посмевавшая однажды явиться в библиотеку и заявить, что Полуянов принадлежит ей, а Митрофанова должна посмотреть правде в глаза и не мешать чужому счастью, потому что Дима живет с ней только по привычке, но ни капли ее не любит.

Друг сердечный, ясное дело, клялся, что Ксюша все напридумывала, и он ее никак среди прочих юных созданий не выделял. Однако Надя считала, что дыма без огня не бывает. С чего бы иначе Ксюша посмела заявить:

— Вы для него слишком старая. И жирная.

Надя тогда в склоку вступать не стала и просто вызвала охрану. Юную журналистку из зала вывели, но на прощание та пообещала:

— Я с тобой еще посчитаюсь.

Надя в ярости разглядывала собственные фотографии. Кто же из любимых читателей ее сдал? Это ведь целый детектив: библиотека закрыта, охрана вроде бы должна удостовериться, что вышло ровно столько людей, сколько и вошло. Но кто-то остался. Крался за ней. Подслушивал. Фотографировал. Боже, какая мерзость! Значит, и утром не показалось. Люди в метро тоже читали гадкую газетенку. Узнавали ее. Хихикали.

И что делать теперь? Как оправдываться перед начальством? «Телеведущая Асташина посещала свингерский клуб на пару с библиотекарем-шей!» И фамилия — ее. И должность. И фотография!

Надо Димке сказать. Немедленно.

Набрала номер — недоступен. Вот что за гадство! Почему он всегда недоступен, когда ей нужен?! Отправила яростное сообщение — даже не прочитал.

Чуть не швырнула телефон об стену, но вдруг задумалась. Бывало, Димка не отвечал просто из прихоти, чтоб она его с мысли не сбила. Но совсем недавно снять трубку не мог, когда она звонила, потому что в этот момент получал в глаз от начальника службы безопасности «Спартак». По ее, между прочим, вине.

Может, и сейчас что-то с ним случилось?! Куда он уехал? Чем занимается? Почему его вдруг заинтересовали юная девочка по фамилии Милина и какая-то тетка из соседнего с Асташинским дома?!

Подошли читатели.

— Вы что-то хмурая сегодня, — заметил молодой кандидат наук.

А ехидная докторша наук шепнула такой же ученой, ни рожи ни кожи, приятельнице:

— Вероятно, давно в своем любимом клубе не была.

Значит, и эти знают! Да что ж это происходит! Надо срочно искать юриста. Иск о защите чести и достоинства подавать!

Но ведь она действительно имеет отношению к клубу. Да еще какое! Начнет шуметь — только хуже сделает.

Нет, самой ничего в такой ситуации предпринимать нельзя. Ей срочно, просто немедленно нужен Димка!

Плевать на читателей! Надя вышла из зала, еще раз набрала его номер. Снова не отвечает.

Тогда дрожащими руками она пролистала телефонную книжку. Звонить Селиванову не решилась: Димка, хоть номер своего друга из полиции дал, настрого велел его беспокоить только в самых исключительных случаях. А вот главному редактору «Молодежных вестей» позвонить можно. Телефон прямой, с секретаршей объясняться не надо.

Димин начальник ответил сразу.

— Василий Степанович, это Надя Митрофанова. Извините, пожалуйста, за беспокойство. Я никак не могу дозвониться Диме, а он мне срочно нужен. Его на работе, случайно, нет?

— Случайно нет, — ледяным тоном ответил редактор.

— А не знаете, где он может быть?

— Знаю. Полуянов задержан. Пока на сорок восемь часов.

— К-как?! За что?!

— Его подозревают в убийстве. Наш адвокат уже выехал. Но взяли Дмитрия у мертвого тела, так что не могу сказать, чем дело обернется. Он в ИВС, адрес скину. Свидания не дадут, но передачу, возможно, примут. Так что теплые вещи ему привези и еще что там нужно.

— Боже мой! — ахнула Надя.

На подгибающихся ногах вернулась в зал. Читатели уже не ждали смиренно, пока их очередь подойдет — возмущались открыто. Докторша наук едко заявила:

— Да, Надежда. Личные интересы вы явно ставите выше работы.

Митрофанова хотела рявкнуть в ответ, но только пробормотала:

— Имею право на технический перерыв.

А когда народ у стойки, наконец, рассосался, даже выбежать из зала не успела. Слезы из глаз потекли прямо на рабочем месте.

Делом Асташиной Селиванов лично не занимался, но на контроле держал — как и все резонансные преступления.

Что старый приятель Полуянов крутится вокруг да около, атакует окружение покойной, ему тоже доложили. Он про себя усмехнулся: проныре журналисту, наконец, надоело писать про котят, застрявших в водосточных трубах, и ждал, что дружок в ближайшее время объявится. Но Полуянов не давал о себе знать.

О смерти Марты Костюшко Селиванов узнал почти сутки спустя. Полуянов, задержанный по подозрению в ее убийстве, к тому времени провел в СИЗО почти двадцать часов, но его, гордец, по-прежнему не беспокоил.

Следствие собиралось выходить в суд с ходатайством о заключении журналиста под стражу.

Судебно-медицинские эксперты определили предварительное время смерти Марты — между восьмью и одиннадцатью утра. Журналист, как свидетельствовали очевидцы, в Пореченское явился позже — примерно в половине первого дня. Машину оставил в близлежащей деревне, на территорию проник через дыру в заборе. В начале второго беседовал с рабочими и только потом отправился к дому Асташиной.

Однако домашняя система видеонаблюдения в особняке оказалась выключена. Камеры не работали с восьми утра. Поэтому следствие предполагало, что подозреваемый мог на самом деле оказаться в поселке раньше. А последующий приезд вскоре после полудня и демонстративный проход по улице были отвлекающим маневром.

Сам Полуянов не отрицал, что во двор особняка проник незванным гостем, через забор. Дверь в дом, по его словам, оказалась отперта. На вопрос, зачем ему понадобилась Марта, отвечать не желал.

Первым делом Селиванов запросил данные о передвижениях Полуянова со столичных уличных камер. Следствие прилагало все силы, чтобы расколоть подозреваемого по горячим следам и, разумеется, этого не сделало.

А пока ждал информацию, решил поработать с личностью погибшей. Имя-фамилия ничего ему не говорили, а вот лицо почему-то показалось Селиванову смутно знакомым.

Он насыпал в стакан три ложки растворимого кофе, залил кипятком и, вдыхая ароматный пар, вспоминал. Думал. Лишь когда сделал первый глоток, обжегся, чертыхнулся — осенило. Бросился к компьютеру. Ввел служебный пароль, потом следующий: папку с агентурными донесениями он защитил дополнительно, и уже через минуту рассматривал размытое, снятое скрытой камерой лицо. Это была женщина, чрезвычайно похожая на Марту. Она фигурировала в сообщении от давнего негласного помощника, проходившего под кличкой «Авиценна». Снимок был подписан: «Моя заказчица».

Москва, 1985-й год

Марина росла в бедности, без отца. Когда девочке исполнилось десять, мама решила все изменить. Бросила родной, тихо умирающий поселок, где даже школы не осталось, и перебралась в Москву. Устроилась уборщицей в гимназию. Получила служебную квартиру и подсобку под лестницей на работе. Маринка, если не высыпалась, любила туда прокрасться и вздремнуть урок-другой.

Учиться девочка искренне старалась, но, увы, в классе не блистала. Профильный предмет — английский — вообще с трудом вытягивала на «троечку». Тяжело ей оказалось тягаться с детьми дипломатов, кто с рождения в стране языка или при репетиторах. Одноклассники открыто не притесняли, но с первого дня дали понять: место у дочки уборщицы строго в последних рядах.

Поддерживал ее только Толик. Он, пусть москвич, в гимназии тоже обретался на вторых ролях: джинсы из «Детского мира» и скромный нрав здесь категорически не котировались.

Маринка и Толик сидели за одной партой. Рядышком обедали в столовке. После уроков резались в «дурачка» на продавленном диванчике подсобки под лестницей. Одноклассники презрительно называли их «подвальными крысками». А Толик уже лет с тринадцати начал робко мечтать, как они вместе окончат школу, поступят в один институт, затем поженятся, заведут детишек.

После восьмого класса мама Марины решила взять на лето подработку и вместе с дочкой на три месяца уехала к морю — мыть полы в санатории. Девочку не притесняла: та целыми днями валялась на пляже, совершала набеги на плантации черешни, а к концу лета обнаглела настолько, что обрезала косы и покрасила волосы в платиновый блонд. За привольные месяцы на море Маринка вытянулась, загорела. Непримечательное прежде лицо тоже заиграло новыми красками. Глаза заблестели, губы налились соком. Старичок-вахтер, что помогал им нести вещи, когда заселялись, а потом и при отъезде, сказал матери:

— А твой гадкий утенок за лето в лебедя превратился.

— Вижу, — вздохнула та. — Не было б беды.

И всю обратную дорогу, под тряску плацкартного вагона, нудила, что теперь надо себя «особенно беречь».

Маринка не понимала, что она имеет в виду — ровно до момента, когда первого сентября явилась на школьную линейку с букетом астр, и Юрий, самый модный парень в классе, решительно оттеснив верного Анатолия, встал рядом с ней. Другие ребята тоже засуетились: сын дипломата Гера в тот же день позвал ее в кино на закрытый показ, Андрюха — поучаствовать в вечеринке на «чистом флэту».

Девочка от своей неожиданной популярности слегка опешила. На «флэт» идти не решилась, фильм на закрытом показе толком не посмотрела: весь сеанс сбрасывала с колен назойливую руку одноклассника. А на следующий день покинула блатную последнюю парту пижона Юрика и, вернувшись на первую парту к Анатолию, сказала верному другу:

— Я останусь с тобой.

Покинутый, было, одноклассник (вчера весь день ходил с опрокинутым лицом) просиял.

Но их проверенная годами дружба теперь тоже обретала новые оттенки. Толик начал дарить ей цветы. На скучной биологии вместо скелета лягушки пытался набрасывать ее портрет. Когда резались в подкидного, садился поближе и жарко дышал в ухо.

Маринка отталкивала, возмущалась:

— Ты такой же, что ли, как все они?

А парень серьезно отвечал:

— Они тебя просто хотят. А я — люблю. Всю жизнь.

Новые отношения Маринку пугали и будоражили. Девочка пыталась понять: а кого любит она сама? С Толиком — надежно, уютно, но скучно. А с Юркой — круто, но страшно. Да и мать постоянно пугала: «Смотри, в по- доле не принеси».

Она по-прежнему сидела за одной партой с верным рыцарем. Но Юрика и прочих звездных-ярких окончательно не отваживала. Идти с ними в кафе «Космос» или в бар «Москва» не решалась, но импортной жвачкой угощала- лась с удовольствием.

Толик страдал. Ревновал. По-прежнему провожал Марину после школы.

Однажды в конце октября шли вдвоем к ее дому через парк. Вечере- ло, моросил дождь. Одноклассник пытался укрыть ее под смешным клетчатым зонтом, но капли с него постоянно попадали Маринке за ши- ворот. Ближе к концу пути морось сменилась мелким снегом, и Маринка решила, что сейчас просто умрет от холода. Как раз проходили мимо заброшенного здания, исследованного еще в младших классах, и она предложила:

— Давай погреемся?

Окна в здании давно выбиты, но под крышей хотя бы мерзкие снежин- ки перестанут под курточку залетать.

Толик прислушался:

— Там кто-то есть.

Туда частенько наведывались алкаши, и хотя Маринка сама понимала, что с ними лучше не пересекаться, все равно заворчала:

— Умру я от холода из-за тебя!

— Возьми мою куртку, — сказал Толик, начал расстегивать молнию, но снять не успел — в окне вдруг появилось лицо Юрика.

— Ба, какие люди! Маринка, Толян! Айда к нам! У нас тут весело. Герка у родителей вискарек изъял. Для дам конфетки с ликером.

— Мы лучше пойдем, — твердо сказал Анатолий.

Но Юра продолжал искушать:

— Вискарек ирландский, нарезочка финская! И «Ригли», чтоб зажевать.

Ветер завывал, легкий снег неуклонно обращался в метель. Мать, Ма- ринка знала, сегодня на халтурке, придет поздно, да и финский сервелат она обожала. Поэтому сказала решительно:

— Ладно. Но только на пять минут.

Прошли в комнату, к «столу» — его роль исполняли несколько бро- шенных пустых кирпичных поддонов.

Юрик с Герой пировали с размахом. Действительно, и сервелат имел- ся, и конфеты, и пепси-кола, чтобы запивать.

Маринка с удовольствием отхлебнула виски из горлышка, и только что ледяное тело сразу начало наливать приятным теплом. Мать, конечно, всегда нудила, что пить нельзя, особенно с мужиками, но она ведь совсем немножко. И верный Толик рядом, если что, защитит.

Гера включил на портативном «Панасонике» любимую ее группу «Европа». Юрик пододвинул нарезанный толстыми ломтями сервелат и начал убеждать, что «после первой и второй перерывчик небольшой».

— Марина, хватит, — строго сказал Анатолий. — Ты уже согрелась.

Но она в ответ только махнула рукой и смело выпила еще. А потом с удовольствием отправилась в объятиях Юрика танцевать. Музыка надрывалась, голова приятно кружилась. И когда Гера вдруг крикнул: «Клиент готов!» — даже не поняла, что случилась. Обернулась и в ужасе увидела: Анатолий без движения лежит на полу. Дернулась, было, к нему — Юрик не отпускал. Гера тоже приблизился, спросил у него:

— Монетку бросаем?

— Ч-что происходит? — испуганно спросила Маринка.

Вместо ответа сын дипломата швырнул на грязный пол железный рубль и с досадой буркнул:

— Решка. Значит, ты первый.

И Юрик грубо начал срывать с нее одежду.

Маринка попыталась лягнуть его под коленку, но Юрик не зря хвастался, что в подпольную секцию карате ходит — справился с ней без труда. Врезал слегка в солнечное сплетение — перед глазами сразу все поплыло. Да и Гера помогал, придерживал. Его похотливые, потные руки, все время грубо мявшие грудь, казались даже страшнее, чем адская боль и кровь.

Марина пыталась кусаться, но получила пару приличных затрецин и уже еле соображала от ужаса и боли. В какой-то момент, когда сознание окончательно начало уплывать, вдруг услышала возню, крики и сквозь блаженное забытие, увидела яростное лицо Толика. Тот пытался обрушить на головы насильников пустую бутылку, но его одолели без труда.

И последнее, что Марина услышала, были слова Юрика:

— Теперь ты...

Селиванов решил поговорить с Дмитрием и приехал в подмосковный следственный изолятор. Согласно регламенту, предъявил паспорт, служебное удостоверение. Сдал табельное оружие. С Полуяновым встретились в комнате для свиданий. Тот — пусть бледный, в спадающих без ремня джинсах и кроссовках без шнурков — природной своей наглости не утратил. Едва увидел, сразу с претензиями:

- Долго же вы разбирались!
- В чем? — безмятежно спросил майор.
- Кто убийца!
- А ты знаешь?
- Предполагаю. С большой долей вероятности.
- Ну, говори.

Полюянов на секунду задумался.

— Торговаться в твоём положении не стоит, — мягко проговорил Селиванов.

— Да и не буду. Брать его надо, пока не удрал! — и назвал фамилию.

Майор еле смог сдержать удивление. Он смутно помнил, что этого человека тоже допрашивали после убийства Асташиной. Но в роли подозреваемого его никто даже не рассматривал.

— Я сразу насторожился, когда этого Анатолия Юрьевича по базам пробил! — горячился журналист. — Очень подозрительный получается благотворитель. С групповым изнасилованием в анамнезе. Почему ваше его прошлым не заинтересовались?

— Но где связь между убийством Асташиной и давним уголовным делом? — осторожно спросил Селиванов.

— Марта до боли похожа на Марину. И работала у Ангелины горничной. А Самоцветов был её ближайшим соседом. Думаешь, случайность?

— Похожа до боли — это не доказательство.

— А ты сам посмотри фотку в старом уголовном деле и сравни! Одно лицо!

— Допустим. Но зачем было устраивать самодеятельность? Почему ко мне не пришел посоветоваться?

— Так я ж не уверен был до конца. Хотел сначала Марте сам в глаза посмотреть. Ну и вот результат.

— Очень ожидаемый результат. Если действовать только на основании предположений.

— А какие у меня еще возможности? По фамилии я эту Марину Милину проследить не смог.

— А если ты ошибся?

— Тогда я — дурак, — честно признал Дима. — Но по фотке, если со старить, — одно лицо практически. Явно родственница. Причем близкая.

— Даже если она — дочка той самой Марины, зачем Самоцветову её убивать? — пылливо взглянул на него Селиванов. — И причем здесь Асташина?

— Пока не знаю, — простодушно ответил Дима. — Но есть еще кое-что. Именно Анатолий Юрьевич попросил меня настоящего убийцу Асташиной найти.

— При каких обстоятельствах? Когда? И почему именно тебя?

— В нашей стране журналистам давно доверяют больше, чем полиции. А я, слава богу, среди них не последний, — парировал Полуянов и продолжил: — Поначалу казалось логично, почему помощи попросил. Он у Асташиной был накануне вечером. И в портсигар ее из любопытства заглянул — значит, отпечатки остались. Вот и хотел, чтобы я его из-под подозрений вывел. Но про темное свое прошлое и о том, что дочка Марины у Асташиной в горничных — даже не заикнулся. И еще почему-то очень старался другого человека подставить.

— Кого?

— Шмелева. Я историю Алены узнал от него. Причем Самоцветов несколько раз повторил: отец хотел отомстить за дочь. Асташину преследовал. А еще с Мартой зачем-то в лесу встречался.

— Самоцветов откуда знает?

— То-то и оно! Вроде как гулял и случайно увидел. В лесу! Не странно ли? Меня это сразу насторожило.

— Это все, что у тебя есть?

— Разве мало?

— Информация интересная, — признал майор. — Но доказательства, что убивал Самоцветов, никаких. Зато тебя очень даже настроены за убийство закрыть.

— У меня мотива нет. Так что разберутся, — отмахнулся Дима.

Но следовало признать: его версия, особенно в свете информации, которой майор делиться с Полуяновым пока не собирался, несомненно, требовала проверки.

— Вытащи меня отсюда, — фамильярно попросил Дима. — Очень хочется в нормальный душ.

Но друг лишь усмехнулся:

— Это не я решаю.

Нечего Полуянову путаться под ногами. Тем более официально отпущенные сорок восемь часов еще не истекли.

Москва, 1985-й год

Вечер выдался мерзким, стылым. Дураков гулять в парке не было, но единственный прохожий, старичок-собачник, забрел. Проходил со своим псом мимо заброшенного здания, услышал крики, осторожно заглянул и ужаснулся. Самолично восстанавливать справедливость не осмелился, но, когда из последних сил, обгоняя дряхлую свою псину, мчал из парка к ближайшему телефону-автомату, встретил патрульную машину. Задыхаясь, рассказал милиционерам, что происходит.

Те ворвались в заброшенное здание, когда Толик лежал на недвижимом теле Маринки, а Гера с Юриком пинали его под ребра и орали:

— Давай, давай!

Парней скрутили. К бездыханной Маринке вызывали «скорую». В сознание ее смогли привести только в приемном отделении больницы. Гинеколог, когда осмотрел, велел немедленно в операционную. Придя в себя после наркоза, Марина сразу все вспомнила. Вытащила из вены иголку капельницы и на подгибающихся ногах побрела к окну: жизнь после того, что случилось, представлялась ей абсолютно бессмысленной.

Подросли сестры, подбежал врач. Уговоры, успокоительное не помогали — Марина билась в истерике, кричала. Срочно вызванный психиатр диагностировал травматический психоз и забрал ее к себе в отделение.

Милиция уже на следующий день явилась с вопросами, но к Марине оперов категорически не пустили. И только неделю спустя, когда накачали лекарствами и купировали острое состояние, она узнала: все трое насильников арестованы.

Геру и Юрику родители сразу наняли дорогих адвокатов, и парни дружно утверждали, что Маринку им привел Толик.

— Сказал, что она сама хочет! — клялись. — А за то, что не первым будет, мы ему двадцать пять рублей дали!

Деньги у Анатолия вроде тоже обнаружили. И проводившие задержание милиционеры свидетельствовали: они ворвались в здание в тот момент, когда насиловал именно он.

Но Маринка, хоть и накачанная лекарствами под завязку, стройную версию следствия опровергла. Твердо стояла на своем: зашли случайно. А верный рыцарь не мог помочь, потому что сам без сознания был.

Анатолия все-таки продержали в следственном изоляторе почти месяц, но в итоге из-под стражи освободили. А на суде и вовсе полностью оправдали.

Юрик и Гера получили сроки. Родители Толика перевели его в другую школу. А Маринкина мама сразу после суда вместе с дочкой навсегда покинула Москву.

«Итак, насильником Самоцветов не являлся, хоть и проходил по делу — сначала подозреваемым, потом свидетелем, — думал Селиванов. — Или же он — единственный — откупился, а оба других фигуранта не смогли, хотя финансовые возможности у них куда серьезнее, чем у мальчика из семьи инженеров? Нет, денег семья потерпевшей, видимо, не взяла. И девушка, скорее всего, рассказала правду. Но тогда ей и мстить Самоцветову явно незачем. И своей дочери про некрасивую историю школьных лет она, вероятно, даже не рассказывала».

Фотографии Марины Милиной и Марты Костюшко Селиванов внимательно рассмотрел, сравнил обеих и признал: Полуянову не показалось — потерпевшая действительно чрезвычайно походила на убитую горничную.

Он составил официальный запрос, и спустя час получил ответ.

В декабре 1985-го года мать с дочкой из Москвы уехали. Вернулись на родину, в Беларусь, там и осели. В 1996-м Марина вышла замуж за Матвея Костюшко, а в 1998-м у них родилась единственная дочь. Девочку назвали Мартой...

Анатолий пытался найти одноклассницу, но следы ее, казалось, навсегда потерялись.

На прощание Марина сказала: — Видеться с тобой не хочу. И писать тебе не буду.

— Но почему?

— Не могу я, Толька. Вроде и понимаю, что ты ни в чем не виноват, но смотрю на тебя — и сразу тех двоих вижу. — А во взгляде ее он прочитал немой упрек: почему не защитил?

Толик и сам себя корил ночами и днями. Маришке ничем уже не поможешь, но спасти других — в его силах. Сначала мечтал: подкачает мышцы и будет выходить по ночам на улицы — помогать девчонкам, попавшим в беду. Однако быстро осознал, что Бэтмена из мальчика с вечным освобождением от физкультуры не получится. Да и куражатся насильники обычно группой — как с ними в одиночку сладишь? Поэтому выбрал иной путь. Уже на младших курсах начал подрабатывать в одном из первых в России благотворительных фондов. Часто сталкивался с жертвами насилия. Рьяно пытался им помочь снова поверить в людей. А ночами бесконечно гадал: как сложилась Маринкина судьба?

Со временем горькие воспоминания стерлись, в памяти осталось лишь ее солнечное, беспечное лицо. А когда исполнилось сорок два, Маринка нашла его сама. Очень буднично — просто написала в «Одноклассниках» личное сообщение. Рассказала, что замужем, растит дочку, живет в Беларуси, работает в детском садике нянечкой. У мужа хоть руки «золотые», но зарплата большей частью идет не в семью, а на любимую «Зубровку». Дочь танцами занимается — так ей не на что костюм для выступления купить, сама сидит за швейной машинкой.

Анатолий долго разглядывал аватарку и тщетно пытался признать в потухшей, рано увядшей тетке когда-то боготворимую им красотку-хохотушку. Обещать он ничего не стал, но выяснил, что Марина окончила поварские курсы и вкусно готовит. Супруг ее — и столяр, и сантехник,

и плотник. К тому же — добрейшей души человек. Сначала хотел найти для семейной пары работу за границей — вести дом где-нибудь в Польше. Но вскоре сам получил в наследство коттедж в Пореченском, начал знакомиться с соседями, и Ангелина Асташина пожаловалась, что никак не может найти нормальных эконома и кухарку.

— А сколько готовы платить?

— Семьдесят тысяч. Проживание в отдельном доме. Еда бесплатная.

Маринке условия показались восхитительными. Муж тоже поклялся, что на новом месте работы — ни капли.

Анатолий Юрьевич с некоторой тревогой ждал личной встречи. Но когда увидел свою принцессу (теперь обрюзгшую, в деревенском платьочке, лицо испещрили морщины) — ничего в душе даже не ворохнулось. И когда благодарные супруги в отсутствие Ангелины звали на домашние пироги, всегда открещивался. Вежливо здоровались, когда случайно сталкивались в поселке, — вот и все общение.

Дочку Марина с собой не привезла. Та в шестнадцать лет упорхнула из дома, пыталась карьеру за границей строить, но, судя по печальному лицу матери, пока не слишком успешно.

Однажды утром Анатолий Юрьевич вышел на традиционную пробежку и увидел, как к воротам соседского особняка подкатило такси. Он приостановился: всегда любопытно, что у ближайших жильцов происходит. Сделал вид, будто завязывает шнурок, и вдруг из машины выпорхнула Маринка — юная, свежая, задорная, загорелая. Водитель открыл багажник, взялся вытаскивать чемодан, заворчал:

— Тяжелый, зараза!

А она захохотала заливисто: «Вот лопушок!» — и сама схватилась за поклажу.

Анатолий Юрьевич подбежал, помог.

— Мерси вам огромное! — лукаво улыбнулась девушка. В ее синих глазах сверкали точно такие же, как у прежней, счастливой Маринки, искорки.

— Вы кто, прекрасная дама? — церемонно спросил Анатолий Юрьевич.

— Та буду горничной вот тут работать, — охотно объяснила она.

— А величают вас как?

— Марта.

Солнце золотилось в ее волосах, и Анатолий — теперь уже Зевс — сразу понял: его спокойная жизнь закончилась. Навсегда.

Он сразу дал себе зарок: от красавицы Марты, до боли и трепыхания в сердце напоминавшей юную Маринку, надо держаться подальше. Но данного себе слова сдержать не смог. Прежде все приглашения загля-

нуть по-соседски вежливо отклонял. Но когда Марина позвала «на пельмени», в гости отправился.

Асташина была до позднего вечера на съемках, однако вечеринку, от греха подальше, все равно проводили не в хозяйском доме, а в скромном служебном флигеле. Кухонька — как в старом, добром СССР: пять метров с копейками. Мутная домашняя самогоночка, разномастная посуда. Марина не сводила с дочки влюбленных глаз, отец завистливо поглядывал на выпивку и был хмур. Марта щебетала без умолку.

— А жена ваша где? — простодушно спросила она. — Нету?! Так вы один в таком домище живете? Кто ж вас кормит?

И он — в веселом, бесшабашном кураже — ответил:

— Можешь ты кормить! Пельмени у тебя знатные!

— Ну... если до предложения руки и сердца дойдет... я подумаю, — лукаво произнесла Марта.

Ввиду постоянного присутствия родителей, ухаживать Анатолий начал старомодно. Спустя пару дней после вечеринки позвал все семейство к себе на чай. Через неделю — пригласил соседей в Большой театр на «Лебединое озеро». Марина с восторгом следила за происходящим на сцене, а Марта то и дело переводила бинокль на эффектных дам из партера. Когда Анатолий, украдкой от матери, накрыл ее ладошку рукой, сбрасывать не стала — наоборот, сама сжала его пальцы и придвинулась ближе.

Анатолий понимал, что делает сейчас страшную глупость, но в антракте, когда пили шампанское, шепнул в нежное ушко девушки:

— Выйдешь за меня замуж?

— Да! Да!!! — радостно выкрикнула Марта...

Ангелина Асташина формальностями себя не утруждала, так что регистрации по месту проживания семейство Костюшко не имело, разрешения на работу тоже. Но между странами единое миграционное пространство, так что во время редких проверок в Пореченском граждан Беларуси не трясли.

Селиванов легко выяснил: Марта Костюшко явилась в Россию в марте этого года. А уже в апреле они с Самоцветовым отнесли заявление в загс. Верные примете, что в мае жениться — всю жизнь маяться, бракосочетание назначили только на июнь. Однако в назначенный день на церемонию пара не явилась. Что же между ними произошло?

Селиванов, прежде чем беседовать с несостоявшимся женихом, решил просмотреть уже имевшиеся в деле протоколы допросов.

Родители Марты (после убийства Асташинной следователи общались с обоими) про жениха дочери вообще не упоминали. Горничная тоже ни

словом не обмолвилась, почему ей не удалось получить статус замужней дамы и переехать на законных основаниях в соседний особняк.

Однако имелись любопытные показания соседа из дома напротив. Ломать глаза о протокол, написанный неразборчивым почерком, Селиванов не стал — предпочел прослушать аудиозапись.

— Когда вы в последний раз видели Ангелину?

— Позавчера. В час дня примерно.

— При каких обстоятельствах?

— В окно выглянул. Она из дома на своем «Порше» выезжала и притормозила, чтобы с Толиком поздороваться.

— Толик — это кто?

— Тоже наш сосед. Член правления. Самозванов, что ли, его фамилия. Или Семичастнов. Не помню.

— Вы позавчера весь день были дома?

— Ну да. Воскресенье ведь.

— Во сколько Асташина вернулась?

— Откуда я знаю? Я за ней не следил.

— А кто-нибудь к ним в дом приходил?

— Господи, да что вы прицепились? У меня других, что ли, дел нет — в окно пялиться?

— Может, видели, как кто-то выходил?

— Ну, горничная ее выскакивала. Часа в три.

— Зачем?

— В магазин, наверное.

— Почему вы решили, что в магазин?

— Блин, достали! Потому что с пакетом пластиковым. И Толику она сказала! Он со стороны улицы газон свой косил, увидел, подошел к ней. А Марта на весь поселок как заорет: «Да отвали ты от меня, уже за продуктами спокойно не сходишь!»

— А почему так грубо?

— Откуда я знаю?

— Самоцветов, что ли, преследовал ее?

— Да мне сплетни соседские по барабану! Но жена вроде болтала: Толик сох по этой Марте, даже жениться хотел. А потом что-то разладилось у них.

Больше про горничную Асташину не говорили. Протокола допроса жены в деле не имелось — следствие данное направление, вероятно, не разрабатывало. Действительно, какие отношения амурные делишки горничной могли иметь к убийству ее хозяйки?

Но сейчас ситуация оборачивалась совсем по-иному.

Тем более в свете донесения от агента, про которое Селиванов пока никому не рассказал.

Евгений Шмелев всегда нравился женщинам, но ни капли этого не ценил. Точно по классике: чем меньше обращаешь внимания, тем более рьяно за тобой бегают.

Хотя профессию выбрал вроде мужскую, в институтской группе оказалось много девчонок. А в НИИ, куда потом попал по распределению, и во все оказался в «цветнике», причем дамочки единственного представителя сильного пола активно обхаживали, несмотря на наличие у него ревнивой жены.

Евгений по характеру был интровертом, общением тяготился. Но женщины отдела почему-то считали, что его отсутствующее, несколько раздраженное лицо маскирует тайную скорбь. И молодого инженера обязательно надо пригреть, приголубить, развеселить, поэтому наперебой соревновались, кто первой сможет расколдовать прекрасного принца.

Евгений Шмелев был чрезвычайно хорош собой. Высокий, стройный, черты лица тонкие, борода (растил с девятого класса) придавала сходство с Белинским. Супруга, когда пребывала в благостном настроении, величала его «мой атлант».

Юность Жени пришлась на время бешеной популярности «подвальных качалок», и он — как все тогда — посещал тренажерные залы. Идеи слепить совершенную фигуру не лелеял — просто для здоровья. К тому же монотонные упражнения успокаивали.

Когда Союз развалился и Шмелев (как многие в те времена) ринулся строить собственный бизнес, эффектная внешность тоже немало способствовала: клиентки, особенно возрастные, не слишком возмущались, если он нарушал условия договоров, а чиновницы из налоговой прощали задолженности. Но ни представительный вид, ни острый, аналитический ум успешной карьеры сделать не помогли — все его начинания, рано или поздно, терпели крах. У супруги (страшненькой, вздорной и глуповатой) дела шли куда лучше. И тогда на семейном совете решили: жена станет зарабатывать деньги, а он — сосредоточится на воспитании дочки.

Аленка часами сидела за книгами, и память у ребенка оказалась исключительной. В шесть лет знала все столицы, в семь — играючи выучила таблицу Менделеева. Жена настаивала: из способной девочки надо делать, в духе времени, программиста. Но Аленка тягу к данной области не проявляла, и Евгений не стал давить, полагая, что успеха можно добиться лишь в том деле, которое реально захватывает. Многократно пытался выявить, к чему у девочки максимальная склонность. Но тесты упрямо показывали: ребенку одновременно интересны география, история, биология, астрономия, литература, однако ярко выраженной способности ни к одному из этих предметов нет.

И он убедил жену: пусть девочка растет, спокойно ищет себя. Вероятно, ее предпочтения раскроются позже.

Аленка прекрасно училась, побеждала в олимпиадах. Папа следил, чтобы она обязательно ела необходимые для здоровья продукты, составлял график дополнительных занятий, возил к репетиторам.

В 2012-м году жена скоропостижно скончалась от сердечного приступа. Для Шмелева дочка давно была милее вечно усталой и недовольной супруги, поэтому ее смерть он воспринял скорее с досадой. Удружила! Придется теперь самому тратить время на быт и оплачивать Аленкиных репетиторов. Частные преподаватели, по его наблюдениям, далеко не бедствовали, поэтому, ради хлеба насущного, начал преподавать сам. Особых успехов на новом поприще не снискал, но на «поддержание штанов» хватало. По-прежнему все свое время отдавал дочке и, ожидая девочку после занятий или олимпиад, продолжал отбиваться от вожделеющих его мамаш. Положительный во всех смыслах вдовец с ребенком для женщин лакомая добыча, но все попытки познакомиться поближе Евгений Петрович вежливо отклонял. Зачем Аленке мачеха? Разве согласится она посвящать время чужому ребенку? Наоборот — на себя одеяло станет тянуть, а ему, кроме дочки, никто не нужен.

Иногда думал с печалью, что Аленушка вырастет, скоро влюбится, уйдет от него — как тогда жить? Но дочка покинула отца рано и совсем не так, как он боялся.

После ее гибели жизнь Шмелева потеряла всякий смысл. Здоровый образ жизни, правильное питание, достойное поведение — все полетело к черту. Себя запустил. Пил по-черному. Но даже в самом отчаянном состоянии не утрачивал былого лоска, поэтому для женщин по-прежнему представлял интерес.

Когда-то Шмелев и в страшном сне представить не мог, что смертельным врагом для него станет представительница прекрасного пола. Но счастливое его существование разрушила именно женщина. Евгений Петрович никак не мог понять и примириться, что на погубившую ее дочь Асташину нет никакой управы.

Когда его иски к программе «Три шага до миллиона» и лично телеведущей остались без удовлетворения, он не утратил мстительного пыла. Выяснил, где Ангелина живет. Бить окна не позволяли воспитание и остатки здравого смысла, поэтому приехал к ее дому с плакатом «УБИЙЦА». Всем respectableм прохожим охотно объяснял, в чем именно состоит преступление Асташинной. Большинство только пожимали плечами или крутили пальцами у виска. Как-то сама Ангелина, когда проносилась мимо на «Порше», приоткрыла окошко, выкрикнула:

— Больной ублюдок!

А когда Шмелев в бессильной ярости смотрел вслед машине, к нему неожиданно подошла девушка. В отличие от прочих равнодушных, посмотрела с искренним сочувствием и пробормотала:

— Я знаю, что случилось с вашей дочкой. Видела то шоу, Ангелина вела себя как настоящая тварь. Мне очень жаль...

— Вам жаль, а я вместе с ней умер, — горько ответил отец.

— Вот зачем вы ее расстраиваете? — насупила бровки девушка.

— Кого? — опешил Шмелев.

— Аленку вашу. Видит же все с небушка. И переживает за вас.

— Я — атеист, не верю в это.

— И зря! — возмутилась собеседница. — Ангелина такие кошмарные сны видит. Кто еще их насылает, как ни боженька?

— А вы откуда знаете?

— Так я горничная у нее.

Мозг сразу щелкнул: может быть полезна. Да и девушка приятная.

— Как вас зовут? — спросил Шмелев.

— Марта. — Девушка очаровательно улыбнулась, но сразу снова стала серьезной и прижала ладошки к груди: — Я понимаю, как вам тяжело. Но только Аленушке вашей не легче: видеть, как вы убиваетесь.

Повторять, что не верит в существование души, Шмелев не стал. Но знакомство с приятной и явно не симпатизирующей своей хозяйке горничной, безусловно, следовало продолжить. Он попросил у Марты телефон. Она охотно продиктовала. Когда Евгений Петрович вбивал номер в память своего аппарата, к ним подошел невзрачный мужичонка. Ожег горничную ревнивым взглядом, но ни слова ей не сказал. Обратился к Шмелеву:

— Я — член правления. Мы можем поговорить?

Евгений, прежде чем устраивать свою акцию протеста, законы прочитал, поэтому ответил:

— Я ничего не нарушаю. Это одиночный пикет.

— Так я и без претензий, — спокойно ответил мужичонка. — Хотел просто чаем угостить. Вы, наверно, замерзли.

Шмелев действительно устал. Да и смысла в дальнейшем стоянии с плакатом больше не видел, поэтому дал себя увести.

Член правления провел его в свой коттедж, заварил чай и долго вкрадчиво убеждал, что понимает его горе, но стоять под окнами Ангелины — не лучший метод возмездия.

Евгений быстро выпил чашку, пообещал впредь жителей Пореченского не беспокоить и распрощался.

А уже на следующий день набрал номер Марты.

— Ой! — обрадовалась она. — Вы все-таки позвонили! Я ждала.

— Ждали?

— Да. Я беспокоюсь о вас.

Вроде бы ничего не значащая, типично женская фразочка, но прозвучало очень искренне, и Евгений, не удержавшись, спросил:

— У вас когда выходной?

— У меня вахта, — растерялась девушка. И быстро добавила: — Но я могу удрать. Ненадолго.

Договорились встретиться в ближайшем к Пореченскому кафе.

— За вами заехать?

— Не, я пешочком. Да и вашу машину, — хихикнула, — в поселок больше не пустят. Ангелинка в «черный список» внесла.

Евгений Петрович ехал к кафе и гадал: «Почему она согласилась? И вообще — что у нас может быть общего?»

По нарядному костюмчику с бантом на плече и накрашенному личику понял: Марта восприняла их встречу как свидание. И насчет общего между ними тоже объяснила сразу:

— Я эту гримзу, как и вы, терпеть не могу.

«Можно придумать хороший план, как отомстить врагу чужими руками», — сразу мелькнула в голове мысль.

Но взглянул в чистое, юное, простодушное лицо и понял: не сможет он эту милую девушку вовлекать в свои злые замыслы. Тем более что никогда их и не осуществит.

А Марта продолжала:

— Самодурша редкостная. И ни слова ей поперек, только терпеть да кивать. Знаете, как тяжело?!

— Может, другую работу найти?

— А что я умею? Да и гражданство белорусское. Регистрации нет.

Сидя за столиком в кафе, Марта с наслаждением вгрызлась в пирожное и пробормотала с набитым ртом:

— Ух, вкуснятина! Мырма на здоровом питании сидит, а своей еды мне не положено. — Прожевала. Церемонно, отставил мизинчик, взяла чашечку с кофе и добавила: — Вот почему разным дурам все, а хороших бог рано прибирает?

— Вероятно, потому, что бога просто нет.

— Да ну, зря вы так. Лично я верю: Он все видит. И, в конце концов, разберется. А еще я очень рада, что вы сегодня не такой грустный. Ведь вас и поддержать некому...

Шмелев посмотрел на нее и на секунду почувствовал себя юным, беспечным, счастливым.

Кто мог предположить, куда приведет его эта внезапно вспыхнувшая симпатия?

Марина и Матвей Костюшко прилетели в Москву на следующий день после смерти дочери. Скорбную обязанность опознавать тело мать выполнить не смогла — отправила мужа.

Селиванов приехал в морг загодя. Обычно родственники тяжело переживают необходимую формальность, но специально приглашенный психолог Матвею не понадобился. Хладнокровно взглянул в мертвое лицо дочери и кивнул:

— Она.

От мужчины тянуло застарелым перегаром.

«Полуянов, конечно, позвал бы его вместе выпить», — мелькнуло у Селиванова, но сам предложил отцу лишь сигарету. Тот жадно затянулся и пробормотал:

— Мать ее всегда защищала: пусть, мол, девочка путь свой ищет. Вот и нашла...

...Матвея всегда бесило, что жена не хотела довольствоваться малым. Сколько ни крутился, ни старался — все равно подавай ей журавля в небе. Зарплаты мало, в квартире тесно. Сама мечтала то ресторан свой открыть, то дочку возить по всему миру на танцевальные конкурсы. Но по итогу жизнь выстроила не слишком счастливую. Сорвала семью с насиженного места, заставила колотиться на чужбине, прислуживать в чужом доме.

Когда Марта сбежала из дома, мать ее защищала, а на него все шишки: принижал, давил, подрезал крылья.

И хотя он постоянно слышал, что Марту вот-вот возьмут в кабаре «Лидо» — закончила дочка все равно в эскорте. И домой вернулась с запретом на въезд в Шенген. Но надежд на грядущую сладкую жизнь не утратила. Начала опять гулянки устраивать — теперь в их опустевшей квартире, сами-то они тогда уже в Пореченском жили.

Матвей настаивал: надо возвращаться домой и брать непутевую дочку в оборот. Но жена решила по-иному. Наплела Асташиной про Мартину исключительную хозяйственность, опыт работы в гостиничном бизнесе Европы придумала — и та согласилась взять ее к себе горничной.

— Хотя бы у нас на глазах будет! — радовалась жена.

Но Марта в первый же вечер взялась обольщать соседа, хотя тот ей в отцы годился.

Самоцветов Матвею не нравился. Ни рожи, ни кожи, благотворитель хренов! Когда тот предложил Марте руку и сердце, он пытался вразумить дочь:

— Зачем тебе этот старый хрен? Он в постели небось не сможет ничего!

— Так и хорошо! — ухмылялась Марта. — Молодого любовника найду.

Отец искренне не понимал, как можно быть настолько без принципов. А мать только защищала:

— Ну, дай ты девочке из нищеты вырваться!

Марта, впрочем, пусть стала невестой, все равно глазами по сторонам так и стреляла. А когда под их окна явился блаженный Шмелев, и за него взялась Ангелина, едва увидев своего врага, вызвала Матвея и велела:

— Вышвырни его!

Но Марта уговорила: человек, мол, в беде, нельзя с ним жестко. И лично отправилась утешать. Вернулась довольная, похвасталась:

— Телефончик у меня попросил.

— Ты ж замуж выходишь, — тяжело вздохнул отец.

А она глазами лукаво хлопает:

— Так этот покрасивее будет. И жилье у него тоже имеется. Квартира в Москве — даже лучше.

На следующий день отправилась на свидание, вернулась с запашком шампанского и мечтательными глазами. Объявила:

— Завтра с Женей на кладбище поедем.

— Куда? — опешила мать.

— Обещала ему цветы на могилке дочери посадить. Бархатцы предложила, но он тюльпаны хочет.

— Не сажают на кладбище тюльпаны!

— Ну, жаль, что ли, если хочет человек?

Анатолия, впрочем, продолжала держать на привязи. И отставку дала, только когда забеременела от Шмелева.

Информация, что поведал Матвей Костюшко, Селиванова изрядно озадачила.

Итак, классический — и весьма пошлый — любовный треугольник.

Двое немолодых мужчин потеряли голову от ветреной красавицы. Она сначала схватилась за первого, кто подвернулся под руку, а потом променяла его на другого — более симпатичного.

Но Анатолий Юрьевич покорно в сторону не отошел. Марту — преследовал, Шмелева — пытался подставить.

А мог ли, осознав, что вернуть не получится, возлюбленную свою ветреную убить?

Он — ближайший сосед. Горничная в доме одна...Пришел, допустим, просто поговорить, красotka в очередной раз его послала, и... не совладал с нервами.

Однако началось-то все с убийства Асташиной. А губить ее у Самоцветова резонов никаких. Соседи по поселку дружно свидетельствовали: серьезных конфликтов меж ними не было, мелкие недопонимания, типа борщевика под забором или превышения скорости, решались в рабочем порядке.

Зато Шмелев всему свету успел объявить, что Ангелина — его кровный враг. При этом еще и роман с ее горничной закрутил.

Результаты вскрытия, как всегда, задерживались, но предварительную информацию Селиванов получил. Два проникающих ранения (одно — смертельное), нанесенных неустановленным колюще-режущим предметом, вероятно, ножом. Убитая была в положении. Срок — 8-9 недель.

И самое ключевое — десять дней назад Марта Костюшко приобрела в интернет-магазине яд рицин. Продавцы на сайтах горячо заверяют, что подобные покупки отследить невозможно. Деньги предлагают вносить в банкомат наличными — на счет, который укажут. В ответ высылают координаты «закладки».

«Мы дорожим своей репутацией и гарантируем, что вы полностью анонимно получите желаемый товар отличного качества и точно в срок».

Наивные обыватели не догадываются, что подобные «бюро добрых услуг» давно и прочно находятся под полицейским «колпаком». Неопытная в криминальных делах Марта вряд ли предполагала, что директор интернет-магазина по кличке «Авиценна» сфотографирует ее, когда она будет забирать рицин из тайничка, и перешлет снимок Селиванову.

Но кому принадлежит идея добавить в кокаин яд? Самодеятельность горничной? Или — что скорее — она состояла в преступном сговоре со своим женихом Шмелевым? Откуда Марте, с трудом закончившей девять классов, знать, что рицин не имеет вкуса и запаха, поражает дыхательные пути и приводит к фатальным последствиям? А Шмелев по образованию химик.

Кто конкретно вносил деньги в банкомат, выяснить, вероятно, уже не удастся. Но забирала яд Марта. Также у нее имелись все возможности смешать его с кокаином в портсигаре хозяйки. Однако план, вероятно, придумал и разработал все-таки Шмелев.

А дальше — не исключено, что глупая девочка решила своего подельника шантажировать. Жениться тот не спешит, она — в положении.

«Или в загс, или я все расскажу. Сама сяду — но и тебя утяну, как зазачика преступления».

В ответ на подобный ультиматум мужчина запросто мог психануть...

Шмелева пришли задерживать в девять утра, но немедленно допросить подозреваемого не удалось. Несмотря на столь ранний час, находился тот в состоянии острой алкогольной интоксикации, и попытки предъявить ему обвинение разбились об истерический хохот:

— Я? Убил Марту? Да вы с дуба, что ли, рухнули все?!

Основания для его задержания имелись серьезные.

Камеры городского видеонаблюдения свидетельствовали: в день убийства Марты Евгений Петрович вышел из дома в семь утра. Одет был походному: камуфляжный костюм, ботинки на толстой подошве. В руках — корзинка. Он сел в принадлежащий ему «Рено» и отправился в направлении поселка Пореченское. Отследить его смогли до поворота к одноименной деревне: дальше камер на пути следования не имелось.

Охранники на въезде обязаны пускать автомобили только после личного звонка хозяев. Заявки на авто Шмелева не поступало. Впрочем, «Рено» — еще при жизни Ангелины — охранники внесли, по ее просьбе, в «черный список».

Вернулся Шмелев домой тем же вечером, но уже пешком. Камеры видеонаблюдения поймали его на станции метро, ближайшей к поселку Пореченское. Был Евгений Петрович пьян, в поезде заснул, вместо того чтобы пересест на свою ветку, доехал до конечной, там объяснялся с сотрудниками полиции, но задерживать его не стали. Только попеняли, что в одном свитере, а на улице дождь. Камуфляжной куртки, в которой выходил из дома, на нем не оказалось. Штаны вроде были те же, только все в грязи. При обыске в квартире их не обнаружили, как и ботинок. Где находится «Рено», Шмелев сказал сам. Машину нашли там, где он указал — на площадке возле шиномонтажа, неподалеку от Пореченского. В багажнике — пустая корзинка. Никаких следов крови или иных указаний на то, что владелец совершил убийство.

Про тот день Шмелев, когда протрезвел, излагал складно:

— Мы с Мартой договорились, что пойдём за грибами. Встретиться условились в девять. На нашем месте, там, где я машину оставил. Ей близко — по тропинке через лес. А без десяти девять от нее пришло сообщение: «Извини, Женя, между нами все кончено».

Ну, я и психанул. В багажнике бутылка коньяка — специально купил, думал, потом зайдем к ней, грибочки пожарим, выпьем. Достал, сразу накатило. За руль, понятно, нельзя. Пошел один по лесу бродить. Бутылка с собой. К обеду ничего уже не соображал. Еле смог до метро добраться, до дома доехать. Ну, и совсем сорвался. Запил.

— Куртка где?

— Не помню. Потерял.

— А брюки?

- Уделал их все. Сначала хотел отстирывать, потом решил: проще выкинуть.
- Обувь?
- Тоже выбросил. Ботинки из кожзама были, промокли, развалились совсем.
- Телефон Марты компьютерщики уже разблокировали — месседж Шмелеву в нем, действительно, имелся. Как и в его аппарате.
- Почему вы ей не позвонили, не потребовали объяснить, что случилось?
- Зачем? И так все ясно. Выбрала того, кто побогаче. Давно грозилась.
- Вы сейчас про кого?
- Ну, этот. Старый хрыч. Сосед ее. Самоцветов. О мертвых, конечно, плохо говорить нельзя, но Марта в первую очередь блюла собственный интерес. Пусть мужчинка ничтожный, зато при особняке. И замуж по-звал, в отличие от меня.
- А она настаивала?
- Да. И намекала, и напрямую. Но я убеждал: нужно сначала проверить чувства. Ей двадцать пять. Мне сорок семь.
- Вы ссорились?
- Иногда Марта слишком давила. Я понимал: ей хотелось официального статуса.
- Она вам угрожала?
- Говорила — вроде в шутку, — что к прежнему своему жениху вернется. Меня это бесило. И когда она написала, что все кончено, я решил: глупая провокация. Поэтому не стал ей перезванивать. И выяснять отношения тоже не пошел. Не хотел играть в глупые женские игры.
- Кто из вас покупал ризин?
- Не понимаю, о чем вы говорите.
- Вы знаете, как погибла Асташина?
- Знаю. Но ни я, ни Марта к ее смерти отношения не имеем.
- Это вы придумали план, как устранить Ангелину?
- Нет! Господи, конечно, нет! Зачем мне?
- Вы считали, что по ее вине погибла ваша дочь.
- Да, считал! Но надеялся исключительно на правосудие! Я никогда и никого не стану убивать!
- Марта приобрела яд в интернет-магазине. Это вы ей велели?
- Да что вы говорите такое?!
- Значит, по своей инициативе?
- Чушь! Бред! Клевета! Марта не могла этого сделать!
- Ему предъявили фотографии, но Шмелев продолжал бушевать:
- Это не она! Фотомонтаж!

— Марта могла убить Асташину, чтобы отомстить за вашу дочь. И этим покрепче привязать вас?

— Вы детективов начитались? Зачем ей это?!

— Могла — или нет?

— Да что вы говорите такое! Марта прекрасно знала, как я отношусь к убийствам! Не дура сообразить, что таким образом она меня точно не привяжет!

Селиванову казалось, что допрашиваемый немного переигрывает, но на предположениях обвинение не построишь. А фактов нет.

Оперативники опросили всех возможных свидетелей: Шмелева в окрестностях Пореченского никто в тот день не видел. Следы его присутствия в доме Асташиной имелись, но он и не отрицал: да, бывал, после смерти Ангелины даже ночевать оставался два раза. Но продолжал категорически настаивать, что никакого отношения к гибели Марты он не имеет. И кто ее убил — без понятия.

— Может быть, ваш соперник?

Однако Шмелев лишь отмахнулся:

— Куда ему! Кишка тонка.

Самоцветова тоже допросили. Тот не запирался. Поведал про несчастную свою любовь, признал: да, ревновал, страдал, пытался сопернику отомстить. Алиби на день убийства у Анатолия Юрьевича не имелось, но он уверенно утверждал, что безвылазно сидел дома. Ничего не видел, не слышал. Если необходим обыск или его генетический материал на экспертизу — пожалуйста, он готов.

Оба — и Шмелев, и Самоцветов — могли, конечно, нагло и талантливо врать, но судебные медики нашли под ногтями Марты частички кожи еще одного неизвестного пока человека. А на кофточке обнаружили пятнышко крови. Тоже чужой.

Централизованного уличного наблюдения в Пореченском не имелось. Оперативники обошли дома, где имелись видеокамеры, истребовали записи. Но все их проанализировать — дело небыстрое.

Опрос свидетелей тоже ничего не дал. И поселковые охранники, и жители дружно утверждали, что ничего подозрительного не видели, кроме праздно шатавшегося Полуянова — его заметили сразу несколько человек.

Однако городские видеокамеры подтвердили, что журналист в тот день вышел из дома лишь в полдень. Марта к тому времени давно была мертва. Так что по истечении сорока восьми часов его из-под стражи отпустили. Местный следователь хотел привлечь хотя бы за незаконное проникновение в чужое жилище, но Селиванов убедил не мелочиться.

Диму домой вез лично Селиванов. Он считал это добрым знаком и всю дорогу пытался выведать тайны следствия. Друг традиционно говорил экивоками, но четко дал понять: версия, что убил Самоцветов, не подтверждается.

— Может, тогда второй? — спросил в азарте Дима.

— У тебя есть другие варианты? — поморщился майор.

Полуянов озадачено смолк.

— Может, у Нади спросишь? — вкрадчиво спросил Селиванов.

— Ей откуда знать?

— Ну, она вроде как знакома с Асташиной. В одном с ней клубе бывала.

— А, ты про это! — фыркнул Дима. Когда юрист навещал его, то привез с собой, статью из «XXL», и он внимательно ее изучил.

Ксюша за те годы, пока не виделась, и близко не подобралась к истинной журналистике. Факты собирала неплохо, только выводы из них делала в корне неверные. Но о том, как Надя спасала Юлию от самоубийства, и та потом горячо ее благодарила за возвращенную любовь, Дима прочел очень внимательно.

— Я собирался сам с твоей Надюшкой поговорить, но потом решил, что с тобой она будет более откровенной, — сказал Селиванов.

— Не, Надька моя не свингер. И с Асташиной не знакома.

— То есть статья — наглая клевета?

— С минимальными частицами правды. Надькина читательница — та самая Юля Ласточкина — бывшая девушка балеруна. Когда тот к Асташиной ушел, Надюха беднягу просто утешала. Кто-то, видно, подслушал и неправильно истолковал. А Ксюша все остальное додумала. Она ж бывшая моя практикантка, клинья ко мне подбивала. Надьку считала своей соперницей, вот и отомстила.

— Но ты все-таки расспроси подружку поподробнее, — мягко попросил Селиванов.

Когда подъезжали к дому, у Димы вдруг яркой вспышкой мелькнула мысль. Что-то очень важное. Пронеслась — и тут же растаяла.

Но сейчас, в тепле и уюте дома, после Надькиных пирогов, он вспомнил и спросил:

— Надюшка, ты знаешь такого психолога Вальдшмидта?

Митрофанова вздрогнула, словно от пощечины. Глаза расширились:

— Ты почему спрашиваешь?

— А ты чего дергаешься?

— Да я как раз тебе рассказать хотела... Просто так, к делу отношения никакого...

...Сидеть одной дома, когда любимый в тюрьме и ничем помочь, кроме теплых носков и простых печенек, разрешенных к передаче, ему не можешь, Наде казалось совсем тошным. Чем себя занять, только чтобы не сидеть одной, не гадать, как там бедный Димка? Она вдруг вспомнила, что собиралась собственное следствие провести в родной библиотеке, и тут же позвонила в службу охраны:

— Вы нашли, кто у нас в открытом доступе страницы из книг вырывает? Начальник службы безопасности усмехнулся:

— Надежда Михайловна! Вы в курсе, что сегодня из гардероба дорожную кожаную куртку забрали по чужому номерку? А вчера в буфете у читательницы кошелек вытащили из сумочки?

— Понятно. Тогда я сейчас сама приду записи смотреть.

Уже несколько часов кряду Надя сидела перед монитором и ломала глаза. Лиходея вычислила только к десяти вечера. Тот самый пожилой профессор, кого и подозревала. Хоть и стоит к камере спиной, но было видно, что книга та самая. Как вырванные странички сует в карман, тоже видно.

Начальник охраны давно ушел. Надя растормошила дремлющего ночного дежурного, потребовала немедленно скопировать запись.

— С какого времени? — зевнул тот.

— С шестнадцати двадцати. Пять минут.

— Ладно. Сейчас сделаю.

С компьютером дежурный обращался неумело. Вместо воспроизведения нажал кнопку прокрутки вперед — и Надя вдруг увидела Юлию. Девушка тоже стояла у полки открытого доступа с книгой в руках. Больше ни в каких томах страницы не вырывали, да и Ласточкина в вандализме никогда не подозревалась, но Митрофанова зачем-то попросила:

— А можно вот это изображение увеличить?

— Вы ж сказали: с шестнадцати двадцати!

— Да мне любопытно просто.

— Вам любопытно, а мне работать надо.

Но просьбу выполнил.

Митрофанова внимательно разглядела обложку. Ясное дело. Очередная книга по психологии. У Юли вся читательская карточка в таких.

Но название в памяти отпечталось: Дэн Вальдшмидт. «Будь лучшей версией себя». Еще подумала: обычно Ласточкина абсолютную заумь читает, а тут вдруг научно-популярная книжка. Небось Вальдшмидт и надоумил отказаться, наконец, от имиджа «синего чулка», сменить пучок на современную прическу и начать одеваться нормально...

Темнить Дима не стал.

— Эта книга у покойной Марты в тумбочке лежала.

— Не эта,— возразила Надя, — у нас ничего не пропадало.
— Тот же автор и название. Я еще подумал: а горничная-то с амбициями.
— Ну-у... значит, что-то модное, раз вся молодежь читает.

Полуянов внимательно взглянул на Надю и неожиданно спросил:

— Слушай... а расскажи мне про Юлю.

— А что про нее рассказывать? — удивилась Надя.

— Ну, например, тем вечером она действительно собиралась прыгать из окна?

— Черт его знает. Я так и не поняла, на самом деле или просто рисовалась.

— Зачем?

— Ну, как зачем? Чтобы я пожалела ее.

— А кто из вас первый заговорил про Асташину?

— Юлька, конечно. Я и не знала, что Феликс именно к ней ушел.

— И что ты ей пообещала?

— Да всякую чушь лепила, лишь бы она с окна слезла.

— Какую именно?

— Обещала, что верну его, придумая, как вернуть.

— А она что?

Надя замерла. Задумалась. И медленно произнесла:

— Юля спросила: «Но ты ведь ее не убьешь?»

— Ты обещала убить Асташину?

— Господи! Нет, конечно!

— А почему она так сказала?

— Не знаю...

— Но у тебя в памяти отложилось, раз взялась копать именно под нее.

— Да я уж сто раз раскаялась. Дура была! И вообще, только бросила пробный шар. Просто злой рок, что Марьяна сразу откликнулась!

— Очень интересно. Получается, на мысль убрать с дороги Асташину тебя Юля навела.

— Ну... в какой-то степени.

— А она действительно после убийства приходила тебя благодарить?

— Да. Причем на весь зал орала, как счастлива, что я ей любимого вернула.

— Блин, Надька, похоже, что-то вырисовывается. Расскажи-ка мне про эту твою Юлю все, что помнишь.

В пять лет Юля захотела себе куклу Барби. Мама сразу сказала, что денег на дорогие игрушки нет. Папа туманно произнес: «Возможно».

— Когда? — вскинулась девочка.

— Если будешь спать днем в детском садике и стараться на танцах.

Тем же вечером Юля заболела. Термометр показывал тридцать девять, ребенок кашлял и задыхался. Прибежала педиатр, успокоила: обычное ОРЗ.

Родители выполнили все лечебные назначения, но Юля продолжала плакать, ее била дрожь. А в два часа ночи прошептала:

— Я, наверно, умру. Так ее и не увижу.

— О чем ты, доченька? — перепугалась мама.

— Вы мои самые-самые любимые, — пробормотала сквозь слезы Юля. — Так не хочу от вас уходить, — и уткнулась носом в подушку.

Мама ринулась звонить в «неотложку», а отец побежал в круглосуточный магазин, выгреб всю наличность до копейки и принес своей любимой девочке куклу Барби.

Так Юля научилась манипулировать людьми.

Поначалу, в раннем детстве и младших классах, действовала по наитию. Злую воспитательницу в садике называла «моей второй мамочкой» — та сразу гнев на милость сменяла. Когда родители наказывали, звонила бабушке, живописала в ярких красках, как над ней издеваются, и старушка прибегала «восстанавливать справедливость».

В старших классах девочка всерьез увлеклась психологией. И хотя официальная наука решительно клеймила так называемые «темные методы», Юлю приемы мошенников и гипнотизеров как раз очень интересовали. С интересом изучала и оттачивала мастерство на всех, кто под руку попадался. Впрочем, довольно быстро поняла: с иными, хоть лести, хоть откровенно дави, результат нулевой. Но когда человек слаб и легко поддается влиянию, слепить из него можно все, что пожелаешь. По статистике, в популяции не более одного процента тех, кем легко управлять. Но Юле хватало, и эксперименты девушка ставила все более и более смелые. Венцом стала кассирша из ларька по обмену валюты. Девушка смогла ей внушить, что протягивает столларовую купюру, и несчастная сотрудница честно отсчитала три тысячи сорок рублей, точно по тогдашнему курсу. Хотя получила всего-то бумажный доллар.

При желании Юля и мужа себе могла отыскать такого, — из кого можно лепить, что угодно. Но беда в том, что мужчины-тряпки категорически ей не нравились. Западали только на сильных, успешных — а эти вертеть собой не давали, наоборот: начинали сами прижимать. Обожглась в личной жизни раз, другой, третий, больше решила не пробовать и в итоге выбрала одиночество. Работала переводчиком. Для души вела блог по психологии.

Феликс Шарыпов стал первым в ее жизни мужчиной, которому Юля оказалась готова не только подчиниться безоговорочно, но жизнь за него отдать.

Осаду, впрочем, вела по правилам. Умирала от страсти — а разыгрывала из себя недотрогу. Готова была на коленях ползти — но решительно отказывалась от свиданий. Феликса ее недоступность, конечно же, распалила. Но ни один успешный мужчина не станет ждать вечно. Юля до последнего тянула конфетно-букетный период и отдалась ему ровно в момент, когда поняла: еще день, и Феликс отступится, плюнет.

Далее последовали волшебные две недели сумасшедшей любви, восторгов и яркого секса. А потом Феликсу, как и следовало ожидать, покоренная крепость быстро стала не интересной. Девушка понимала: ему с ней становится скучно. Ходила с ним на вечеринки, с тоской примечала: то на одну с интересом посмотрит, то другой подмигнет.

Она еще месяц прилагала все силы, но Феликс все равно ее бросил. И ради кого! Ангелина — злоязыкая, беспринципная, эффектная и богатая вдова — сразу стала врагом номер один. И не только потому, что отобрала мужчину мечты. Юлечка тайком наблюдала за Асташинной и прекрасно понимала: та такая же, как она. Тоже беспринципный манипулятор, только куда более искусный. Пережить двойное унижение Юлия не смогла. Ее нужно раздавить, уничтожить. Но как?

И она решила привлечь в союзницы тихоню Митрофанову, начальницу зала всемирной истории. Над Надькой Юля давно угорала. Всего-то на пяток лет ее старше, а строит из себя солидную, умудренную жизнь, советы раздает: как одеваться, как с Феликсом себя вести.

Юля давно заметила: когда читателей у стойки нет, Митрофанова постоянно сидит на сайте «Кайроса». Про существование сей «тайной структуры» она, конечно, знала, проглядывала иногда, для жизненного опыта, слезные просьбы народа. А Надька там была на руководящих должностях. Торчала на сайте с логотипом «Кайроса», но пароль, прежде чем войти, всегда вводила.

Когда Феликс ее бросил, Юля решила попробовать использовать Надины возможности использовать. Срежиссировала спектакль: вечер, пустая библиотека, подоконник, попытка самоубийства. И цели достигла, и разговор провела грамотно. Митрофанова ей пообещала ровно то, к чему она ее и подталкивала: соперницу устранить.

Но только какие у библиотечарши возможности? Да и рассчитывать на единственную пулю никогда не стоит. Если устранять — то залповым огнем. Чтобы наверняка.

Собирать информацию Юля тоже прекрасно умела и начала формировать досье на Асташину, пока Феликс был еще с ней, а на телеведущую только поглядывал.

Конечно же, узнала про трагедию Шмелева и поначалу возлагала на него большие надежды. Мужчина считал Ангелину виновной в гибели дочери и телеведущей пытался всячески гадить. Но разве возьмешь такую акулу судами да пикетами? Юля решила попробовать подтолкнуть его в правильном направлении и подстроила якобы случайную встречу. Несчастный отец сочувствующей собеседнице только обрадовался. Несколько часов кряду разливался, как ему горько, и до чего несправедлива жизнь. Юля тщательно выстроила алгоритм разговора и пришла к неутешительным выводам: Шмелев — тряпка, жалкий пацифист. Влиять на такого бесполезно: к решительным действиям все равно не перейдет.

Нет, ей нужен такой Ангелинин враг, чтобы оказался смелым и без твердых принципов. Она забросила работу, перестала заниматься блоггом. Часами пересматривала выпуски «Трех шагов до миллиона», читала отзывы зрителей и участников, изучала светскую хронику, где мелькала ненавистная соперница, анализировала публикации, посвященные ей.

В том числе внимательно изучила статью в журнале «Красивые интерьеры». Особняк у Ангелины оказался впечатляющим.. В кадр попали ее обеденное кресло, больше похожее на трон, серебряный колокольчик для вызова прислуги и сама прислуга — смазливая девица в передничке. Не шибко умное лицо горничной на фотографии в журнале выражало исключительно служебное рвение. Но Юля не поленилась найти на сайте снимки, не вошедшие в глянец, и на одной из них снова увидела молодую прислужницу. Та держала в руках серебряную супницу, и губы ее кривились в нехорошей усмешке.

«А ведь они, плюс-минус, ровесницы. Только у одной есть все, а вторая вынуждена прислуживать. В идиотском фартучке. Вот с кем нужно обязательно познакомиться!»

Узнать адрес особняка труда не составило. К знакомству с Мартой Юля подготовилась тщательно. Человек всегда испытывает симпатию к тому, кто на него похож, поэтому пришлось наряжаться в вульгарные леггинсы и блестящую куртку, волосы начесывать, лицо щедро красить. Хотя и знала, что хозяйка днем по будням всегда на работе, вламываться в дом не стала. Подкараулила Марту у продуктового магазина, попросила зажигалку. Сигареты у горничной были дрянные, поэтому предложила специально купленный гламурный «Вог». Девушки разговорились, тем для беседы нашлось немало. К Ангелине даже подталкивать не пришлось, Марта сама с удовольствием заговорила про гадину-хозяйку. Юля сочув-

ственно ахала, ужасалась. Когда горничная облегчила душу, она про-
бормотала:

— Как же ты терпишь, бедненькая?!

— А ты, что ли, не терпишь, раз сама домработница?

— Я нанимаюсь только убирать. А самоутверждаться за мой счет никому не позволяю.

— Так выгонит ведь!

— Меня одна собиралась, — усмехнулась Юля. — Но человек очень уязвим перед теми, кого впускает в свой дом. Я сказала, что, конечно, уйду. Но на прощанье ее муженьку аудиозапись оставляю, как она с любовником в его отсутствие воркует.

— Неужели купилась?

— Даже денег предлагала, чтоб я ей запись отдала. Я предложила старое не поминать, но дальше работать исключительно в цивилизованных рамках. И теперь никакой «Юльки» — исключительно на «вы» обращается.

К каждому человеку индивидуальный подход нужен. Нет людей без слабостей, «ахиллесова пята» у каждого найдется.

— Слушай, ты такая умная! — искренне восхитилась Марта.

Юля отмахнулась:

— Это у меня бойфренд был умный, — отмахнулась Юля. — Психолог. Когда съезжал, книжки свои оставил. Вот, почитываю со скуки. Иногда полезное нахожу.

— Я даже ее однажды задушить собиралась, — простодушно призналась Марта. — Но поймают ведь.

— Не, — серьезно ответила Юля, — душить — это глупо. Если совсем уж достала, можно какой-нибудь несчастный случай придумать. — Но увидела в Мартином взгляде искорки тревоги — и спешно отыграла назад: — Хотя не стоит, конечно, из-за какой-то дуры собственной судьбой рисковать.

Больше про Ангелину не говорили. Но уходить Марта не спешила. Жадно расспрашивала про модные московские кабаки, магазины, ночные клубы. У Юли некоторый опыт светской жизни, благодаря Феликсу, имелся, поэтому поддержать беседу смогла. Проболтали больше часа. Когда обе замерзли, Марта сказала:

— Ты такая клевая! Может, как-нибудь по рюмахе?

— А давай! У меня завтра тоже клиентка здесь, в деревне. И зарплата как раз. С удовольствием угощу. К обеду освобожусь.

К концу второй встречи горничная Ангелины уже считала Юлю своей закадычной подругой и выложила о себе многое. Как мыкалась по заграницам, как делала в Польше аборт от хозяина ресторанчика, где при-

служивала официанткой, как, уже здесь, чуть сдуру не выскочила замуж за мерзкого старикана.

— Сейчас у меня другой. Тоже, правда, возрастной, но хотя бы мужик, а не тряпка. И на лицо нормалек.

— Так надо хватать.

— Работаю над этим. Он вроде на крючке, но насчет замужества сомневается. Вообще по жизни нерешительный.

— Есть технологии, как подтолкнуть.

— Ой, а расскажи!

Юля выдала несколько классических приемов по надежной привязке мужчины, а потом посоветовала:

— Ты лучше книжки почитай, как своих целей добиваться. — И, будто случайно, обнаружила в своем рюкзаке пару полезных, на ее взгляд, томиков.

Марта взяла.

— Как там твоя выдра? — Как бы между делом поинтересовалась Юля.

— Ой, да достала уже конкретно. Вчера проверяла, насколько чисто пол под кроватью вымыт. Моим фартуком белым.

Задумалась, сказала мечтательно:

— Так бы и прибила ее! Главное, и метод теперь знаю надежный!

— Надо же! А какой?

Марта опасно огляделась, но никто из посетителей кафе к их разговору не прислушивался.

— Грымза моя кокаин нюхает. И вот один знакомый... химик... он сказал, что туда можно яд подмешать. Не помню, как называется. Но это тоже белый порошок. И на вкус никак не ощущается, и действует не сразу. А через пару дней вроде как от воспаления легких человек помрет.

Юля слушала, затаив дыхание. Что за знакомый химик — понятно. Марта уже поведала новой подружке, что обхаживает Шмелева. А вот про кокаин — информация интереснейшая.

И, конечно, Юлечка чрезвычайно заинтересовалась, какой такой белый порошок можно подмешать к наркотику. Изучила литературу и пришла к выводу: скорее всего, Шмелев имел в виду ризин. Тоже белый, без вкуса и запаха.

Синтезировать его в домашних условиях непросто, однако Евгений с его образованием и опытом справится. Но разве решится безвольный чистоплюй на реальные действия? Его потолок — пикеты устраивать да теоретические планы мести строить.

Юля попыталась сама изучить алгоритм производства яда в домашних условиях, но быстро поняла: без серьезных знаний и специального оборудования даже пытаться не стоит.

Впрочем, в Интернете имелось несколько магазинов, где продавали самую разнообразную отраву. Ризин среди нее занимал почетное место, и поставщики активно рекламировали его надежность, простоту в применении и доступную цену.

Марта запросто могла и купить, и к наркотику хозяйки подмешать. Но готова ли она совершить преступление, а главное — подставиться? Конечно, принципы, все эти «не убий», горничную совсем не волнуют. Но женщина она разумная, и в тюрьму только ради того, чтобы ненавистную хозяйку с лица земли стереть, идти не согласится.

А если это поможет ей заполучить Шмелева? Марта ведь выложила, как на духу: изначально обхаживала Евгения только ради статуса замужней дамы и его московской квартиры. Но чем больше общались, тем милее он ей становился. С искренним восторгом щебетала: «Женя такой умный! Чуткий! Беззащитный!» Но фразы: «Будь моей женой!» — Марта пока не дождалась. Хотя продолжала надеяться. Но если... она окажет своему любимому неоценимую услугу? Отомстит за его безвинно погибшую дочь?!

Профиль Шмелева Юля тоже составила и понимала: чистоплюй, скорее всего, ужаснется. Сам в полицию, наверное, не побежит, но жениться на убийце точно не захочет. Только Марте ведь можно сказать совсем другое! Шмелев не может строить новую семью, пока его дочь не отомщена! А как только возмездие произойдет — оковы прошлого спадут, и он сделает все ради той, которая без всякой выгоды для себя лично постояла за его любимую Аленку.

Человека мыслящего убедить в подобной лабуде нереально. А вот глупенькую горничную — можно попробовать. Особенно, если Шмелев не будет путаться под ногами.

С тех пор как познакомился с Мартой, Евгений Петрович к спиртному не притрагивался. Отношения с алкоголем у него всегда были непростые, а после гибели дочери осложнились до крайности. Иногда, конечно, удавалось выпить пару бокалов и на этом закончить, но чаще махал стопочку, другую, третью, а дальше тормоза совсем отказывали.

После смерти дочери он свято следовал традиции. Каждое воскресенье — их с Аленкой единственный день, когда отдыхали от наук, вместе посещали филармонии, выставки или спектакли — теперь ездил на кладбище. Сидел подолгу возле могилы. Шептал, как ему тяжело без нее. Пару раз его сопровождала Марта, но ее щебет, столь милый в полумраке кафе, в юдоли скорби раздражал, разбивал и без того истончавшуюся с каждым днем связь с любимой Аленкой. Шмелев вытерпел посадку цветов, прополку сорняков и протирку памятника, но в дальнейшем подругу с собой не звал.

Осень стояла промозглая, ветреная, и каждый раз, когда наливал дочери поминальную стопку, выкладывал на гранитную плиту любимые ее конфетки, Евгению Петровичу все больше хотелось разделить с ней трапезу. Чтоб не поддаваться искушению, специально ездил на кладбище на машине: пьяным он не садился за руль ни при каких обстоятельствах.

Но надо ж случиться, что на соседней могиле в то воскресенье затеяли покраску оградки. Двое рабочих кляли дождливую погоду, хреновую краску, собачью работу и чрезвычайно Шмелева раздражали. Ровно до того момента, как один сказал:

— Баста. Перекур.

А второй извлек из рабочей сумки бутылку огненной воды, бутербродики и позвал:

— Мужик. Хорош тосковать. Иди, на троих разделим.

Евгений Петрович к тому моменту совсем продрог, а мысль, как холодно Аленке там, под землей, наполнила душу неизбывной тоской. Но все равно твердо ответил:

— Не пью.

— Ну и дурак, — усмехнулся работяга. — За помин души сто грамм принять — самое милое дело.

— За рулем я, — с тоской отозвался Шмелев.

— Ну и брось тут свой руль. На маршрутке доедешь.

А второй уже пластиковый стаканчик в руки сует.

И не удержался Евгений Петрович. Жажнул. Первую, вторую...

Оградку решили сегодня не докрашивать — пошагали в магазин за добавкой. Ночевал у новых друзей в сторожке. В тумане алкогольном видел на мобильнике Мартины звонки — не отвечал. А ко второму дню запоя и вовсе на телефон не смотрел.

Новые знакомые оказались ответственными — следующим вечером гульбище завершили и даже отправили собутыльника домой на такси. Евгений Петрович продолжил пить — теперь в одиночку. Морок длился четыре дня. Когда, наконец, нашел в себе силы остановиться, обнаружил двадцать восемь пропущенных вызовов от Марты и пятнадцать ее сообщений — сначала встревоженных, потом гневных.

Его терзало похмелье, на душе было тошно, поэтому немедленно кидаться с оправданиями он не стал. Заварил крепкого чаю, включил телевизор и бездумно пялился на экран. Уже хотел выключать, но вдруг увидел портрет Асташиной. Вздрогнул, прибавил громкость. Диктор сообщил:

— Продолжается расследование убийства известной телеведущей. Как нам стало известно, причиной ее смерти стал рицин. Яд оказался подмешан в кокаин, который Асташина употребляла.

Евгений Петрович в ужасе уставился в телевизор.

Его мечты ожили? Стали явью?

Вспомнил, как Марта в уюте кафе поведала ему про тайную страсть хозяйки. А он, химик, не удержался от едкого:

— Кто б ей туда рицина добавил!

— Это что такое? — простодушно спросила девушка.

Он и рассказал про яд без вкуса и запаха, который действует максимально эффективно, если его вдыхать.

— Ой, а ты можешь сделать? — оживилась Марточка.

— Зачем?

— Как зачем? Ей подсыплем.

Но Шмелев лишь горько усмехнулся:

— Забудь. Это неправильный метод.

Неужели Марта... нет, она не могла... да и где ей взять этот яд?

Потянулся к телефону — немедленно позвонить, но уронил руку и включил компьютер.

Информации о ходе расследования мизер. Ангелина вроде как ночь накануне смерти в каком-то подозрительном клубе провела. И родственники мужа, оставшиеся без наследства, как предполагали журналисты, могли отомстить. Про то, что горничная на подозрении, — ни слова.

Но вдруг это все-таки она?! Надо срочно с Мартой увидеться и спросить — с глаза на глаз.

Хотел поехать немедленно, но выдохнул в кулак — выхлоп приличный. Да и вид совсем жалкий, почти как у Самоцветова. Придется до завтра ждать.

Выпил еще чаю. Подумал. Написал Марте сообщение:

«Прости, что не отвечал. Был болен. В лесу, говорят, грибы пошли. Давай сходим завтра?»

Ждал, что телефон тут же затрезвонит, но подруга отреагировала сдержанно. Отпечатала в ответ:

«Давай. Часиков в девять? На нашем месте?»

Марту никто не подозревал — допросили единственный раз, и вопросы задавали формальные, но она все равно дико нервничала. Боялась не за себя. Причитала:

— Вдруг Женька не поймет?!

Юля убеждала:

— Поймет, — убеждала Юля, — и оценит. Ты ведь не ради себя — ради него старалась.

— А если наоборот? Скажет, что с убийцей ничего общего?!

- Сдавать полиции он тебя точно не будет. Гарантирую.
- То есть как? — побледнела Марта.
- Шмелев благородный. Не станет доносить на любимую женщину.
- Да понятно, что не будет! Но если он просто уйдет?!
- Так ты не спеши признаваться. Сначала почву прозондируй.
- Подожди-подожди! Ты говорила, я для него святой стану! Он ноги будет мне целовать! Ты гарантировала мне!
- Я и сейчас уверена. Исходя из его профиля. — Юлия постаралась, чтобы голос прозвучал твердо. — Но психология — это ведь не математика, не точная наука. Я просто хочу сказать: если вдруг он не оценит, тебе лично все равно ничего не грозит.
- Но Женька же меня бросит тогда! — в ужасе выкрикнула Марта и вдруг, сузив глаза, рявкнула: — Если так, я все расскажу!
- Что ты расскажешь?
- Да про тебя! Кто этот план придумал!
- Кому?
- И Женьке! И полиции!!!

Такой реакции Юля не ожидала. Намечавшуюся ссору нужно было срочно гасить.

Она ласково погладила подругу по плечу и следующие пару часов старательно внушала ей, что все будет, как обещала. Шмелев обязательно оценит ее жертвенность, и уже завтра они пойдут подавать заявление в загс.

Но когда, наконец, расстались, в отчаянии подумала: «А ведь Шмелев не оценит. И с этой дуры, правда, станется все ему рассказать!»

Юля вернулась домой и заметалась в отчаянии по квартире. Когда выстраивала свой план, просчитывала все только до кульминации — смерти Асташиной. И когда задуманное сбылось, да еще Феликс к ней вернулся, самонадеянно считала, что победила.

«Но тебе и сейчас ничего не угрожает, — успокаивала себя. — Даже если Марта все расскажет Шмелеву, что они сделают? Яд покупала она. Подмешивала — тоже. Я-то здесь каким боком? Да и не пойдет она в полицию — совсем, что ли, враг себе? Благородный Шмелев тоже любимую женщину не сдаст».

«Однако преступник-то до сих пор не найден, — хихикнул мозг. — И Марта, вероятно, тоже под подозрением. Да, сама в полицию не пойдет, но если на нее надавят? Уж тогда она про меня точно расскажет».

Сразу все огрехи начали вспоминаться. Ссылку на магазин ядов Марте она сдуру с собственного телефона отправила. И рабочие на кладбище, конечно, вспомнят девушку: заплатила им целых десять тысяч за то, чтобы напоить безутешного скорбящего.

«Как бы до ее телефона добраться, переписку уничтожить!» — страдала Юлия.

Аппаратик у Марты, разумеется, под паролем, но она давно подсмотрела. Надо срочно с ней встретиться, под каким-нибудь предлогом заполучить мобильник и стереть переписку! Но на дворе — глубокая ночь. А завтра в девять утра горничная уже со Шмелевым встречается! Даже если удастся увидеться с ней до того, стереть из телефона следы, все равно страх, что Марта расколется, выдаст ее, будет преследовать вечно. Тем более что Юлин мотив убить Асташину для полиции окажется очевидным.

К четырем утра Ласточкина уже была готова бросить все, даже любимого Феликса, и просто бежать. Куда угодно.

А к пяти ее, наконец, осенило.

Психологические построения журналиста Селиванову показались занятными. Фактов, правда, оказалось негусто.

Полуянов утверждал: в день смерти Марты он проник в коттеджный поселок Пореченское через дыру в заборе. Обратил внимание, что дорожка к тайному ходу не протоптана, а прут выпилен крайне неумело и криво.

Охрана утверждала, что проводит ежедневный обход территории, и накануне вечером лаза, совершенно точно, не имелось.

Надя же вспомнила: когда, вскоре после неудавшегося самоубийства Юлии приезжала к ней домой, подбодрить-утешить, в коридоре видела болгарку и криво распиленную кафельную плитку. То есть девушка инструментом владеет и обращаться с ним умеет.

— А еще, — горячо рассказывала Надя, — знаете, что мне странным показалось? Юлька тогда говорила, что целыми днями дома, что ей плохо. Но когда я приехала в библиотеку, она позже меня пришла. Сапоги все в грязи. Сказала, что в тоске бродила сама не знает где. И накануне тоже, когда я звонила, фоном слышала: вороны кричали. Юлька сказала, что в какой-то парк забрела. Но врать что угодно можно. Она запросто могла оба дня в Пореченское ездить, горничной мозг полоскать. Там, если без машины, дорога дрянь, обувь точно испачкаешь.

— Как и в любом парке осенью, — парировал Селиванов.

— Но можно банально проверить, где она провела то утро, когда убили Марту, — вкрадчиво предложил Полуянов.

Запрос Селиванов составил. А потом поехал к Шмелеву (тот все еще находился под стражей). Про день убийства больше не расспрашивал. Интересовал его исключительно ризин.

В квартире Евгения Петровича действительно располагалась лаборатория. Эксперты уже исследовали помещение и уверенно заявляли: обо-

рудования, необходимого для производства этого яда, как и его следов, там не обнаружено.

Но химик Шмелев в силу своего образования просто обязан знать, как рицин действует.

Евгений Петрович лепетал прежние показания. Вообще не ведал, что Асташина употребляет кокаин, и уж тем более никогда не обсуждал с Мартой возможный способ убийства ее хозяйки.

Тогда Селиванов резко перевел разговор:

— А у Марты были подруги?

— К чему это сейчас? — устало спросил Евгений Петрович.

— Мы практически сняли с вас обвинения в убийстве. Но вопрос, кто это сделал, по-прежнему открыт. Ищем в первую очередь в ее окружении.

— Она дружила с какой-то своей коллегой, — пробормотал Шмелев. — Тоже домработницей.

— Как зовут?

— Да я не интересовался. Галя, что ли, или Юля. Марта от нее в вос-
торге была. Говорила: такая умница, столько всего знает! Даже странно,
что полы в чужих домах моет.

Момент, как Юлия Ласточкина выходит из дома, городские камеры видеонаблюдения не поймали. Но в шесть утра, в паре кварталов от дома она садилась в такси. По номеру машины вычислили водителя, расспросили о раннем рейсе. Пунктом назначения была Опалиха — ближайший к Пореченскому крупный населенный пункт.

— Где вы ее высадили?

— У станции.

— И куда она пошла?

— Вроде, на электричку... — неуверенно сказал водитель.

— Вроде?

— Отправилась в сторону вокзала. Но я уехал не сразу, остановился шаурму съесть и видел: она все это время на площади болталась. Хотя объявляли поезда и на Кубинку, и на Шаховскую.

Селиванов отправил оперативников опрашивать местных таксистов, а сам снова поехал к Шмелеву и спросил у него:

— Вы точно не говорили Марте, как может действовать рицин в сочетании с кокаином?

— Да почему это так важно?

— Потому что кто-то другой мог вашу идею использовать.

— Ну... хорошо. Говорил... Говорил! Марта даже загорелась сначала. Тоже не любила Асташину. Но я жестко сказал: насилие — не наш метод. Она и умолкла.

Когда сети заброшены повсюду, хоть мелкая рыбка, да поймается.

Один из нелегальных таксистов со станции Опалиха признал, что вез в день убийства девушку, чрезвычайно похожую на Юлию. Вышла она у поворота на Пореченское.

А сорок минут спустя женскую фигуру в темной куртке, кепке по самые глаза и с рюкзачком поймала видеочамера частного дома в поселке.

К Ласточкиной отправились с обыском.

Дверь открыл Феликс Шарыпов. Поначалу благостный, в шикарном махровом халате, он выслушал, как Юлии предъявили обвинение, и удивленно пробормотал:

— Горничную-то зачем было убивать?

У него попросили объяснений, и танцор простодушно сказал:

— Мне приятно было думать, что Асташину Юлька ради меня отравила. А вот причем здесь эта Марта — совсем не понимаю.

Сама Ласточкина рыдала и на вопросы отвечать отказывалась.

Орудия убийства (как и болгарки, про которую говорила Надя) в квартире не обнаружили, но экспертиза уверенно подтвердила: частицы кожи из-под ногтей Марты Костюшко принадлежат Ласточкиной. И чужая кровь, запятнавшая кофту покойной, — тоже ее.

Юля, в конце концов, согласилась сотрудничать со следствием и призналась, как обманом сподвигла Марту к убийству хозяйки и потом уничтожила ее саму.

Девушка не испугалась, когда утром подруга позвонила в домофон. Отворила ей калитку, впустила в дом. Юлия убила ее специально купленным охотничьим ножом. С одного удара не получилась: Марта сопротивлялась, царапалась. Но Ласточкиной удалось ее одолеть. А потом, благо знала пароль, отправила с телефона горничной сообщение Шмелеву. Надеялась, что тот лично явится требовать объяснений, и в убийстве обвинят его.

Феликс охотно давал интервью и посещал ток-шоу, посвященные «роковой любви». Но подругу свою никак не поддержал — даже адвоката Ласточкиной назначило государство.

Шмелева из-под стражи освободили.

«Кайрос», к огромной радости Анатолия Юрьевича, в громком деле никак не фигурировал. И Название клуба «Спартак» нигде не прозвучало. Тело Марьяны так и не нашли. Убийство Егора Кириченко, крупного бизнесмена и постоянного посетителя клуба, также осталось нераскрытым, и со смертью Асташинной его никто не связывал.

Но Игорь не торопился возвращаться из-за границы.

Однажды — с незнакомого номера — написал Полуянову:
Я далеко. Коты со мной. Она любила меня. Нашел в ее квартире.

Дальше следовал стих:

Мне стыдно за работу. За себя.

И признаваться страшно, что люблю тебя!

Люблю — а слов не нахожу. Злой рок.

Но ты мне очень нужен, Игорек.

Надя, когда прочитала, расплакалась и горько произнесла:

— Это теперь всегда со мной. Считай, своими руками человека убила.

Дима обнял ее и прошептал:

— Жаль, что они не нашли друг друга. Могли бы быть счастливы. А ты здесь ни при чем.

В «преступную» группу входили четверо: врач, директор дома отдыха, психологи... «вор».

Доктор (пожилая акушер-гинеколог) нервничала больше всех. Хотя и считала дело за благо, все равно страдала, что пришлось нарушить врачебную тайну.

Директор оздоровительного центра предоставил все возможные услуги: коттедж со всеми удобствами в сосновом лесу, лыжи, коньки, санки, баню, трехразовое ресторанное питание. Даже хороший алкоголь в холодильнике бара.

Психолог, выдававший себя за сотрудника дома отдыха, контролировал ситуацию из аппаратной.

Ну а «вор» в назначенное время произвел два преступных деяния. Одно — с машиной, второе — с вещами туристов. По поводу автомобиля получил строгий наказ: на следующий день так же незаметно поломку устранить.

Выглядел он респектабельно (в обычной жизни служил капельдинером в драмтеатре), поэтому внимания к себе не привлек.

И хотя врач сказала, что гарантий в столь щепетильном деле быть не может, все четверо надеялись на успех.

Пусть Анатолия Юрьевича полностью оправдали, человек этот по-прежнему Диме был неприятен. Да, перед законом чист. И делу хорошему искренне служит. Но коли именуешь себя Зевсом, изволь быть абсолютно непогрешимым. А пускать слюни на девчонку, замуж ее звать, чтобы старческую свою похоть потешить, — как-то совсем не по-божески. И уж тем более некрасиво пытаться на счастливого соперника убийство повесить.

Надя шефа горячо защищала:

— Что такого он сделал? Влюбился, жениться хотел. А когда бросили его — за свое счастье боролся.

— По себе надо пару выбирать, — ворчал Полуянов, — а не покупать молодое тело и не пытаться мстить более удачливому сопернику.

— Он вину искупил, — с сочувствием вздыхала Митрофанова. — Страдает. Да еще под подозрением оказался. По твоей, между прочим, милости.

Дима, конечно, яростно спорил — он просто предоставил следствию факты. В итоге Самоцветова даже под стражу не взяли, только допрашивали. Но Надя все равно хмурилась:

— Анатолий Юрьевич к нам с открытым сердцем. А ты, вместо того чтобы детище его любимое защитить, копать под человека начал.

Впрочем, сам Зевс обиды на Полуянова не держал. Когда ситуация разрешилась, пригласил Надю с Димой в гости. Горячо благодарил, что настоящий преступник с их помощью найден, а любимый «Кайрос» в грязной истории никак не замазан. И церемонно попросил принять скромный подарок — путевку на два дня в элитный дом отдыха.

Тут даже Надя возмутилась:

— С ума сошли?! Мы ж не за деньги старались!

— Вы денег и не берете, — хладнокровно парировал Зевс. — Директор дома отдыха — мой друг. Когда вы последний раз куда-то вдвоем выбирались?

— В Сочи. Еще при ковиде, — вздохнула Надя.

— Если захотим — сами найдем, куда съездить, — отрезал Дима.

— Сосновый лес, тишина. Пять звезд. Питание санаторное. Массаж, спа, лыжи, коньки, — продолжал искушать Зевс. — В выходные или на Новый год мой друг предлагать бы не стал: бизнес превыше всего. Но посреди недели будет очень рад вас видеть. Вы заслужили, зачем отказываться?

Конечно, Надя Диму уговорила. Разве плохо съездить в пять звезд на халаяву? И несколько дней на работе выпросить за свой счет — совсем не проблема.

«Ненавижу я эти нудные дома отдыха», — ворчал Полуянов, пока неслись по заснеженной трассе.

Но когда прибыли, приободрился: на типичный пансионат заведение совсем не походило. Вместо стандартных жилых корпусов — аккуратные коттеджи со всеми удобствами. Ресторан — в отдельном, уютном домике (при желании еду, без всякой доплаты, доставляли в номер). Коттедж весь в их распоряжении. Спальня, гостиная, холодильник с достойными

напитками, джакузи, сауна, бильярдный стол. На кухне — специ для глнтвейна. Надя взялась подогреть вино, Дима врубил в гостиной стереосистему.

На ужин в ресторан пришли слегка подвыпившими, веселыми. Еда оказалась выше всяких похвал, компания — тоже милая. Приличного вида пары — все примерно их возраста, несколько вполне воспитанных детей.

Аниматор — молодой, но, очевидно, профессионал — легко втянул их в вечерние забавы. Играли в «ручеек», в «фанты», в смешную игру «Выбери себе папу с мамой»: дети задавали взрослым вопросы, давали задания, а по итогу говорили, в чью семью они согласились бы перейти.

К Наде с Димой захотели аж двое — прелестная белокурая девочка и смешной трехлетний карапуз.

— Ваши собственные дети рискуют получить дополнительных братика и сестричку! — рассмеялся ведущий.

— Что ж, я не против — браво отозвался Полуянов, держа детей на коленях.

Надя только грустно вздохнула. На словах сколько угодно можно грозиться, только собственных отпрысков друг сердечный никак не хотел. Считал, что слишком большая ответственность.

После игр пили глнтвейн, а на завтра массовик-затейник объявлял большой лыжный поход по сосновому бору и костер в лесу для тех героев, кто осилит пять километров в комфортном темпе. После обеда и тихого часа — гонки на санках с горки. По окончании ужина — дискотека на катке. Надя боялась, что Полуянов начнет уклоняться, но тот с удовольствием принял участие во всех мероприятиях.

К десяти вечера вернулись в коттедж — румяные, пьяные от чистого воздуха. Тут же явился консьерж:

— Я подготовил сауну. Вместо купели советую прыгать в снег. В предбаннике — усыпляющий травяной чай, очень рекомендую.

Глаза у Нади уже слипались, но Димка попариться любил, поэтому пришлось составить компанию. Парилка, бодрящие, колкие сугробы. Хохот, визг. Чай, правда, не понравился: слишком аптекой пах. Но выпили, чтобы не огорчать услужливого консьержа.

Распаренная Надя, блестя глазами, прыгнула на белоснежную простынь. Димка в полусумраке ночника, с полотенцем вокруг бедер, выглядел совершенным атлетом. Чай вроде обещали усыпляющий, но напиток, наоборот, обоих взбодрил, и когда Полуянов ее обнял, начал покрывать поцелуями, Надя застонала от удовольствия.

— Я сейчас, — шепнул Дима.

Вышел из спальни, вернулся растерянный:

— Средства защиты забыл. Хотя вроде точно клал. Может, украли?

— А деньги на месте? — развеселилась Надя.

— Да.

— Вор-извращенец в пятизвездочном отеле! Забирает только резиновые изделия!

— Может, в город сгонять? — неуверенно предложил Дима.

— Я согласна просто лечь спать, — отозвалась Надя и потянула на себя пушистое одеяло.

Но Полуянов уснуть не дал. Откинул одеяло и набросился на нее.

«А день-то сегодня опасный», — подумала она, но Димке ничего говорить не стала...

...Мужчина, сидевший перед монитором, тактично выключил изображение. Достал телефон и отпечатал: «Они это сделали».

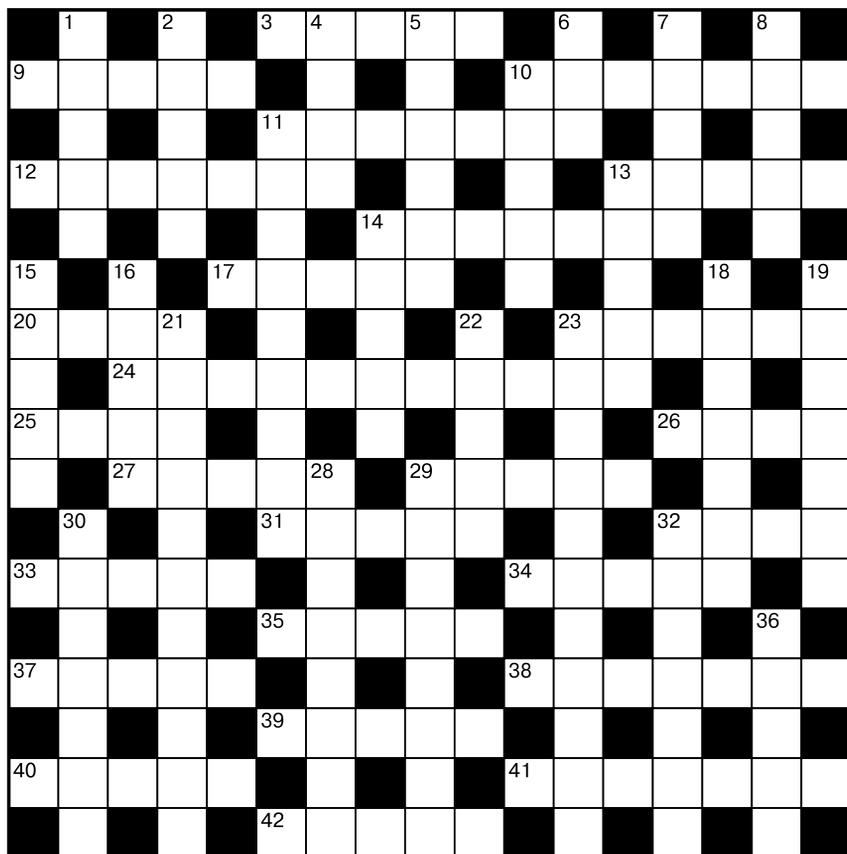
Надя же наслаждалась таким любимым, сильным, родным Диминым телом. А потом поцеловала его и прошептала:

— Хочу от тебя дочку.

Ждала, что он, как обычно, разозлится: не любил, когда на него давят, но Полуянов сквозь сон пробормотал:

— Да, может, и сделали мы ее сегодня. — И решительно добавил: — Если зачали, пусть остается. Давно было пора... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Букашка шпионского звучания. **9.** Стихотворный брак. **10.** Что составляет изюминку кофейного напитка моккачино? **11.** Кто настаивает на крайних мерах? **12.** У кого из героев Владимира Этуша самая длинная борода? **13.** Культовый поэт, чей

образ попал на полотно Сальвадора Дали. **14.** Основа рога носорога. **17.** Зубная накладка. **20.** Выброс из вулкана. **23.** Чем древние греки скрепляли на плече хламиду? **24.** Президентский дебют. **25.** «Люди раз пять хряпнули, пока он ... приканчивал». **26.** Индивидуальная партия ор-

кестранта. **27.** Океан между Австралией и Евразией. **29.** «Молекула» влаги. **31.** Овощ цвета крови. **32.** Что звучит в конце раунда? **33.** Что рубил великий психолог Карл Юнг вместо физических упражнений? **34.** Спортсмен «нежных лет». **35.** «На заборе сидит петух, под забором растет ...» **37.** Зародыш пожара. **38.** Что собой представляет Ясная Поляна в Тульской области? **39.** «Самый пахучий» среди платиновых металлов. **40.** Какое животное помогло Одиссею покинуть пещеру циклопа? **41.** Повелитель музыкальных клавиш. **42.** Последний воин из племени могикан в романе Фенимора Купера.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Обломовское лежбище». **2.** Кто написал музыку к песне про Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой из репертуара Марка Бернеса? **4.** От какого страха можно обезуметь? **5.** Какое слово роднит армию со слоном? **6.** На что линолеум стелют? **7.** Птица с имен-

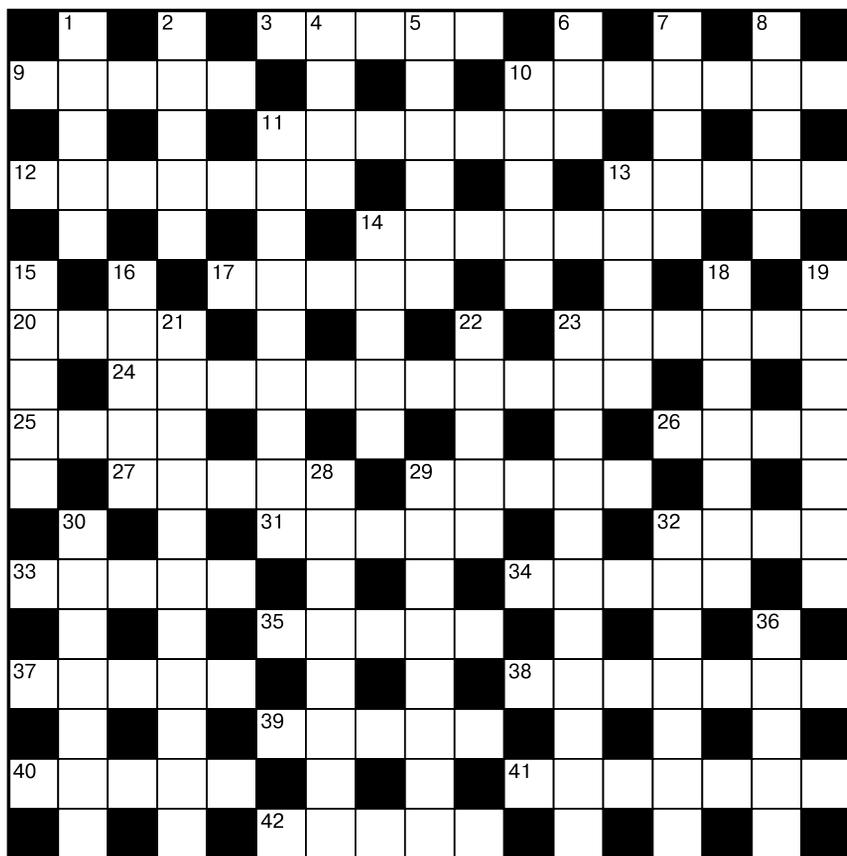
ным созвездием. **8.** Многоугольник с резьбой в центре. **10.** Какой художник заставил летать и повозки, и влюбленных? **11.** «Зубная боль понижее поясицы!». **13.** Цветочный символ мира в Древней Руси. **14.** Рыба с красной икрой. **15.** Что у христиан враждебно духу? **16.** Какими звуками воздействуют на болотную гадюку в рассказе Артура Конана Дойла «Пестрая лента»? **18.** «Цезарский гриб» среди деликатесов в Южной Европе. **19.** Подневольный труд в кандалах. **21.** Встреча старого хлама и новых денег. **22.** Любимый картофель у китайцев. **23.** На какой вокзал Санкт-Петербурга прибыл исторический поезд с Владимиром Лениным в опечатанном вагоне? **28.** Пигмент в основе зрения. **29.** Кто упрекает товарища Новосельцева в публичной клевете? **30.** Кто исполняет судебные решения? **32.** Чем грешат из-за избытка самомнения? **36.** Как известно, Михаил Булгаков сжег раннюю версию «Мастера и Маргариты». Чего он опасался?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Поло. **6.** Оберег. **10.** Шилейко. **11.** Чайник. **12.** Дракон. **13.** Лотерея. **14.** «Репка». **17.** Хор. **18.** Митохондрия. **21.** Фломастер. **22.** Радость. **25.** Петух. **26.** Закидушка. **27.** Карт. **29.** Безумец. **30.** Осмий. **31.** Пассив. **33.** Дистрофик. **36.** Огурец. **38.** Крым. **39.** Тосканини. **40.** Трап. **41.** Сбыт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Печь. **2.** Лайнер. **3.** Шик. **4.** Велосипед. **5.** Склероз. **7.** Буря. **8.** Река. **9.** Гонг. **10.** Шишка. **12.** Декорация. **14.** Рояль. **15.** Однокурсник. **16.** Синтаксис. **19.** Омлет. **20.** Остужев. **23.** Валентино. **24.** Экспромт. **25.** Прислуга. **28.** Дудинка. **29.** Билет. **32.** Война. **34.** Краб. **35.** Смит. **37.** Цой.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Основной жанр испанских танцев. **9.** Кто сочинил балет, откуда взята музыка для гимна Санкт-Петербурга? **10.** Дисциплина спортивной спелеологии. **11.** Какой архитектор создал парижское здание ЮНЕСКО? **12.** Странствующий исполнитель новогодних

песен у японцев. **13.** Хорватский свиной окорок. **14.** Тирольское жаркое. **17.** Тиара с зубцами. **20.** На какой праздник индийцы собирают мандалы из цветов? **23.** Кто из сыновей Гермеса якобы участвовал в создании латинского алфавита? **24.** Символ «всевидящего ока». **25.** Самый

популярный пудинг на Кубе. **26.** Пророчица из песен «Эдды». **27.** Звезда «немого кино» среди любимцев Владимира Набокова. **29.** Сын Станислава Лема. **31.** Какая пустыня занимает около 60% площади Израиля? **32.** Самый высокий вулкан в Африке. **33.** Какой кардинал однажды практически спас великого Караваджо от костра инквизиции? **34.** Какое вещество формирует тяжелую ноту в восточных духах? **35.** Какую из своих картин Винсент Ван Гог называл «громоотводом от болезни»? **37.** Звездное лицо Дейенерис Таргариен. **38.** С каким демоном часто связывали «магические способности» ордена тамплиеров? **39.** Молитвенный коврик у индусов. **40.** «Лихорадочная трава». **41.** Где окончил свои дни Клод Моне? **42.** «Роковой день» в календаре маяя.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Бриллиантовая икра» белуги. **2.** Какой ураган «прервал» съемки фильма «Ной» Даррена Аронофски? **4.** Золотая

змея на головных уборах фараонов. **5.** За кого себя выдал Владимир Дубровский? **6.** Кому осложняет жизнь экзорцист? **7.** Единственная река, вытекающая из Онежского озера. **8.** Какой японец придумал караоке? **10.** Мера объема у древних греков. **11.** Византийские шахматы. **13.** «Беда не приходит одна» (римский драматург). **14.** Стихотворный афоризм. **15.** Самый северный из Ионических островов. **16.** Зависимый гражданин планеты Плук. **18.** Гладиатор в глухом шлеме. **19.** Задаток за товар в Византии. **21.** Слуга феодала из средневековых времен. **22.** Последний фаворит Екатерины Великой. **23.** «От великого до смешного — одна ...» **28.** «Штат черной воды». **29.** Из какого растения приготовили самый первый попкорн? **30.** Музей-усадьба Дмитрия Менделеева. **32.** Какую партийную кличку актриса Мария Андреева получила за умение тянуть деньги на революционные нужды из богачей? **36.** Макароны «трубочки» из Италии.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Шиле. **6.** Юденич. **10.** Копенек. **11.** «Фарман». **12.** Кистер. **13.** Виминал. **14.** Систр. **17.** Хек. **18.** Блундекраль. **21.** Випассана. **22.** Адипсия. **25.** Ротко. **26.** Пятигорск. **27.** Имер. **29.** Рингтон. **30.** Рефил. **31.** Акимат. **33.** Салумерия. **36.** Курбет. **38.** Ялем. **39.** Кармакара. **40.** Вейс. **41.** Ныка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шафт. **2.** Ларвик. **3.** Эон. **4.** Рециклинг. **5.** Телиани. **7.** Дрил. **8.** Нето. **9.** Чиру. **10.** Катта. **12.** Календжин. **14.** Сепия. **15.** Криптомерия. **16.** Эллипсоид. **19.** Габор. **20.** Асикрит. **23.** Мясорубка. **24.** Михалков. **25.** Ретиарий. **28.** Агисма. **29.** Радек. **32.** Неарх. **34.** Ялы. **35.** Ямча. **37.** Тао.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11398455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11398455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверно, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и забываемых моментах своего детства, об этом счастливым
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

